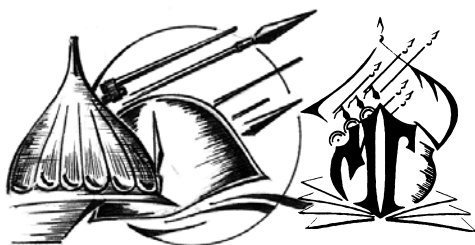

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2016

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр БАСТРЫКИН. Пора поставить действенный заслон информационной войне	3
Валентин КАТАСОНОВ. Гибридная война Запада против России	12
Вадим РЫБИН. Нужна борьба за родной язык	98
Сергей ЕЛИШЕВ. Молодёжь как объект манипуляций	107
Людмила ТИХОНОВА. Приближение к тайне	168

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Лестница. Роман	17
Валерий ХАТЮШИН. Дожить до завтра (Дневник солдата). Повесть	121
Алексей СЕРОВ. Хозяин. Рассказ	181

ПОЭЗИЯ

Вадим ЯРЦЕВ. В этом захолустном городке. Стихи	90
Анатолий АВРУТИН. Родная страна широка... Стихи	161
Эмма МЕНШИКОВА. Все окна изба проглядела. Стихи	192
Поэзия изгнания. Стихи поэтов Донбасса, покинувших родину	219

РУССКИЙ МИР

Михаил АНДРЕЕВ. Православных бандеровцев не бывает	200
Мирослав РУДЕНКО. Задачи исторической науки в ДНР, ЛНР и Новороссии	204
Геннадий МИРОНОВ. Еще один урок для нас	210
Валерий СКРИПКО. Украинская фамилия	215

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Михаил ДЕЛЯГИН. Чубайс и его воровские нанотехнологии	231
Инна СИМОНОВА. «Победа» Джамалы... ..	233
Валерий ФИЛИМОНОВ. После нас хоть... пустыня	235

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Дмитрий ЯЗОВ. Дипломатический триумф Сталина	238
Михаил РЕМИЗОВ. Мигрант в московском котле не плавится... ..	252

ДОСЬЕ «МГ»

Людмила РЯБИЧЕНКО. Они будут следить за нами	257
Виктор ЧЕРНЫШЁВ. Дивизия СС «Галичина»	261

СИМВОЛ ВЕРЫ

Юрий КЛИМАКОВ. Последний первосвященник	264
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	276
---	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Нина ТИХОМИРОВА. Священный дар слова	287
--	-----

Александр БАСТРЫКИН,
председатель Следственного комитета РФ

ПОРА ПОСТАВИТЬ ДЕЙСТВЕННЫЙ ЗАСЛОН ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

В 2015 году в Российской Федерации наметилась негативная тенденция в динамике преступности экстремистской и террористической направленности.

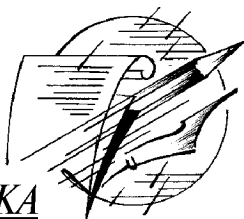
Зарегистрировано 1329 преступлений экстремистской направленности, что на 28,5% больше, чем в 2014 году (1034). Рост числа этого вида преступлений отмечен в 56 субъектах Российской Федерации.

Количество таких преступлений, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), возросло почти на 40% в сравнении с 2014 годом.

Зарегистрировано 42 преступления по организации деятельности экстремистской организации (+2,4%).

Отмечено и значительное увеличение (на 36,3%) количества преступлений террористического характера, совершенных на территории Российской Федерации. Всего зарегистрировано 1538 преступлений (в 2014 году — 1128).

Предотвращено на стадии приготовления или покушения 70 преступлений.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

С использованием сети интернет совершено 133 преступления террористического характера.

Особенно сложная обстановка наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе, на который приходится основной массив преступлений террористического характера — 1168 преступлений, или 75,9% (плюс 32,3%) (в 2014 году — 883).

Росту числа подобного рода преступных проявлений способствовали как внешние (геополитические), так и внутриполитические факторы.

Последнее десятилетие Россия, да и ряд других стран, живут в условиях так называемой гибридной войны, развязанной США и их союзниками. Эта война ведется по разным направлениям — политическому, экономическому, информационному, а также правовому. Причем в последние годы она перешла в качественно новую фазу открытого противостояния.

Основными элементами экономического воздействия стали торговые и финансовые санкции, демпинговые войны на рынке углеводородов, а также валютные войны. Умело манипулируя огромной долларовой массой, Штаты обрушивают национальные валюты развивающихся стран. Российским организациям были перекрыты каналы внешнего долгосрочного заимствования, которые составляли основу инвестиций для развития реальных (производственных) секторов экономики. Примечательно, что ограничения на движение финансов не коснулись краткосрочного финансирования, которое в настоящее время активно используется для спекулятивного давления на нашу национальную валюту. Во многом результатом этих мер стала глубокая девальвация рубля, падение реальных доходов населения, спад промышленного производства, рецессия в экономике. Возник дефицит бюджета и вытекающие отсюда последствия в виде секвестирования его расходной части, а также повышение фискальной нагрузки для увеличения доходов.

К сожалению, инструментами этой войны всё чаще становятся международное право и основанная на нём юстиция.

Яркими примерами тому стали решения по делам ЮКОСа, решение по делу об убийстве бывшего офицера ФСБ Александра Литвиненко, доклад Совбеза Нидерландов по итогам расследования факта крушения малайзийского «Боинга» МН17, проверка ФБР США легитимности присуждения России и Катару прав на проведение чемпионатов мира по футболу 2018 и 2022 годов, похищение, насильственное перемещение в США и осуждение к длительным срокам лишения свободы наших граждан Виктора Бута и Константина Ярошенко и т.д.

Однако наиболее разрушительными стали последствия от информационной войны. Поддерживая радикальные исламистские и другие радикальные идеологические течения, США полностью дестабилизировали обстановку на Ближнем Востоке. Последствия искусственно инициированных путчей, революций и кризисов в этом регионе до сих пор испытывает на себе Европа, которую заполонили толпы беженцев, проповедующих качественно иные социокультурные традиции и вытесняющих местное население. Следствием подобной политики и стали террористические организации «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра», «Аль-Каида» и другие, участвующие в вооруженном конфликте на территории Сирийской Арабской Республики. Живая сила для пополнения этих организаций вербуются по всему миру, в том числе и в России.

Более тысячи российских граждан выехали в Сирийскую Арабскую Республику для участия в вооруженном конфликте. В отношении этих лиц уже возбуждено 469 уголовных дел. Из них 135 человек погибли в результате боестолкновений с правительственными войсками Сирии.

Основные каналы въезда граждан России в районы с повышенной террористической активностью пролегают через Турцию и Египет, куда они попадают как напрямую, так и через третьи страны (Грузия, Азербайджан, Белоруссия, Украина, Молдова) под предлогом отдыха, получения теологического образования, коммерческой деятельности и т.д.

Основной прием информационной войны — это манипулирование близкой для определенной социальной группы идеологией посредством ее радикализации. Очевидно, что система религиозных, этнокультурных и конфессиональных ценностей — это тот пласт общественного бытия, который определяет такое наиболее значимое свойство любой нации (народности) и другой подобной социальной группы, как самоидентификация. Многие из этих ценностей формировались, сохранялись и передавались из поколения в поколение веками. Поэтому ни одна нация не желает расстаться со своей идентичностью. Пожалуй, это единственная ценностная общность, которую она готова защищать с оружием в руках и, как говорится, до последней капли крови.

Осознавая всю разрушительную силу конфликтов на почве межнациональной (межэтнической) ненависти, США сделали ставку именно на этот информационный элемент. На современном уровне понимания проблемы очевидно, что подрыв идеологического фундамента СССР, в основу которого был положен принцип братства народов, также был ини-

---

цирован извне и строился на приемах национальной розни. Не случайно в начале 1990-х годов практически одновременно начинают возникать многочисленные межэтнические конфликты — карабахский, грузино-абхазский, осетинингушский, приднестровский. В это же время проходят первые массовые митинги националистически настроенных граждан в Киеве. Помимо этого подрыв государственности велся и посредством антисоветской агитации и финансирования политической оппозиции в Латвии, Литве, Эстонии, Грузии и других странах.

Конечно же, в представлении местного населения происходящее на тот момент осознавалось как локальные конфликты. Однако сейчас уже совершенно очевидно, что все эти столкновения были элементом начальной, пока еще скрытой, фазы информационной войны.

Вне всякого сомнения, информационно-идеологическое «оружие» будет применяться и дальше. Об этом свидетельствует увеличение расходов государственного бюджета США на программы так называемого развития институтов демократии в граничащих с Россией странах, а также в государствах Средней Азии. Истинный же смысл этих средств становится очевиден из названия самой статьи расхода, именуемой «противодействие российской агрессии через общественную дипломатию и программы внешней помощи, а также создание устойчивого правительства в Европе».

Всего по этой статье на расходы в 2017 году выделено около 4,3 млрд. дол., из них около миллиарда пойдет на программы так называемой борьбы с коррупцией и поддержания демократического общества в соседних с Россией странах.

Полученные же ранее в рамках этой программы деньги уже освоены различными общественными организациями под видом содействия образованию, развитию гражданского общества и другим внешне благим целям. Результатом этого стало разжигание антироссийских настроений в прилегающих к нашей стране государствах, формирование в России проамериканской и прозападной так называемой несистемной оппозиции, распространение межконфессионального и политического экстремизма внутри нашей страны.

Недавние события в Нагорном Карабахе свидетельствуют о повторных попытках сил, оппозиционных России, расшатать мир между армянским и азербайджанским народами и создать еще один очаг войны на границе с Россией.

Представляется, что **пора поставить действенный заслон этой информационной войне.** Нужен жесткий, адекватный и симметричный ответ. Особенно это актуально в условиях

предстоящих выборов и возможных рисков активизации дестабилизирующих политическую обстановку сил. **Хватит уже играть в лжедемократию, следуя псевдолиберальным ценностям.** Ведь демократия или народовластие — это не что иное, как власть самого народа, реализуемая в его же интересах. Достижение таких интересов возможно только посредством всеобщего блага, а не абсолютной свободы и произвола отдельных представителей общества.

В целях противодействия экстремизму могут быть предложены следующие меры.

Крайне важно создание концепции идеологической политики государства. Базовым ее элементом могла бы стать **национальная идея**, которая по-настоящему сплотила бы единый многонациональный российский народ. В концепции можно было бы предусмотреть конкретные долгосрочные и среднесрочные меры, направленные на идеологическое воспитание и просвещение нашего подрастающего поколения. Именно сознательная устойчивость к радикальной религиозной и иной идеологии подобного рода могла бы выбить фундамент, на котором строятся современные экстремистские идеологии. При наличии такой защиты даже самое щедрое финансирование дестабилизации обстановки в России извне окажется бесполезным.

Немаловажно и то, что именно молодежь рассматривается террористическими группировками в качестве естественного резерва. Из этого следует, что необходимо сделать всё, чтобы перехватить инициативу, включать молодых людей из группы риска в разработку и реализацию программ противодействия вооруженному экстремизму.

Представляется целесообразным силами надзирающих и контролирующих структур организовать широкомасштабную и детальную проверку соответствия федеральному законодательству деятельности всех религиозных, национально-культурных и молодежных организаций, в отношении которых есть основания полагать, что они занимаются запрещенной экстремистской деятельностью.

Используя опыт работы на Северном Кавказе, организовать конкретную и предельно адресную профилактическую работу с представителями неформальных молодежных объединений в целях принятия мер, направленных на получение информации о негативных процессах, происходящих в молодежной среде, а также выявление идеологов и руководителей радикальных организаций, вовлекающих молодежь в экстремистскую деятельность.

Заслуживает также поддержки положительный опыт Республики Ингушетия, где создан военно-патриотический

клуб, объединяющий детей сотрудников правоохранительных органов, погибших при исполнении служебного долга, и детей нейтрализованных членов бандподполья, что способствует их сближению и формированию между ними атмосферы взаимопонимания.

В предлагаемой концепции представляется целесообразным определиться и с пределами цензурирования в России глобальной сети интернет, так как эта проблема в настоящее время вызывает острые дискуссии в свете активизации защитников прав на свободу получения и распространения информации. Интересен в этом плане опыт зарубежных государств, противостоящих США и их союзникам. В связи с беспрецедентным информационным давлением они пошли на ограничения иностранных СМИ в целях защиты национального информационного пространства. Так, например, Министерство промышленности и информатизации Китая с 10 марта 2016 года ввело запрет на работу электронных СМИ, полностью или частично принадлежащих иностранным резидентам. Такие СМИ больше не смогут распространять информацию через интернет, а в лучшем случае — посредством печатных изданий. Китайские же СМИ будут сотрудничать с иностранными онлайн-СМИ только при наличии разрешения этого министерства. В руководстве национальных СМИ смогут работать только граждане Китая. Серверы онлайн-СМИ могут находиться только в КНР.

Представляется, что в разумной мере этот опыт вполне мог бы быть взят на вооружение в России.

Для интернет-провайдеров необходимо разработать единые правила хранения личной информации их клиентов и пользователей в нужном объеме на тот случай, если подобные сведения будут затребованы при расследовании нарушений в сфере кибербезопасности.

В общественных местах доступа во «всемирную паутину» (библиотеки, школы, другие учебные заведения) установить фильтры, ограничивающие доступ к сайтам, содержащим экстремистские материалы.

Кроме того, представляется целесообразным предусмотреть внесудебный (административный) порядок включения информации в федеральный список экстремистских материалов, а также блокировки доменных имен сайтов, которые распространяют экстремистскую и радикал-националистическую информацию. При этом, если обладатели такой информации не считают ее экстремистской, пусть сами обжалуют соответствующие действия уполномоченных госорганов в суд и доказывают там свою правоту. Подобный поряд-

---

док даст возможность более оперативно и эффективно реагировать на пропаганду экстремизма в интернете. Следует активизировать работу по внедрению современных технических средств для эффективного контроля радиоэфира и интернета.

Необходимо расширить спектр уголовно-правовых мер по пресечению противоправных действий террористических организаций, совершаемых в сети интернет, связанных с вербовкой. В этих целях рассмотреть вопрос о признании уголовно наказуемыми деяниями обладание такими материалами, их сбор или загрузку с компьютера. Современные технологии доказывания позволяют представить суду и подтвердить связанные с общением в социальных сетях технические элементы, свидетельствующие о наличии связей между обвиняемым и соответствующими электронными сообщениями.

Для разоблачения истинных целей и намерений исламских экстремистов, установления несостоятельности их теоретических подходов, противоречащих реалиям современного мира и коренным интересам исламских стран, видится полезным регулярно проводить на площадке Государственной думы специальные слушания с привлечением экспертов Федеральной службы безопасности, видных исламских ученых и авторитетов, ученых-исламоведов. Широко освещать в прессе материалы слушаний.

Особое внимание следует уделять миграционным процессам. Мигранты часто становятся объектом вербовки и радикализации. Многие из них находятся в России с превышением срока пребывания, выпадая из поля зрения правоохранительных органов. Необходимо проанализировать нормативные правовые акты, регулирующие вопросы нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. По результатам анализа принять дополнительные меры к совершенствованию законодательства.

Следует совершенствовать работу участковых уполномоченных полиции с иностранными гражданами в сфере контроля за соблюдением установленных правил проживания на территории России (контроль за лицами, сдающими жилье внаем, снимающими жилые помещения на обслуживаемом участке, получение сведений о характере занятости этих лиц). Службам собственной безопасности ведомств исключить возможную здесь коррупцию. В полной мере использовать помощь общественности.

Определенные особенности экстремистской деятельности сложились в Крымском федеральном округе, где предпринимаются попытки сформировать антироссийские настрое-

---

ния и путем фальсификации сведений об исторических фактах и искажения трактовки современных событий поставить под сомнение результаты референдума о присоединении Крыма к Российской Федерации. Этот акт правового выражения всенародного волеизъявления населения Крыма стал неотъемлемой частью российского конституционализма. С учетом места этого акта в системе иерархии ценностных ориентаций российского государства и общества, безусловно, необходима его особая правовая защита, в том числе средствами уголовно-правового воздействия.

Следует отметить, что установление уголовной ответственности за отрицание или фальсификацию имеющих особое значение для государства и общества исторических событий является распространенной практикой. Например, во многих странах мира, в том числе и в России, предусмотрено уголовное наказание за пропаганду фашизма. Франция, а также ряд других государств ввели уголовную ответственность за отрицание геноцида армян. На рассмотрении Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации находится сходный законопроект №938567-6 «О криминализации публичного отрицания фактов геноцида армянского народа в Западной Армении и в Османской Турции в период 1915 — 1922 годов». В Израиле существует уголовная ответственность за отрицание холокоста.

С учетом изложенного представляется необходимым дополнить содержащееся в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» понятие экстремистской деятельности (экстремизма) таким проявлением, как отрицание итогов всенародного референдума. Необходимо решительно пресекать и целенаправленную фальсификацию истории нашего государства. В связи с этим может быть предложено также дополнить диспозицию ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) квалифицирующим признаком, предполагающим призывы к экстремистской деятельности, если они сопряжены с фальсификацией сведений об исторических фактах и событиях.

Помимо противодействия идеологической составляющей ведущейся против России информационной войны важно активизировать работу по борьбе с финансовой подпиткой этой деятельности, в том числе ужесточить контроль за трансграничным движением капитала. Как показал опыт, в целях финансирования терроризма зачастую используется виртуальная криптовалюта, которая не имеет централизованного эмитента, единого центра контроля за транзакциями и ха-

---

рактируется анонимностью платежей. Кроме того, в результате широкого распространения эти валюты могут вытеснить с рынка законные деньги, что угрожает финансовой стабильности государства. С учетом этого предлагается ввести уголовную ответственность за незаконный выпуск и оборот криптовалют, а также других денежных суррогатов.

Также следует пересмотреть законодательство о социальном обеспечении на предмет наличия у близких родственников лиц, причастных к терроризму, прав на пособия по случаю потери кормильца и других выплат. Лицо, которое идет на совершение этих преступлений, должно знать, что не только в случае смерти будет похоронено в безымянной могиле, но и лишит своих близких родственников финансовой поддержки со стороны государства.

Еще одна мера, которая способствовала бы эффективной борьбе с экстремизмом, терроризмом и другими опасными проявлениями преступности, — конфискация имущества как вид уголовного наказания. Соответствующие, как известно, законодательные предложения подготовлены и нуждаются в скорейшей законодательной реализации. К сожалению, этот процесс неоправданно затянулся.

Не менее важным представляется и совершенствование правового механизма международного сотрудничества правоохранительных и иных государственных органов, уполномоченных противодействовать терроризму и экстремизму.

Российское законодательство регламентирует лишь порядок направления международного запроса о правовой помощи, в то время как международные акты в этой области предусматривают возможность более тесной интеграции вплоть до создания международных следственных групп. Такое сотрудничество помогло бы в случаях, когда возникает потребность в производстве российскими следственными органами ряда следственных действий или даже предварительного расследования в целом на территории иностранного государства и это государство согласно предоставить такую возможность. Данный пробел стал явным при расследовании уголовных дел о грузинско-югоосетинском вооруженном конфликте 2008 года и о террористическом акте, совершенном на борту российского самолета Аэробус А321 над Синайским полуостровом.

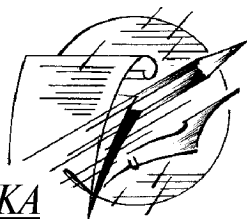
Коммерсант-Власть

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ

Статья председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина «Пора поставить действенный заслон информационной войне», опубликованная 18 апреля в издании «Коммерсантъ-Власть», по своему содержанию значительно шире, чем заявленная в заголовке тема. Речь идет о гибридной войне Запада против России. Эта война, отмечает автор, «ведется по разным направлениям — политическому, экономическому, информационному, а также правовому», причём «в последние годы она перешла в качественно новую фазу открытого противостояния».

Основными элементами экономического воздействия на атакуемое в гибридной войне государство, отмечается в статье, стали «торговые и финансовые санкции, демпинговые войны на рынке углеводородов, а также валютные войны».

По силе разрушительного эффекта валютные войны заслуживают быть поставленными на первое место в этом списке. Под термином «валютная война» понимается в данном случае комплекс мер по резкому снижению (обвалу) валютного курса нацио-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нальной денежной единицы в интересах валютных спекулянтов и в целях общей экономической дестабилизации страны.

Для России валютные войны опаснее, чем традиционные экономические санкции. Это хорошо видно на примере обвала рубля в декабре 2014 года. Операцию по обвалу российского рубля проводили финансовые спекулянты (как иностранные, так и российские компании и банки), но они были лишь слепыми исполнителями, действовавшими под влиянием рыночных инстинктов. Планировалась же операция по обвалу рубля теми, кого можно назвать хозяевами денег. Это главные акционеры Федеральной резервной системы США, контролирующие и Белый дом в Вашингтоне, и Казначейство США, и банки Уолл-стрит и лондонского Сити, и других ключевых участников мирового валютного рынка.

Конкретными исполнителями выступают обычно в таких случаях спекулянты типа Джорджа Сороса, которые оперируют не столько собственными деньгами, сколько привлеченными деньгами массы рядовых спекулянтов. Технологии и алгоритмы атак на денежные единицы других стран отработаны до мелочей. Достаточно вспомнить, что в 1992 году Сорос сумел обвалить британский фунт стерлингов — валюту, которая имела статус мировой на протяжении XIX и в начале XX в. Можно вспомнить финансовый кризис в странах Юго-Восточной Азии, когда в считанные дни рухнули валюты сразу нескольких государств этого региона.

Успех валютных войн невозможен без информационных атак. СМИ, находящиеся под контролем хозяев денег, профессионально сеют панику на валютном, фондовом и других рынках или, наоборот, создают информационные «пузыри», культивируя неоправданные ожидания участников рынков. Между СМИ и некоторыми государственными ведомствами установились устойчивые связи, помогающие манипулировать финансовыми рынками. Я имею в виду статистические службы, «рисующие» нужные хозяевам денег цифры. В США это в первую очередь Бюро экономического анализа Министерства торговли.

Заняты таким творчеством и международные финансовые организации. Их специализация заключается в том, чтобы давать прогнозы, которые не сбываются. Кстати, в ходе недавней встречи «финансовой двадцатки», МВФ и Всемирного банка министр финансов РФ А. Силуанов дипломатично обратил внимание Международного валютного фонда на низкое качество его прогнозов и порекомендовал использовать другие модели прогнозирования.

Цифры и прогнозы различных «независимых экспертов» тиражируются мировыми СМИ. Далее в игру вступают мировые рейтинговые агентства («большая тройка»), которые дирижируют рынками с помощью оценок, выставляемых отдельным странам. Одни страны поднимают (например, Украину), другие опускают (например, Россию).

При необходимости хозяева денег могут использовать и тяжелую артиллерию. Например, Совет управляющих ФРС США, который принимает решения по уровню процентной базовой ставки. Впрочем, зачастую эту ставку даже не надо менять. Председателю ФРС, как хорошему дрессировщику, достаточно намекнуть на то, что ставка «может быть изменена», — и чуткие участники финансовых рынков реагируют, как дрессированные хомяки. Это стратегическое направление деятельности хозяев денег. Без этого эффективность валютных и финансовых войн резко падает. Как справедливо отмечает в своей статье А. Бастрыкин, в рамках информационно-идеологической войны против России важнейшим приоритетом является изменение сознания «объекта», под эту задачу выделяются каждый год миллиарды долларов.

И самая тяжелая артиллерия Запада на фронте финансовой войны — денежная эмиссия и кредиты: «Умело манипулируя огромной долларовой массой, Штаты обрушивают национальные валюты развивающихся стран». Здесь следует лишь добавить, что целью могут становиться и валюты экономически развитых стран (как тот же британский фунт стерлингов).

Экономические санкции Запада против России призваны повысить эффективность валютной войны. В статье А. Бастрыкина обращается внимание на дифференцированный подход Запада к запретам на получение российскими компаниями денег на мировых рынках. Длинные и средние кредиты предоставлять России нельзя, а короткие можно: «Российским организациям были перекрыты каналы внешнего долгосрочного заимствования, которые составляли основу инвестиций для развития реальных (производственных) секторов экономики. Примечательно, что ограничения на движение финансов не коснулись краткосрочного финансирования, которое в настоящее время активно используется для спекулятивного давления на нашу национальную валюту».

В результате действий «дрессировщиков» и «дрессированных хомячков» из России в 2014 году была выведена рекордная сумма капитала, чистый его отток составил 151,5 млрд. долл. Непропорционально большая часть указанной суммы пришлось на декабрь 2014 года, возник валютный кризис.

«Во многом результатом этих мер стала глубокая девальвация рубля, падение реальных доходов населения, спад промышленного производства, рецессия в экономике. Возник дефицит бюджета и вытекающие отсюда последствия в виде секвестрования его расходной части, а также повышение фискальной нагрузки для увеличения доходов», — пишет А. Бастрыкин.

Важно понимать, что нельзя сдерживать наступление в гибридной войне против России с помощью разрозненных мер, они не возымеют должного эффекта. Здесь необходим комплекс мероприятий. В части, предложения главы СК РФ, касающиеся финансового блока мер, сводятся к следующему: «Помимо противодействия идеологической составляющей ведущейся против России информационной войны важно активизировать работу по борьбе с финансовой подпиткой этой деятельности, в том числе ужесточить контроль за трансграничным движением капитала. Как показал опыт, в целях финансирования терроризма зачастую используется виртуальная криптовалюта, которая не имеет централизованного эмитента, единого центра контроля за транзакциями и характеризуется анонимностью платежей. Кроме того, в результате широкого распространения эти валюты могут вытеснить с рынка законные деньги, что угрожает финансовой стабильности государства. С учетом этого предлагается ввести уголовную ответственность за незаконный выпуск и оборот криптовалют, а также других денежных суррогатов».

В блоке финансовых мер хотел бы особо выделить контроль за трансграничным движением капитала. Главная задача установления валютного контроля над трансграничными капитальными операциями — противодействие валютным войнам Запада. Контроль должен быть как на входе, так и на выходе. На входе должны стоять фильтры, которые могли бы отсеивать спекулятивный капитал, заведомо приходящий в Россию для того, чтобы заниматься мародерством, и пропускать лишь тот капитал, который готов работать в реальном секторе экономики. На выходе задача валютного контроля будет состоять в том, чтобы не пропускать то, что валютные мародеры пытались захватить и вывезти из страны. Такой контроль решает две взаимосвязанные задачи. Во-первых, не допускает разграбления страны. Во-вторых, предотвращает обвалы национальной валюты.

Эпоха полной валютной либерализации в мире закончилась во время финансового кризиса 2007—2009 гг. Целый ряд стран в ходе кризиса и после него, вопреки идеологическим установкам МВФ, вводили валютные ограничения на транс-

---

граничное движение капитала для защиты своих экономик. В конце концов и сам Фонд, опасаясь второй волны мирового финансового кризиса, вынужден был признать (это произошло в 2012 году), что в случае необходимости страны могут пользоваться таким инструментом, как валютные ограничения. Это очень знаменательная корректировка политики МВФ. Ведь на протяжении почти четверти века полная валютная либерализация была краеугольным камнем «вашингтонского консенсуса», этого символа веры экономического либерализма.

России давно уже следовало бы ввести валютные ограничения на трансграничное движение капитала, которые, хотя и в усеченном виде, действовали в стране до середины 2000-х годов. И сделать этот шаг нужно как можно быстрее — вторая волна финансового кризиса может накрыть мировую экономику в любой момент. России необходимо выстроить валютную стену. Все страны — члены БРИКС на сегодняшний день имеют те или иные валютные ограничения по капитальным операциям. Исключением в этой группе стран остаётся пока лишь Российская Федерация. Хотелось бы надеяться, что рекомендация руководителя Следственного комитета РФ будет услышана. Россия должна иметь защиту от валютной агрессии Запада.

ЛЕСТНИЦА

РОМАН

Глава 1

Юрий Тепляков стоял на остановке автобуса, то и дело поглядывая на часы: ему надо успеть к девяти, оставалось еще двадцать минут, автобуса все не было и не было. Можно бы взять лихача, — и они то и дело притормаживали напротив, призывно маня пальцем, — но в старом потертом кошельке его лежало не больше ста рублей с мелочью, а этих денег явно не хватало, чтобы оплатить проезд. А еще надо хотя бы один раз перекусить в какой-нибудь недорогой кафешке. Зря он отказался взять деньги у Лильки: ведь предлагала, и будто бы от чистого сердца. Но вчерашний скандал, когда та же Лилька орала на него, попрекая куском хлеба, крышей над головой и тем, что связалась с ним, таким непутевым, и много чем еще, встал между ним и Лилькой непреодолимой стеной. А ведь он, Тепляков, вполне отработывает и свой кусок хлеба, и все остальное.

Да что теперь об этом — пустое дело. И не разлад со своей случайной сожительницей тому причиной, уже не первый в их отношениях, которые обычно заканчиваются выпивкой и бурными ласками на из-

ПРОЗА

мятой постели, а то прошлое, которое не вернешь и не исправишь, саднящее душу и не дающее спокойно спать по ночам, заставляя вздрагивать от любого постороннего звука и мысленно переделывать это прошлое в свою пользу. Даже понимание, что ничего изменить уже нельзя, не может удерживать его от подобных попыток.

Серое небо сочилось моросью. Лоснился асфальт. На противоположной стороне дороги на засохшей ветке старого дуба сидела ворона, время от времени встряхивая мокрые перья. Мимо в ту и другую сторону проносились легковые и грузовые машины, обдавая Теплякова отработанными газами и облаками водяной пыли.

Вот и еще один шикарный лимузин с затемненными стеклами промелькнул мимо. Но, проехав метров сто, остановился и дал задний ход, притормозив напротив железобетонной коробки, под крышей которой топтался Тепляков. Открылась задняя дверь, высунулась нога в блестящей остроносой туфле, опустилась на обочину. Пальцы ухватились за верх дверцы, и над нею показалась чья-то голова, а затем и плечи. Голова выглядела так, будто только что из парикмахерской, темный костюм из лоснящейся материи облегал широкие плечи, рубаха аж светилась своей белизной, красный галстук переливался всеми цветами радуги.

Почти одновременно с ним выбрался с переднего сиденья другой пассажир, значительно моложе первого, одетый попроще, и галстук на нем был черный. Он торопливо раскрыл зонтик и укрыл им человека с красным галстуком, сам при этом оставаясь под дождем, вызвав у Теплякова невольную улыбку.

Однако красногалстучник, судя по всему, не видел в происходящем ничего смешного, и Тепляков, решив, что перед ним какой-то большой начальник, перед которым все должны тянуться, как тянется лейтенант перед генералом, нахмурился и подобрался, готовый к любой неожиданности.

А большой начальник некоторое время внимательно рассматривал Теплякова, затем расплылся в улыбке, хотя глаза... — глаза оставались холодными.

— Юрка! Тепляков! Ты, что ли? — произнес он.

— Ну, я. А вы кто? — спросил Тепляков в замешательстве.

— Ха! — Человек повернул голову, слегка наклонив ее, и сказал кому-то, кто сидел внутри: — Это ж надо — не узнает.

Тепляков мучительно наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где и когда он пересекался с этим лошеным человеком. Действительно, в его лице, пышущем здоровьем и уверенностью,

---

было что-то знакомое. Но память никак не могла вычислить, где, когда и при каких обстоятельствах он видел это лицо, эти серые холодные глаза, этот узкий рот, взятый в округлые скобки морщин от носа до квадратного подбородка, выдвинутого вперед, навстречу вислому носу. А может, все дело в том, что он, Тепляков, так усиленно старался вычеркнуть из своей памяти прошлое, что люди, тогда окружавшие его, поблекли и стали на одно лицо? Ничего другого ему в голову не пришло, и он перестал насиловать свою память.

— Ну, что? Так и не вспомнил?

— Нет, не вспомнил.

— Подсказываю: мы с тобой служили в одной бригаде, но в разных батальонах — ты в четвертом, я во втором. Однако пару раз водку пить вместе доводилось. Ну как?

И Тепляков вспомнил: капитан Рассадов, начальник штаба второго батальона горнострелковой бригады, квартировавшей на Северном Кавказе! Да, было дело — пили как-то вместе на Новый год. Но не пару раз, а всего один-единственный. И не одни, а в большой компании офицеров и их жен. При этом капитан Рассадов ничем среди остальных не выделялся. Разве что тем, что жена у него была раза в два толще своего далеко не худого мужа. И звали ее... Как же ее звали? Анже?.. — нет! Аню?.. — тоже нет! Ангелина? Ну да, именно так ее и звали.

Да, так вот, эта Ангелина... Она сидела как раз напротив Теплякова и весь вечер пялилась на него, будто ей больше не на кого пялиться. И капитан Рассадов тоже пару раз глянул на него и на свою жену, как бы решая, с чего бы вдруг между ними такие переглядки и стоит ли в них вмешиваться. Конечно, Юрка Тепляков в бригаде быстро стал известным: играет на гитаре, и не просто бренчит, а, можно сказать, почти профессионально, и не только на гитаре, но и на фортепьяно. И поет. Голос, правда, не сильный, а, что называется, камерный, но приятный. И поет не какие-то там солдатские примитивные речевки, а старинные романсы и песни. Все это в нем от матери, закончившей в молодости музыкальное училище, преподававшей музыку и сумевшей привить к ней любовь у своего сына.

Ах, как она не хотела, чтобы Юрка пошел по стопам отца, человека довольно примитивного и мало чем интересующегося! Но... фортепьяно, гитара, сольфеджио — это одно, а бокс, самбо, желание особо не выделяться среди сверстников, это другое. Военная среда, в которой жил и воспитывался Юрка, что называется, с пеленок, оказалась сильнее. Тем более что сверстники Юрки не понимали, зачем ему форте-

---

пьяно, и при случае, не находя других аргументов, кричали: «Эй, Шопен! Сбациай нам Моцарта!» Зато умение музицировать впоследствии выгодно выделяло его среди товарищей по службе. Особенно в глазах слабого пола. Тем более что и мужской статью природа его не обделила тоже. Но штанга, турник, параллельные брусья и боксерские перчатки не способствовали гибкости пальцев Юрки Теплякова, хотя «сбациать» он мог не только Моцарта. Так что не одна Ангелина в тот вечер втайне любовалась молоденьким лейтенантом. А потом, когда отзвенели куранты и выпито было за наступивший Новый год, когда начались танцы, Ангелина, расталкивая соперниц своим мощным телом, ринулась к Теплякову приглашать его на «белый» танец. Не иначе как с перепоею. И какое-то время лишь они двое и танцевали под насмешливые взгляды офицеров и их жен.

Рассадов, похоже, внимание на вызывающее поведение своей жены не обратил, или сделал вид, что ему все равно, с кем она танцует, и встреча Нового года закончилась мирно, без всяких эксцессов. То есть этот эпизод был из тех мелких жизненных эпизодов, которые не оставляют по себе никаких следов — ни в памяти, ни в сердце.

— Вот уж кого не ожидал встретить в таком виде, так это вас, товарищ капитан, — расплылся Тепляков в радостной улыбке: приятно, черт возьми, после всего, что случилось, встретить человека, который помнит тебя и наверняка не испытывает к тебе ни малейшей неприязни.

— Это почему же? — спросил Рассадов, отделившись от машины и приблизившись к Теплякову, не выходя из-под зонта.

— Мне казалось, что у вас со службой все в порядке, что вы довольны и карьера вам обеспечена.

— Чудак, — раздвинул в подобии улыбки узкие губы Рассадов, и скобки поползли к ушам. — Насчет нормально — это ты, брат, загнул. При том бардаке, который воцарился в нашей армии, никто не может быть довольным и уверенным в своей карьере, если не имеет наверху больших звезд на погонах без просветов. — И с этими словами протянул Теплякову руку.

Их пальцы переплелись и побелели от усилий, но на лицах не отразилось ничего, будто и не было этой борьбы до последнего, то есть до того мгновения, когда один из них ослабит хватку. И первым сдался Рассадов.

— Черт! — воскликнул он, встряхивая руку. — Ну и хватка у тебя, парень! А я, видать, понемногу теряю форму: то неког-

---

да, то недосуг, — оправдывался он. — Дела заели. Да и зачем? В наше время голова важнее крепких мускулов.

— Да нет, это я так только, — смутился Тепляков. — Просто никак не отойду от прошлого. Никак не впишусь в гражданку. Извините...

— Да-да, наслышан я о твоей истории. Поговаривали, что могли бы оставить, но ты там набузил, и на тебе поставили крест. Что ж, с кем не бывает. Как говорится, три к носу.

Вдали показался автобус, и Тепляков, подхватив сумку, с беспокойством посмотрел на бывшего капитана.

— Так ты в город? — спросил Рассадов.

— Да, в город.

— Садись, подбросим! — произнес бывший начштаба командирским голосом и, ухватив Теплякова за локоть, командовал решительно: — Давай, а то эта колымага сомнет мне багажник.

Тепляков, сунув голову в дверной проем, быстро оглядел внутренность машины. Лимузин был вместительный — на семерых. Рядом с шофером место принадлежало парню, который все еще держал зонт над головой Рассадова. А прямо перед Тепляковым сидела молодая женщина, довольно привлекательная, с длинными голыми — почти до самых трусиков — ногами.

— Привет! — произнес Тепляков не слишком уверенно.

— Привет! — откликнулась женщина, подбирая ноги.

— Лезь назад, — велел Рассадов, слегка подтолкнув Теплякова.

И Тепляков полез. Он пролез между сиденьями на свободные задние, сел, пристегнул ремень безопасности.

Остальные заняли свои места, машина тронулась и поехала.

— Мужики, это Юрий Тепляков, — представил Теплякова Рассадов. — Мы когда-то служили с ним в одной бригаде.

Парень на переднем сидении, слегка повернув голову, искоса глянул на Теплякова, всем видом своим показывая, что ему до лампочки, Тепляков это или еще кто, служил он или нет.

А Рассадов, развернувшись к Теплякову, спросил:

— Так ты чем теперь промышляешь?

— Можно сказать, ничем, — ответил Тепляков, не вдаваясь в подробности. Не станешь ведь рассказывать, что за минувший год побывал и дворником, и грузчиком на товарной станции, а теперь числится грузчиком при магазине. — Вот еду по объявлению. Курсы там какие-то. Вроде готовят специалистов по монтажу оборудования. Я толком не понял, что это такое. Впрочем, мне все равно, чем заниматься, лишь

бы была работа. — И пояснил: — Хочу получить хорошую специальность: без нее никуда не берут. Попробую, может, после курсов что-нибудь получится.

— Что ж, попробуй, — согласился Рассадов. — Если не получится, позвони мне. — И, обратившись к женщине: — Элен, дай ему визитку.

Женщина покопалась в сумочке и, не оборачиваясь, протянула Теплякову белый кусочек картона, на котором было напечатано русским и латинскими шрифтами: «ЗАО «Кристалл». Рассадов Илья Константинович, директор». И далее адрес, номера телефонов и факса.

«Ого! — подумал Тепляков с изумлением. — И когда он только успел? — Но расспрашивать не стал: «Подумает еще, что завидую». И всю оставшуюся до города дорогу ехал молча. Впрочем, на него уже никто не обращал внимания, а сам Рассадов листал какие-то бумаги, которые ему подавала Элен, ограничиваясь короткими фразами, из которых трудно что-либо понять: так они походили на команды хирурга во время операции своим ассистентам, когда извлекали из бедра Теплякова кусочек железа. И Тепляков сосредоточил свое внимание на мелькавших мимо деревьях и дачных домиках.

Его высадили напротив старинного здания, где помещалась мэрия.

— Зайди с той стороны, — посоветовал Рассадов. — Там есть пристройка, там тебе все объяснят. Если что, звони. Бывай!

И машина сорвалась с места, вклинилась в поток других машин и скрылась из виду.

Глава 2

Сперва у Теплякова потребовали документы из окошка проходной перед вертушкой. При этом, когда сбоку запищал детектор, обнаруживший металлические предметы, пришлось вынимать ключи и снимать пояс с фигуристой бляхой — как перед посадкой в самолет. Потом все повторилось сразу же за дверью в пристройку. Женщина в черной форме с эмблемой на рукаве, выяснив, куда он направляется, записала в объемистую книгу данные его паспорта, сняла отпечатки пальцев и коротко бросила:

— Направо по коридору, семнадцатая комната.

— Спасибо, — пробормотал Тепляков, обескураженный столь строгими порядками, точно он попал на объект настолько секретный и таинственный, что без таких строгостей никак нельзя.

За дверью с номером 17 на стульях вдоль стен с обеих сторон сидело человек десять. Все — молодые парни. Все, едва он переступил порог, повернули головы в его сторону. Одни — с любопытством, другие — с равнодушием на лицах.

— Это все — на курсы? — спросил Тепляков.

— Все, — ответил парень, сидящий ближе всех к Теплякову.

— Ты последний?

— Последние — это в другом месте. Здесь — крайние, — огрызнулся парень.

— Понятно. Так ты крайний? — не стал спорить Тепляков.

— Я. Присаживайся. Устанешь стоять.

— А что — надолго?

— А черт их знает! Зашли двое, уже полчаса, а их все нету.

— Да-а. Уж не в космонавты ли здесь набирают? — усмехнулся Тепляков, опускаясь на соседний стул. На него нашел какой-то стих: хотелось после встречи с Рассадовым разрядиться — так неожиданно начался этот день, словно кто-то специально расставлял на нехоженой дороге вешки, чтобы бывший лейтенант на сей раз не сбился с пути. Да и характер у Юрки Теплякова был легким, уживчивым, на который не оказали решительного влияния трагические события.

— Хуже, — ответил парень, откидываясь к стенке, давая тем самым понять, что ему не до разговоров.

— Хуже, это когда ни хорошо, ни плохо, а в ушах аж звенит от тишины, — не удержался Тепляков.

Парень поглядел на него изучающе, затем вынул из нагрудного кармана два наушника, один сунул себе в ухо, другой предложил Теплякову.

— На, если ты так боишься тишины, — произнес он с усмешкой.

Тепляков, благодарно кивнув головой, сунул наушник в ухо — из него полилась заунывная мелодия, которую рвали на куски грохот барабанов и визги, издаваемые не поймешь чем. Музыка не музыка, зато оглушает здорово.

Ждать пришлось долго. Но все когда-нибудь кончается, и сидение под дверью, куда заходили и откуда выходили парни, тоже подошло к концу. И вот Тепляков открыл заветную дверь и очутился в помещении, заставленном влево и вправо от двери длинным рядом канцелярских столов с компьютерами, но лишь за двумя из них сидели женщины — одна молодая, другая значительно старше. Возле нее никого не было. Он подошел, навис над столом, поздоровался.

— Присаживайтесь, — произнесла женщина, кивнув головой, и когда он сел, попросила паспорт. Пальцы ее с мину-

---

ту порхали над клавиатурой, затем паспорт вернулся к Теплякову, и женщина, впервые глянув в его лицо, спросила: — Так вы, собственно, на что рассчитываете, Юрий Николаевич?

— То есть как? — опешил Тепляков. — В объявлении же сказано: курсы по монтажу спецоборудования.

— Объявление — это одно, а реальность — совсем другое. У вас вот записано: был осужден военным судом по статье, которая свидетельствует о вашей профнепригодности.

— Но это же полная чепуха! — воскликнул Тепляков возмущенно.

— Потихе, пожалуйста! Не надо нервничать! — одернула его женщина. — И вовсе не чепуха. Монтажник спецоборудования должен быть не только знающим свою профессию, но и человеком выдержанным, способным принимать взвешенные решения. Профессия эта нелегкая, связана с известными рисками. А у вас вот черным по белому значится: «Психически неустойчив».

— Но это же когда было! — возмутился Тепляков, но значительно тише, подавшись всем телом к женщине. — И судили меня совсем не за это. Тем более что с той поры миновало почти два года. И со здоровьем у меня теперь все в порядке. Вы поймите...

— Не знаю, не знаю, — остановила его женщина, но при этом, как показалось Теплякову, в голосе ее прозвучали сочувствующие нотки. — Я не психолог, не врач, что-либо изменить в компьютерных данных не могу. Вам придется пройти комиссию и получить соответствующее заключение врачей-психиатров. Только в этом случае. Но, боюсь, к тому времени многое изменится.

— И где эта комиссия? — спросил Тепляков, откинувшись на спинку стула: он тогда, когда зачитывали приговор, как-то даже не обратил внимание на ссылку о его психической неустойчивости. И до сих пор никто ему о ней не напоминал. Да и сам он не считал себя психом.

— Комиссия? — Женщина задумалась на мгновение, затем продолжила: — Комиссия работает при горбольнице. Вам надо встать на учет, пройти курс лечения, только после этого... В любом случае, согласитесь, это пригодится вам в будущем. — И добавила: — Комиссия платная. Вы работаете?

— Грузчиком, — выдавил из себя Тепляков, уяснив бессмысленность своей затеи. И добавил: — В магазине.

— Я вам сочувствую, Юрий Николаевич. Но ничем помочь не могу. У нас на этот счет очень строго.

Тепляков поднялся. Затем, мучительно наморщив лоб, спросил: — А комиссия — это дорого?

— Точно не знаю, но думаю, что тысяч сорок-пятьдесят, — ответила женщина. Затем спросила, но уже совсем другим тоном: — Вы воевали?

— А-ааа! — махнул рукой Тепляков, все еще с надеждой заглядывая в глаза женщины, как будто она может изменить свое решение. — Всего один бой, ранение в спину, контузия. — Женщина смотрела на него то ли сочувственно, то ли печально, и ему вдруг захотелось поделиться с нею, хотя он и не знал, зачем это нужно. Он заторопился, боясь, что его оставят. — Понимаете, нас подставили. И мы попали в засаду. А потом суд и... и все свалили на меня, потому что я командовал взводом. Такая вот история. — Женщина покивала головой, и Тепляков смутился и потух. — Извините. Все это в прошлом. Все в прошлом, — повторил он обреченно и отвернулся: глаза у женщины напомнили ему глаза матери, и в горле Теплякова застрял комок, мешающий говорить.

— А вы... вы где воевали? — спросила женщина так тихо, что он едва расслышал, будто и у нее слова застревают в горле.

— В Дагестане, — почти так же тихо ответил Тепляков, едва повернув голову.

— А у меня там... сын... п-погиб, — прошептала женщина и прикрыла рот пальцами.

— А как... как его фамилия? — хриплым голосом спросил Тепляков, нависая над столом.

— Яловичев. Саша Яловичев, — уточнила она.

Тепляков медленно опустился на стул, не отрывая взгляда от белой карточки с фотографией, висевшей на ее груди: Яловичева Татьяна Андреевна, значилось на этой карточке. И далее что-то еще, но мелким шрифтом.

Он покивал головой, не в силах произнести ни слова.

Какое-то время они молчали.

— Я знал вашего сына: он был в моем взводе, — все тем же хриплым голосом продолжил Тепляков, глядя в сухие глаза женщины. — Был пулеметчиком. Так вот, мы шли и попали в засаду. Понимаете, там не должно быть засады! Не должно! Вертолетчики проверяли маршрут. У них тепловизоры — они и в темноте видят. А еще... еще мы не должны были выходить на связь. Понимаете? Не имели права! Чтобы не выдать себя. А нас вызвали из штаба. По рации. Не должны были, а вызвали. Может, это неважно, вызывали или нет, может, вертолетчики плохо проверили, — все может быть. Может, нас вызвали боевики: они ведь тоже не пальцем... простите... не дураки. Но для этого они должны были знать пароль, наши позывные, нашу частоту. Откуда им знать? Только от кого-то из штабных. Вот и... На судебном заседании я сорвался, на-

---

говорил черт знает что, а в результате... в результате меня выгнали из армии. А я ничего не умею, кроме как стрелять, — закончил Тепляков потухшим голосом.

— Милый мой, ведь я тебя не сужу. Какое я имею право тебя судить? Никакого. Да и лет-то тебе — всего на четыре года старше моего сына... И как только они могут посылать вас, таких молодых, на смерть? Не понимаю! Не пони-маю! А сын... — он у меня единственным был. Правда, есть еще две дочери, но... я же мать, у меня за каждого душа болит. За каждого.

— Да-да, я все понимаю. И очень вам сочувствую. Но что тут поделаешь? Прошлого не вернешь. И все равно — простите меня, если можете.

— А как он... погиб? — спросила женщина, с надеждой заглядывая в глаза Теплякова.

— Погиб? — Тепляков прерывисто вдохнул в себя воздух, не зная, с чего начать. — Ваш сын... он долго отстреливался, прикрывал всех, кто остался в живых. Мы и раненых успели вынести из-под огня. А потом... Потом его... вашего сына... снайпер... В голову... Так что он не мучился. Совсем не мучился, — повторил Тепляков, уверенный, что это и есть то главное, о чем должна знать мать Сашки Яловичева. Но она продолжала смотреть на него остановившимся взглядом. И Тепляков добавил, — Это все, что я могу вам сказать.

И опустил голову. А когда поднял, увидел, что по лицу женщины текут слезы. Он мучительно втянул в себя воздух сквозь крепко сжатые зубы, замычал, вскочил и кинулся вон, не в силах остановить рыдание. Как слепой шел мимо стульев и сидящих на них парней, не помнит, как миновал проходную, очнулся лишь на берегу реки, пустынном в эту осеннюю пору. Действительно, с нервешками у него не все ладно.

Снова пошел дождь.

Часы показывали половину второго.

Надо возвращаться в поселок. Он обещал Лильке вернуться как можно раньше: должны привезти товар, а он единственный на весь магазин грузчик. Лилька распилит его на несколько частей, если он не успеет вернуться вовремя. И будет целую неделю пилить, пока не представится какой-нибудь другой случай. А он всю неделю будет пить — и от тоски, и от безысходности.

Тепляков сунул руку в боковой карман куртки, где лежал кошелек — кошелек был на месте, но чего-то не хватало. Обшарив другие карманы, он понял, что забыл паспорт на столе матери Сашки Яловичева. Не дай бог, уйдет, потом ищи-свищи, куда его засунули.

И Тепляков кинулся назад. Но еще издали увидел, что знакомая женщина, прикрывшись зонтиком, идет ему навстречу.

— Юра! Вы забыли свой паспорт! — произнесла она, протягивая ему книжицу с двуглавым орлом.

Тепляков остановился перед нею в нерешительности: ему все еще казалось, что он не сказал этой женщине самое главное о ее сыне. Да и о себе самом. Они расстанутся, и она будет думать о нем плохо, то есть что он не только был плохим командиром взвода, но и подлым человеком, спрятавшимся за спину ее сына. Но что он мог добавить в свое оправдание? И надо ли добавлять? Тем более что и сам не знает доподлинно, все ли в те страшные мгновения делал правильно: все произошло так неожиданно, времени на раздумья не оставалось ни секунды, да и все, чему его учили в училище, а затем в горнострелковой бригаде, настолько прочно врезалось в его память, в его мышцы, что действовал он автоматически, как, впрочем, и солдаты его взвода, так что тут и думать было не о чем.

— Что же вы? Берите! — Женщина все еще держала паспорт в вытянутой руке.

Тепляков, тряхнув головой, взял документ, сунул в боковой карман куртки, поблагодарил. Можно было бы и уходить, но женщина продолжала стоять и будто чего-то ждать.

— А вы, Юра, живете в поселке Ракитное? — спросила она.

— Да, в Ракитном, — торопливо ответил он. — Я там временно... прописан... у одних знакомых.

— А ваши родители?

— Их нет. Авиакатастрофа. Я тогда в училище учился... на втором курсе, — уточнил он. — Здесь, за рекой, у нас была квартира... служебная. — И он повел рукой в сторону реки, на противоположном берегу которой когда-то располагался военный городок. — Ну, а когда это случилось, квартиру забрали, так что... вот так, — закончил он, и только сейчас со всей остротой понял свое незавидное положение.

— Я работу уже закончила на сегодня: у нас до двух. После двух — вторая смена, — заговорила женщина. — Пойдемте, Юра, ко мне: пообедаем. А потом поедете в Ракитное. Туда автобус в пять уходит... Вы, наверное, знаете.

— Да, знаю, но мне обязательно надо туда попасть раньше. К четырем.

— На чем же вы поедите?

— На попутке.

— И все-таки, Юра, пойдем ко мне, — повторила женщина, дотрагиваясь до руки Теплякова. — А потом я вам устрою транспорт. Сосед мой как раз собирался на дачу. Если не пе-

---

редумал, он вас отвезет. Это рядом с Ракитным. Соглашайтесь! Право, я... — женщина замялась на мгновение, а потом закончила решительно: — Вы для меня, Юра, не чужой человек. Вы до последнего были рядом с моим сыном. Уж не откажите...

Было ужасно неловко идти по улицам рядом с матерью Сашки Яловичева, будто все встречные знали, кто он такой, и при этом набрался наглости идти в дом человека, погибшего по его вине, потом сидеть за столом, есть, а две сестры Сашки будут смотреть на него как на убийцу их брата. И надо будет снова оправдываться, оправдываться, оправдываться. Но и отказать страдающим глазам матери Сашки Яловичева Тепляков не мог. И он снова вспомнил белую картонку на груди этой женщине с ее фамилией-именем-отчеством и маленькой фотографией. Как же это он, прочитав все, что там было написано, не сообразил, что перед ним не кто иной, как Сашкина мать? Ведь он же знал, что Сашка из этого города, что у него есть две сестры, и обе моложе Сашки. Можно было бы сказать, что они земляки, если бы Тепляков родился здесь, а не совсем в другом месте — в военном гарнизоне рядом с каким-то занюханым поселком на самом краю земли. Это потом отца, дослужившегося до звания подполковника, перевели в этот город на штабную работу, но именно в этом городе прошли детство и юность Юрки Теплякова, отсюда он ушел в училище, сюда и вернулся, на что-то надеясь, забыв, что здесь может встретиться с Сашкиной матерью и его сестрами.

И вот встретился. И идет к ним домой, мучительно стараюсь вспомнить, как зовут эту женщину — из головы вон, хоть тресни.

Дому, к которому они подошли, было не менее полувека. Построенный из красного кирпича он выглядел бы вполне прилично, если бы не проржавевшие крохотные балконы, обветшавшие двери подъездов, обшарпанные стены лестничных маршей. Только кое-где деревянные окна заменены на безукоризненно белый пластик, да стальные двери квартир, обтянутые дерматином, смотрелись почти новыми, как заплатки на старом замызганном пальто, прикрывающем тело бомжа.

Они поднялись на четвертый этаж, подошли к двери, на которой висел почтовый ящик. Сперва женщина заглянула в ящик — он был пуст. Вздохнув, она достала из сумочки ключ, открыла дверь и, пропуская Теплякова вперед, пояснила:

— Девочек нет дома. Младшая, Маша, в школе; старшая, Даша, учится в медучилище.

Квартира, как и ожидал Тепляков, была крохотной, и поэтому все необходимые в быту предметы обстановки в ней казались больших размеров, чем были на самом деле, оставляя незанятыми лишь узкие проходы и лоскуты стен, оклеенных поблекшими обоями.

— Вот здесь мы и живем, — произнесла женщина извиняющимся голосом. Повесив на крючок куртку и зонтик, а затем, сняв — нога об ногу — туфли, она всунула ноги в домашние тапочки, продолжила: — А вот эта комната, — показала она на дверь, обитую дерматином, — была Сашиной. — И добавила как о чем-то само собой разумеющемся: — Теперь там девочки.

Тепляков столбом торчал возле двери и ждал, пока хозяйка освободит место, где можно было бы разуться: армейские ботинки, которые он по осени предпочитал всякой другой обуви, нога об ногу не снимешь, а здесь даже согнуться можно было лишь одному человеку.

Хозяйка убрала свои туфли в ящик, достала оттуда же почти новые тапочки, глянула снизу вверх на Теплякова и сообщила с виноватой улыбкой:

— Вот, от Саши остались. Вы уж извините, Юра.

— Да за что же вам извиняться-то... Татьяна Андреевна? — воскликнул Тепляков взволнованно, вдруг вспомнив, как зовут мать Сашки Яловичева. — Это не вам надо извиняться, а... — Он мотнул головой и не стал уточнять, кто должен извиняться в таких случаях.

— Да-да! Конечно! Я понимаю, Юра! Я все понимаю... — И тут же, как бы отсекая прошлое: — Вы пока тут, а я пойду на кухню, приготавливаю. — И, показав на дверь: — Здесь ванна и туалет. Можете помыть руки. Синее полотенце — для рук.

Глава 3

Они сидели на кухне за небольшим столом, который качался при каждом движении, а его пластиковая поверхность была истерта во многих местах от долгого пользования, лишившись незамысловатого орнамента. Точно такой же стол, буфет, колонка, настенный шкафчик и две табуретки — чехословацкий кухонный гарнитур, купленный по талону после почти годичного ожидания своей очереди, — стояли когда-то и в квартире, которую занимала семья подполковника Теплякова. Сколько лет миновало с тех пор, воспоминания о погибших родителях давно притупились в сознании Тепля-

---

кова-младшего, но вот он увидел этот стол — и в груди его что-то сжалось, остановив дыхание.

— Что с вами, Юра? — всполошилась Татьяна Андреевна. — На вас лица нет...

— Нет-нет! Ничего! Все нормально! — поспешил он успокоить хозяйку и, лишь усевшись за стол, пояснил: — Точно такой же гарнитур был и в нашей квартире.

Теплая ладонь легла на его руку.

— Хотите выпить, Юра? У меня есть водка. Я с вами тоже выпью, чтобы... по русскому обычаю... — Голос ее пресекая, губы дрогнули в виноватой улыбке.

— Да-да! — торопливо согласился Тепляков, принял из рук хозяйки початую бутылку, разлил по рюмкам, встал.

Татьяна Андреевна встала тоже.

Выпили молча и сели.

Крупные капли дождя горохом били в жестяной подоконник.

Тепляков смотрел в лицо хозяйки, испещренное ранними морщинами, и не мог найти ни единого слова, чтобы утешить ее горе, а что надо утешать, он был уверен, потому что чувствовал себя все более виноватым в гибели ее сына.

— Что вы на меня так смотрите, Юра? — спросила она, подкладывая ему из сковороды жареной картошки. — Не нравлюсь?

— Что вы? — испугался он, не поняв ее вопроса, и отложил вилку. — Совсем наоборот. Вы такая... Понимаете, вот так же... за таким же столом... когда я еще учился в школе, сидела моя мама. И все жалела, что я у них единственный сын. А они... — голос его снова пресекая, но он, сделав над собой усилие, все-таки договорил: — И они у меня были... единственными. На всем свете.

— Да-да, я вас очень хорошо понимаю, Юра, — поспешила с ответом Татьяна Андреевна. — Очень хорошо понимаю. И если вы... и если ты... Можно я так буду к тебе обращаться?

Тепляков покивал головой, и она тоже покивала, а затем продолжила:

— Так вот, если ты будешь бывать в городе, заходи к нам. Заходи без всяких церемоний. Попросту. Все-таки ты там был с моим сыном... — и улыбнулась ему виноватой улыбкой.

Некоторое время они ели молча. Где-то в глубине квартиры прокуковала кукушка, и Тепляков с тревогой глянул на свои часы: они показывали десять минут четвертого.

Татьяна Андреевна предупредила его вопрос:

— Сосед обещал зайти за тобой минут через пятнадцать-двадцать. А вам ехать-то — всего ничего. Успеете. Ты ешь,

---

Юрочка, ешь! Не волнуйся. Иван Савич человек обязательный.

— Спасибо, Татьяна Андреевна. Я уже наелся. Давно не ел так вкусно, — поблагодарил Тепляков, откладывая вилку.

— Если хочешь, выпей еще, — предложила она. — А то стоит и стоит, а пить некому. Я лишь иногда, как вот сейчас.

— Нет, спасибо. Больше не хочу, — отказался Тепляков, хотя в других условиях он прикончил бы всю бутылку. И глазом бы не моргнул. Но здесь почему-то было стыдно показывать свою распушенность, к которой он уже начинал привыкать, хотя иногда и понимал, что зря губит себя, так ничего и не добившись в этой жизни.

— Ну, коли у нас есть еще немного времени, то, если тебе не трудно, Юрочка, расскажи мне, как у вас там, в Дагестане, все это случилось? — попросила Татьяна Андреевна. — И можно ли было что-то сделать, чтобы избежать... чтобы избежать всего этого? — добавила она. — Я понимаю, что и тебе тяжело вспоминать, да и мне нелегко слушать, но вот в бумаге, которую дали мне в военкомате, написано: «Пал смертью героя». И медаль мне вручили там же, а я по ночам, бывает, все представляю себе и представляю, как он бежит куда-то, а потом вдруг начинает падать... — и Татьяна Андреевна судорожно всхлипнула, но глаза ее остались сухими. — Ты, Юра, не бойся: я уже почти свыклась с гибелью Саши, так что можешь рассказывать, потому что... Вот будут у меня внуки, и будут они спрашивать, как погиб их дядя, а я ничего определенного сказать им не смогу.

И Тепляков, будто увидев воочию все, что тогда произошло, но как бы со стороны, стал рассказывать, приводя даже такие подробности, которые, по здравому рассуждению, рассказывать матери погибшего сына было не обязательно. И даже не нужно.

— Маршрут движения моего взвода был разработан в штабе оперативной группы, — начал Тепляков, постепенно погружаясь в прошлое. — Мы ни на метр не отступили от этого маршрута, ни на минуту не отступили от графика движения. При этом шли при полном радиомолчании. А в результате взвод попал под прицельный огонь и потерял почти половину состава убитыми и ранеными. Нас будто целенаправленно вели в засаду.

Он махнул рукой и полез в карман за сигаретами. Но, достав помятую пачку, тупо посмотрел на нее и снова убрал в карман.

— Да ты кури, Юра! Кури! — воскликнула Татьяна Андреевна. — Мой муж тоже курил, когда очень нервничал.

И Тепляков закурил. Несколько раз жадно втянул в себя дым. Пальцы его дрожали. Затем продолжил, с трудом подбирая слова:

— Мы... когда выходили на задание... ротный мой, капитан Горстков, посоветовал мне разбить взвод на три группы. Первая, как обычно, дозор. В ней всего три человека во главе с младшим сержантом Мережко. Человек он опытный, контрактник. Потом основная группа под моей командой. А за нами, на расстоянии примерно в пятьсот метров, группа из одиннадцати человек под командой помкомвзвода сержанта Кубичкина. Так, на всякий случай. Вышли рано утром, еще было темно. Дорога знакомая. Когда развиднелось, мы уже были на хребте и двигались к ущелью. Вот тогда меня и вызвали по рации. Мол, как вы там, все ли у вас в порядке? Я говорю, что да, пока все тихо. Думал, что нас хотят вернуть. Мало ли что, всякое бывает. А мне говорят: топайте, мол, дальше, не теряйте бдительность. Вот, собственно, и весь разговор. Даже непонятно, зачем понадобился этот вызов... Ну вот, через два часа вышли к ущелью. Сделали остановку. Перекусили, попили воды. Я в бинокль исследовал каждый кустик и каждый камень на той стороне ущелья, но ничего подозрительного не обнаружил. И другие смотрели — то же самое. А у нас задача: перебраться на ту сторону, занять круговую оборону на господствующей высоте и ждать приказа. Предполагалось, что боевики, когда их прижмут, будут отходить в горы по этому ущелью... Да, так вот, хребет этот, по которому мы шли, обрывается круто вниз. Внизу речка. Так себе речушка: с валуна на валун — ног не замочишь. Это если в нормальную погоду. А если дожди или таяние снега, образуется такой мощный поток, что перебраться через него — и думать нечего. Потоки эти и прорыли ущелье. Обвалы там случаются, осыпи образуются. А на этих осыпях ни кустика, ни деревца, — все как на ладони. По осыпи мы и стали спускаться. Впереди головной дозор, мы, немного погодя, вслед за ним. Мне бы подождать замыкающую группу, оставить ее на хребте, проинструктировать... — Тепляков мотнул головой, точно отгоняя надоедливую муху. — Но я оглянулся — они вроде бы близко — метров двести осталось, в случае чего, прикроют — не впервой. В этом и была моя ошибка. Только в этом. Потому что... А-а, что теперь! Назад не вернешь.

Татьяна Андреевна налила в его рюмку водки, в свою плеснула тоже, подвинула поближе к Теплякову салат из свежих огурцов и помидоров. Но Тепляков, сделав пару глубоких затяжек дымом, до рюмки не дотронулся и заговорил, с ожесточением выдавливая из себя безжалостные слова:

— Да, так вот. Стали мы спускаться по осыпи. Дело это не хитрое, но сноровки все-таки требует. Первые идут — вроде ничего. А те, что следом, ступают как бы на потревоженный слой. И слой этот начинает ползти. Приходится расходиться по сторонам, чтобы меньше тревожить осыпь. Тут-то все и началось. С противоположной стороны ударили из РПГ. Из гранатометов, то есть. А когда граната взрывается на осыпи, то каждый камешек становится осколком. А еще пыль. И осыпь начинает ползти еще быстрее. Да так, что не знаешь, в какую сторону кидаться. А с той стороны садят и садят из пулеметов. Ну, мы, кто успел, кого не ранило, рванули к правому краю осыпи. Там выступы скал не так зализаны обвалами, как на левой стороне. Там можно укрыться. Ваш Саша со вторым номером замыкали цепь. Им удалось занять более-менее хорошую позицию и открыть огонь. И все равно — бандиты располагались выше нас метров на сорок-пятьдесят на той стороне. И надежда у нас оставалась только на замыкающую группу. Но им ведь еще надо разобраться, что происходит. Занять позиции. Короче говоря, нам оставалось продержаться хотя бы минут десять...

Тепляков замолчал и впервые за время рассказа посмотрел на Татьяну Андреевну. Она сидела напротив, подперев голову рукой, и с таким напряжением смотрела на него неподвижным взором, что ему стало страшно: показалось, что она или в обмороке или в состоянии ступора.

Но Татьяна Андреевна оторвала голову от ладони, глаза ее ожили, и она произнесла голосом, в котором Тепляков услышал рвущееся из нее чувство сострадания и жалости:

— Боже мой! Я представляю, как вам было страшно! Милые вы мои...

Но Тепляков движением руки отмел ее сострадание и жалость.

— Понимаете, страха не было. У меня, по крайней мере. Злость — да, злость была. Ну и... — как бы это вам объяснить? — не сдаваться же! Об этом и речи быть не могло. А боевики на той стороне уже и не скрывались. Они перебежали с места на место, выбирали более удобные позиции. Их там и было-то совсем немного. В других условиях... Но горы есть горы. Тут не количество важно, а позиция. А ваш сын хорошо стрелял. Он у нас в роте был лучшим пулеметчиком. И с той стороны весь огонь сосредоточился на нем. За эти две-три минуты мы успели перетащить в укрытие раненых. А потом... потом Саша вдруг перестал стрелять. Я подумал: патроны кончились... А на самом деле... Но об этом я узнал позже. Да и меня как раз в это время зацепило и малость

оглушило, так что я даже соображать как следует не мог. И в глазах у меня все плыло, и ноги не держали. Правда, длилось это состояние недолго. К тому же, на наше счастье, — на счастье тех, кто еще был жив, — с хребта открыли огонь ребята из отделения сержанта Кубичкина. Это нас и спасло... А Сашу... Сашу снял снайпер.

И Тепляков, взяв рюмку с водкой, повертел ее в пальцах и опрокинул в рот. Рассказывать больше было не о чем. Все остальное уже не имело никакого значения. Потому что почти половина взвода лежала на осыпи, многих каменный поток унес вниз, и позы их говорили о том, что в помощи они уже не нуждаются. Рассказывать о том, как удалось связаться со штабом, как прилетели «вертушки» и накрыли огнем противоположный хребет, как высадили десант, как подбирали убитых и раненых, — рассказывать об этом не имело смысла матери Сашки Яловичева, для которой все закончилось с последними выстрелами ее сына.

Самое обидное и необъяснимое ожидало Теплякова потом, когда военная прокуратура разбирала случившееся: в штабе наотрез отказались от вызова по рации, но и провокацию со стороны боевиков опровергнуть не смогли. И он, Юрка Тепляков, взорвался. Что он тогда, во время суда над собой, кричал в запальчивости, в чем обвинял командира опергруппы полковника Ворошина, убей — не помнит. Может, ранение и контузия сказались таким образом на его обычной выдержке, но даже при отсутствии таковых, несправедливое обвинение не могло не задеть его самолюбия. Впрочем, все мы задним числом умнее себе кажемся. А тогда, один на один с погонами в два просвета, он не нашел других слов и другого тона в свое оправдание. И военный суд постановил: разжаловать лейтенанта Теплякова в рядовые и уволить из армии.

Слава богу, отец не дожил до позора своего сына. А то хоть в петлю.

В квартиру позвонили.

— Это Иван Савич, — встрепенулась Татьяна Андреевна и пошла открывать.

Послышался хрипловатый мужской голос, и Тепляков вышел в прихожую. Сосед Татьяны Андреевны оказался грузным мужчиной лет пятидесяти, с круглой головой на короткой шее, обметанной жестким коротким волосом, как газон после сенокосилки.

Увидев Теплякова, он спросил сварливым голосом:

— Это ты из Ракитного?

— Ну, я, — ответил Тепляков, насторожившись: ехать с человеком, которому ты в тягость, не хотелось. А, с другой стороны, нарываться на очередной скандал с Лилькой не хотелось еще больше.

За Теплякова вступилась Татьяна Андреевна:

— Ваня, это Юра Тепляков. Он служил с моим Сашей.

— А-а, вон как. Ну, тогда что ж, тогда поехали, раз такое дело. — И спросил уже совсем другим тоном, вполне доброжелательным: — Ехать-то готов? Или как?

— Почти, — ответил Тепляков. — Обуюсь вот и...

— А-а, ну, раз так, то я тебя подожду внизу. Только ты, парень, побыстрее, — сказал Иван Савич и вышел.

— Ты, Юрочка, так почти ничего и не поел, — засуетилась Татьяна Андреевна. — Заговорила я тебя... Я тебе сейчас быстренько с собой соберу. А ты пока обувайся. Он подождет, — успокоила она Теплякова. — Ты не смотри, что он вроде бы не очень приветливый. Это на первый взгляд. А так человек он хороший, добрый. Только вот жизнь его тоже помотала — не дай, не приведи. Время такое — ничего не поделаешь.

— Татьяна Андреевна! Я вас очень прошу — ничего мне с собой не надо! — взмолился Тепляков. — И наелся я! Вот честное слово — наелся! Спасибо вам большое!

— Да почему ж не надо-то, Юрочка? Приедешь домой, а дома, небось, шаром покати. А я тебе котлеток домашних, огурчиков, помидорчиков — все со своего огорода.

— Нет, что вы! И дома у меня все есть. Полный холодильник, — отбивался Тепляков, не представляя себе, как он появится с пакетом, а в нем котлеты и все остальное. Вот уж Лилька-то взвонется, вот уж отведет свою душеньку — похлеще вчерашнего.

А когда Тепляков, уже одетый и обутый, отступил к двери, Татьяна Андреевна, приблизившись к нему вплотную с бумажкой в руке и заглядывая ему в глаза, провела руками по отворотам его куртки, — точь-в-точь, как делала когда-то его мать, провожая сына то ли в школу, то ли в училище, — и произнесла умоляюще:

— Юрочка, вот тебе мои телефоны: рабочий и домашний. Обязательно позвони мне дня через три: я что-нибудь придумаю с этой комиссией. Иначе ведь тебя на хорошую работу никто не возьмет. А будешь в городе — заходи. Непременно заходи. Все-таки ты — не чужой мне человек... Не чужой, — в который уж раз повторила она.

— Обязательно, — пообещал Тепляков и, сунув бумажку в карман, взял руку женщины и на мгновение припал к ней

губами, а затем решительно вышел за дверь и, прыгая через две-три ступеньки, кинулся вниз.

Под козырьком подъезда он почти столкнулся с двумя девчушками, отпрянул в сторону, давая им дорогу, и услышал за своей спиной, как обе прыснули сдерживаемым смехом. Уже сидя в машине рядом с Иваном Савичем, подумал, что одна из них чем-то похожа на Татьяну Андреевну. И, едва они отъехали от дома, сосед Яловичевых подтвердил его догадку:

— А с дочками-то ее знаком?

— Нет, — ответил Тепляков.

— Я так и подумал, когда ты чуть с ног их не сбил, — хотнул Иван Савич. — Хорошие девчонки, откровенно должен тебе сказать. Особенно младшая... Машенька... Ее все только так и зовут: Машенька и Машенька, — пояснил он с явным удовольствием. — Приветливая такая, улыбчивая. Посмотришь на нее — и у самого рот до ушей. Такие, Юрик, встречаются редко. Можно сказать, одна на мильён. А ведь может достаться такому обормоту, что не приведи господи: всю жизнь с ним маяться будет. — И, глянув на Теплякова: — Сам-то женат или как?

— Да так как-то, — не стал вдаваться в подробности Тепляков.

— Оно и видно, — с убежденностью человека, прожившего долгую жизнь, заключил Иван Савич. — Мужика сразу видно, если он без женского догляду. Тут и к гадалке не ходи.

И всю дорогу рассуждал на тему, какая из девушек остается на всю жизнь как бы в своем первозданном возрасте, не теряя привлекательности, а какая, едва выскочив замуж, преобразается в черт знает какую мегеру, так что мужику, если он не совсем дурак, остается только удивляться, как он не разглядел за ее ужимками настоящей сути.

— Умеют девки пронять нашего брата своими ужимками, — плел он свою речь, не иначе как основываясь на собственном опыте. — А когда ты в нее втюрился, то всё — капец тебе самый полный. В таком состоянии разглядеть в девке истинную ее суть уже нет у тебя никакой возможности. Если что ты и видишь в таком состоянии, так ее глазки, губки, щечки, ручки, ножки. Ну и титьки — кому какие нравятся. А она, девка-то, их еще и приподымет, и приоткроет, и — по нынешним-то временам — пупок выставит, бусинку в него вставит, а уж про ноги и говорить нечего: до самых трусов оголит, — вот, мол, я какая, ешь — не хочю. Тут уж ты и совсем поплыл. И у тебя в голове одна мысль, — и не мысль даже, а черте что! — как до этого тела дорваться. И превращаешься ты в самое настоящее животное, какие из-за самки готовы

драться насмерть... Видал, небось, по телику, как те же лоси или олени из-за самок друг друга рогами порют. Вот то-то и оно, — заключил Иван Савич.

Тепляков слушал его вполуха, иногда поддакивая, а сам все еще переживал и встречу с матерью Сашки Яловичева, и разговор с нею, да и все свое прошлое, столь незадачливое, что хоть вой.

Глава 4

Иван Савич подвез Теплякова к самому магазину. И как раз вовремя: машина с продуктами и всякими промтоварами только что подъехала, и Лилька с шофером еще разбирались в бумагах, выясняя, то ли ей привезли, что заказывала, или, как часто случалось, какую-нибудь дрянь завалящую, пережившую все сроки хранения. Правда, магазин принадлежал не Лильке, и не тому предпринимателю, который начинал это дело, а неведомому ей новому хозяину целой сети таких же мелких торговых точек, и товары сюда везли, ее не спрашивая, нужны они в поселке или нет, но она за несколько лет работы установила с посредниками такие отношения, что они предпочитали с нею не спорить. Тем более что Лилька, если и увеличивала цену сверх установленной на ходовые продукты и товары, то весьма незначительно, и те, кто должен контролировать ее, смотрели на это своеволие сквозь пальцы: берет по чину, границу не переходит, и бог с ней: все берут, и если ко всем придираются, то и работать будет некому.

— Явился — не запылится, — встретила Лилька Теплякова, ошпарив его злым взглядом своих светлых, как вода в ручье, глаз. — Давай переодевайся и за работу!

Менее чем через час машина была разгружена, товары разложены по полкам и холодильникам. Тепляков за те месяцы, что работает в магазине, вполне изучил свою хозяйку, и по ее как бы отсутствующему виду знал, что нового скандала не избежать, что Лилька внутри вся так и кипит и молча честит его всеми ругательствами, какие только накоплены в русском языке. Тем более что он уехал, не сказавшись, куда и надолго ли, ждать его или нет.

А народ все шел и шел, но все больше бабки да местные пьянчужки: одни за хлебом, солью, колбасой и всякими консервами, другие за пивом и водкой, третьи, опустившиеся на самое дно, в робкой надежде угодить хозяйке, и тогда та, по доброте своей душевной, сунет им бутылку-другую, а уж закусон они раздобудут сами: на дворе ранняя осень, в огородах чего только нет, а им и надо-то пучок лука да пару огурцов. А то еще и такое случается время от времени: завалится

какой-нибудь шальной «предприниматель-бизнесмен» с туго набитой мошной, не зная, как ею распорядиться, ну, тогда уж и совсем разлюли-малина — можно так потешить душеньку, что хватит на целую неделю. И даже останется.

Но к девяти вечера, когда уж совсем стемнело, поток покупателей иссяк. Вдвоем они закрыли окна изнутри железными ставными, затем разделились: Лилька заперла железную дверь на два внутренних замка, а Тепляков снаружи для вида повесил замок амбарный. После чего сел на лавку под навес с дровами и закурил: на второй этаж, который был их жильем, подниматься не хотелось. И вообще он не знал, чего ему хочется, а чего не очень. Он курил и поглядывал иногда на светящиеся окна второго этажа, которые не столько манили его к себе, сколько вызвали мрачные мысли.

Когда-то весь этот двухэтажный дом, сложенный из кирпича до второго этажа, а до железной крыши рубленый из сосновых бревен, принадлежал Хорьковым, то есть Лилькиным родителям, и в нем, по местным меркам, жила довольно крепкая семья из четырех человек.

Поселковый народ, занятый в прошлом на лесозаготовках, на пилорамах и сушильнях, промышлявший кедровыми орехами, грибами и ягодами, сдаваемыми в кооперацию, охотой на пушного зверя и рыбными промыслами, жил не то чтобы зажиточно, однако не бедствовал и о лучшей доле не заикался. Но наступили девяностые, и налаженный жизненный уклад стал рушиться. Для начала в одночасье сторел леспромхоз. Остатки растащили — что на пункты приема металлолома, что по хозяйству. Народ начал спиваться, попадать в тюрьмы и лагеря, уходить из дома в большие города в поисках лучшей доли. Ушел из дому на заработки глава семьи и сгинул неизвестно где. Мать пробовала через милицию отыскать его следы, но милиции то ли дела не было до ее забот, то ли таких, пропавших невесть где и как, оказалось так много, что и не сыщешь. Мать потихоньку спилась и однажды замерзла на улице, не добравшись до родного порога. Единственный брат Лилькин, едва закончив школу, тоже подался в город, там, сказывали, связался с какой-то бандой и был убит в одной из бандитских разборок. И осталась Лилька в свои семнадцать лет одна во всем доме. Школу она не закончила, и не только потому, что не видела в этом проку, а больше по той причине, что в школе почти никого не осталось: ни учеников, ни учителей. Лилька рано выскочила замуж — без росписи, без венчания, а так — сошлись и все. Через полгода вышибла его на улицу. Потом второй, третий — мужья не держались подолгу возле нее: то ли Лилькин харак-

---

тер был им в тягость, то ли не те попадались, что были ей нужны, так что семьи у нее не получилось. А лет пять-шесть тому назад заезжий предприниматель, остановившийся у нее на несколько дней, предложил ей открыть торговую точку, помог с оборудованием, и вот с тех самых пор она прикована к этой точке, как раб к веслу пиратской галеры.

Всю эту историю Тепляков узнал не столько от самой Лильки, сколько от местных пьянчужек, к которым иногда присоединялся со своей бутылкой.

Скрипнула входная дверь, на крыльцо, освещенное тусклой лампочкой, вышла Лилька, кутаясь в шерстяной платок. Постояла минуту-другую, взглядываясь в темноту, и решительно направилась к навесу.

— А я утром-то подумала типа того, что ты дал деру, — заговорила она, усаживаясь рядом на широкую лавку. — А потом гляжу: нет, вещи на месте, и у меня на душе разом полегчало. — И, робко дотронувшись до плеча Теплякова, заговорила совсем не о том, с чего обычно начинался у них очередной скандал, и даже совсем другим тоном: — Ты уж прости меня, Юрик, бабу непутевую. Сам видишь: толкусь день и ночь, света божьего не вижу, ни отпусков, ни выходных, а для чего толкусь, какая такая мне польза от всего этого, и сама не знаю. Опять же, типа того: не пара я тебе. Если жена моложе на десять лет своего мужа, так это считается нормальным, а если наоборот, хорошего не жди. Честно признаюсь тебе: когда в поезде тебя заметила, ни на что не рассчитывала, просто пожалела: таким ты мне несчастным показался, неприкайным. Да, видать, зря пожалела. У нас, у баб, уж так заведено по самой природе: если пожалела, то, типа того, и полюбила. Вот и у меня то же самое. От всего от этого и ты маешься, и мне не сладко. Знаю наперед: рано или поздно уйдешь от меня, вот и срываюсь, потому что не могу решить, то ли удерживать тебя, то ли, типа того, гнать в три шеи.

И Лилька, всхлипнув, прижалась к Теплякову, такая неожиданно робкая, такая виноватая, что у того, отзывчивого на чужое горе, будто ему своего не хватает, что-то внутри дрогнуло, он кашлянул и виновато погладил ее голову. И тут же руки Лилькины обвили его шею, все тело ее, поджарое, как у гончей, прильнуло к его телу, и губы, пятная его лицо помадой, зашептали что-то бессвязное и глупое, обволакивающее паутиной всего десятком повторяющихся слов, которые выделялись среди других, точно бряканье надтреснутого колокольчика среди мышины возни: милый мой, соколик, ненаглядный, радость моя...

И все закончилось все тем же: плотным ужином, бутылкой водки и бурной страстью на измятой постели.

Под утро Тепляков встал по малой нужде, накинул на себя армейскую куртку, вышел во двор. Поселок спал, и глухая тишина окутывала невидимые во тьме дома, луга, лес и реку. Только небо паялилось на него мириадами перемигивающихся звезд, да то там, то сям вдруг вспыхнет среди них заблудившийся в бесконечности пространства кусочек чего-то и прочертит яркую дугу. И всякий раз Тепляков всем своим существом ощущал собственную ничтожность перед непостижимостью мироздания, перед которым свои заботы и горести ничего не значат. «Вот так вот, — думал он равнодушно, и тоже не впервой, — иной человек и пустит себе пулю в висок или накинёт на свою же шею петлю. Потому что... потому что черт его знает, для чего мы рождаемся и живем, по чьей вине убиваем друг друга, мучаем подозрениями, неверием и подлостью. — Кулаки его сжались, скулы закаменели, из глубин души его поднялся ожесточенный протест: — Только от меня вы не дождетесь, мать вашу так и разэдак! Я еще поживу и докажу, что Тепляков не какая-то там дрянь бессловесная и бесчувственная!» — погрозились он неведомо кому. И замер, прислушиваясь: сверху, из-под самых звезд, будто отвечая на его ожесточение и угрозу, возник странный звук, похожий на перезвон колокольчиков, пока не прояснилась звонкая и тревожная переключка летящих к югу гусей, будто предупреждающих его о надвигающейся с севера зиме, о близких холодах и снежных метелях. «Нет, надо бросать все и уходить. И как можно скорее», — решил он, еще не зная, где сможет найти хотя бы временное пристанище.

И тут вдруг вспомнились испуганные глаза двух девочек, чуть не сбитых им на крыльце дома, в котором они живут, и куда лишь на несколько минут занесла его неразборчивая судьба, ничего не пообещав, а еще больше растревожив. Но умоляющая просьба Татьяны Андреевны заходить к ним, и свое обещание, и вдруг возникшее желание оказаться в той маленькой, но уютной квартире, наполненной совсем другими запахами, услышать совсем другие голоса, произносящие совсем другие слова — слова из его детства, все это встало перед ним непреодолимой преградой к другой, давно покинутой им жизни. Тепляков задохнулся на мгновение от осознания невозвратности в прошлое и тут же, торопливо обшарив карманы, закурил сигарету и несколько раз затянулся так глубоко, что голова закружилась и ноги сделались ватными — хоть ложись на сырую землю, в эту темноту и тишину, точно в могилу. Потому что выхода отсюда не было

видно никакого. И все для него может закончиться тем, что сопьется и замерзнет среди сугробов, как замерзла когда-то Лилькина мать.

То ли от мрачных мыслей, то ли от холода осенней ночи, а только все тело Теплякова охватило вдруг ознобом. Он поежился, представив себя лежащим с запорошенными снегом остекленевшими глазами, поплотнее стянул полы своей куртки, и что-то во внутреннем кармане куртки прошелестело и даже хрустнуло, точно откликнувшись на его озноб. Он сунул руку в карман и нащупал твердый кусочек картона, который в машине дала ему длинноногая Элен. И вспомнились слова бывшего капитана: «Если что, звони». И будто тоненький лучик надежды блеснул в непроглядной тьме.

Тепляков бросил под ноги окурочек сигареты и задавил его подошвой галоши, в которые влез на босу ногу.

Днем, улучив минутку, Тепляков вышел из магазина и, спустившись к реке, где никто не мог его видеть и слышать, набрал номер бывшего капитана.

Ответил ему механически-певучий женский голос:

— Здравствуйте. Вы позвонили в офис фирмы «Кристалл». Если у вас есть срочное сообщение, наберите добавочный номер 123. Если вы хотите с кем-то связаться, пожалуйста, подождите.

И тут же из «трубы» в ухо ворвалась залихватская мелодия из оперы «Кармен»: — Трам-тара-тарам-тарам-та-та... та-та-та-там-тарам-тара...

«Черти бы вас побрали с вашими выкрутасами!» — с досадой подумал Тепляков, которому очень не хотелось, чтобы Лилька что-то заподозрила. Она и так с самого утра глаз с него не спускает, будто решила, что он может сбежать, прихватив с собой кассу. А еще этот «Кристалл»... Что за «Кристалл»? Визитка совсем о другом.

Но вот в трубке что-то щелкнуло, оборвав мелодию, и тот же певучий голос, но наполненный жизнью, произнес:

— Добрый день. Вас слушают.

— Здравствуйте. Мне, пожалуйста, Илью Константиновича.

— Как прикажете о вас доложить?

— Тепляков. Тепляков Юрий Николаевич.

— Одну минутку, Юрий Николаевич.

Сперва послышались громкие мужские голоса, бубнящие что-то совершенно неразборчивое, затем бубнеж прекратился, и голос, Теплякову совершенно не знакомый, спросил:

— Юра, ты?

— Я, товарищ капитан.

— Капитан — это в прошлом. Тем более что и не капитан, а майор. А в настоящем — Илья Константинович. Так что у тебя? Поступил на курсы?

— Н-нет. У них данные, за что меня уволили из армии. Таких не берут.

— И что ты от меня хочешь?

— Вы сказали мне, чтобы я, если что, позвонил вам...

— Хорошо. Приезжай завтра к десяти. Пока.

Тепляков не успел откликнуться на это «пока», как в трубке зазвучали торопливые гудки.

«Значит, завтра к десяти, — повторил Тепляков, убирая мобильник, соображая, как ему лучше сообщить об этом Лильке. И решил: — Скажу все как есть. Еще неизвестно, что это за «Кристалл», что там могут ему предложить. Может, ничего. Или что-то такое, на что он и сам не согласится».

Вечером, когда магазин был закрыт и они поднялись на второй этаж, Тепляков сообщил Лильке о своем звонке. Лилька выслушала его молча, глядя в сторону отсутствующим взглядом.

— Значит, собираешься все-таки уходить, — произнесла она как о чем-то решенном. — Что ж, насильно... типа того... мил не будешь. Да и то сказать: ты молодой, грамотный, а я дура, да еще старая. В городе найдешь себе подходящую пару... Все правильно, Юрик! Все правильно. Удерживать тебя не стану. — И тут же, глянув на Теплякова с надеждой: — А если... типа того... не получится? Вернешься?

— Не знаю, — ответил он. И добавил решительно: — Скорее всего — нет.

— Что ж, на нет и суда нет, — покорно согласилась Лилька.

Ужинали молча. На столе стояла бутылка дорогого коньяку, но только одна рюмка. Тепляков вопросительно глянул на Лильку, но та лишь покачала головой из стороны в сторону, и он налил себе до самых краев. Выпил. Хотел было налить еще, но Лилька, неожиданно для него, воспротивилась:

— Хватит, Юрик! Кто его знает, может, завтра... типа того... к тебе начнут принохиваться, а от тебя... сам знаешь...

И Тепляков подчинился.

Эту ночь они спали порознь. Он слышал, как Лилька ворочалась за стенкой на своей постели, как вставала, шлепала по полу босыми ногами, иногда подходила к двери в его комнату, но так и не решилась открыть. И сам Тепляков долго ворочался, стараясь делать это тихо, чтобы Лилька не подумала, будто ему трудно с ней расставаться, будто он может передумать. При этом в завтрашний день он старался не заглядывать.

Уснул Тепляков за полночь, но в шесть часов был уже на ногах: сказалась привычка просыпаться в назначенное время. Однако Лилька встала еще раньше. Направляясь к умывальнику, он слышал, как она возится на кухне, до него доносились запахи поджариваемого мяса и лука. Побрившись, он вернулся в свою комнату и только сейчас обнаружил, что на вешалке, но не в шкафу, а снаружи, висит его новый костюм, который он не надевал еще ни разу после того, как его примерил, и даже тогда, когда ездил устраиваться на курсы: одежда в его глазах почти ничего не значила. Под костюмом, из нагрудного кармана которого торчал кончик белого платка, он обнаружил выглаженную и накрахмаленную белую рубашку, майку и даже галстук, под ним начищенные полуботинки, в них новенькие носки, а рядом спортивную сумку и рюкзак с вещами. Когда Лилька успела все это сделать, он не помнил, да это сейчас его особенно и не занимало. Однако костюм надевать он не стал, а влез в привычную для себя полувоенную форму, убрав выставленные Лилькой вещи в спортивную сумку.

Тепляков одевался перед старым рябым зеркалом, испытывая неловкость, будто оставляет вверенный ему пост у знамени или что-то в этом роде. Вчера за весь день он не выпил ни грамма водки — рюмка коньяку не в счет, — и, может быть, поэтому ощущал давно забытую легкость во всем теле, не представляя, как эту легкость использовать и зачем она ему нужна. Одевшись, он некоторое время в нерешительности стоял перед закрытой дверью, как будто ему предстояло броситься в ледяную воду. Вторая попытка вырваться в другой мир не предвещала ему неминуемого успеха, и он не чувствовал в себе той уверенности, с какой ехал поступать на курсы. Однако переступить порог, за которым его ждет неизвестность, так и так необходимо, и Тепляков, набрав в легкие воздуха и резко выдохнув его, порог все-таки переступил, тем более что Лилька, скорее всего, готовит ему прощальный завтрак. А если даже и не ему, то все равно проститься он обязан по-человечески.

— А-аа, встал? — встретила она его обычным ни к чему не обязывающим вопросом.

— Да вот... — начал было Тепляков.

Но Лилька не дала ему договорить:

— Руки мыл? Тогда садись за стол: завтрак уже готов.

Завтрак был необычным: жареное мясо с жареной же картошкой и солеными рыжиками. Затем кофе с бутербродами. Ели молча. Более того, оба старались лишний раз ни вилкой звякнуть о край тарелки, ни ложкой о кофейную чашку.

«Как на поминках», — подумал Тепляков.

Когда с кофе было покончено, Лилька положила перед Тепляковым конверт.

— Здесь все, что ты заработал. Можешь пересчитать, — произнесла она с горькой усмешкой. Когда же Тепляков покачал головой, закончила просительно: — Если... типа того... окажешься на мели, помогу: мне все равно деньги девать некуда, а ты... а ты не совсем мне чужой человек.

— Спасибо, — произнес Тепляков вдруг севшим до хрипоты голосом. Кашлянул, добавил: — Спасибо за все. За то, что приютила, за доброту, за ласку...

— Ладно уж! — остановила его Лилька. — А то начнешь перечислять — на автобус опоздаешь. Да и мне... типа того... лучше не слушать: разревусь.

На крыльцо, под свет электрической лампочки, Лилька не вышла. В сенях остановилась, оглядела Теплякова с ног до головы, подтянула молнию на куртке повыше.

— Давай прощайся. Худо-бедно, а... типа того... что было, то было. Не поминай лихом. Мало ли что. И подтолкнула Теплякова к двери. — Иди, чего уж там, — и отвернулась.

Тепляков вышел за калитку, оглянулся. Ему показалось, что Лилька стоит у окна за занавеской. Он махнул рукой, подкинул на плечах рюкзак и решительно пошагал к автобусной остановке.

А Лилька действительно стояла у окна, по щекам ее текли слезы, и когда они достигали краешек губ, она слизывала их языком и, не замечая того, гладила поверх халата свой слегка округлившийся живот: она впервые забеременела после первого аборта, и теперь в ней с неожиданной силой проснулось чувство материнства, какого она еще не знала в своей непутевой жизни.

Глава 5

Тепляков легко нашел улицу Красноармейскую, а на ней фирму «Кристалл». Фирма помещалась в бывшем детском саду, здесь остался забор, сваренный из толстых металлических прутьев с претензией на некоторую художественность, часть деревьев и кустов; зато там, где когда-то красовались разноцветные домики, грибки и песочницы, стояли на асфальте легковушки самых разных марок, а окна были прикрыты стальными решетками. При входе в калитку Тепляков нажал на кнопку, и тут же, хотя всю светило раннее осеннее солнце, вспыхнуло несколько ламп и прямо в лицо уставилась телекамера. После этого что-то щелкнуло, и калитка отползла в сторону. Потом он миновал тяжелую сталь-

---

ную дверь и уперся в вертушку, сбоку от которой за толстым стеклом сидел охранник. Тепляков протянул в окошко свой паспорт, охранник сверил его со списком и только после этого разрешил следовать дальше.

— Двадцать четвертая — по лестнице на второй этаж, третья дверь направо, — привычно сообщил он, возвращая паспорт.

Пока Тепляков шел по указанному маршруту, он глазел на стены, украшенные большими фотографиями, на которых мускулистые парни били руками и ногами по боксерским мешкам, сходились друг с другом в рукопашных схватках, прыгали сквозь бушующее пламя, стреляли из пистолетов и автоматов в тире, в поле, лежа и стоя, на бегу и в прыжке, с машин и мотоциклов, сопровождали солидных красногалстучников, с подозрением кося по сторонам, сдерживали напирющую толпу и прикрывали от дождя своих подопечных. Из этой фотовыставки даже Теплякову, еще не вполне освоившемуся со многими сторонами гражданской жизни, нелгудно было понять, что здесь располагается фирма, готовящая телохранителей и охранников различных амплуа.

Тепляков открыл тяжелую дверь и переступил порог означенной комнаты. И увидел Элен, сидящую за столом перед плоским экраном компьютера. Сбоку от нее стояли тумбочка с телефонами, шкаф со множеством ящиков, за спиной располагались два зарешеченных окна, а слева и справа от входа — двери, обитые дерматином.

Тепляков поздоровался, Элен в ответ кивнула головой и мило улыбнулась.

— Присаживайтесь, — предложила она телефонным голосом. — Илья Константинович скоро освободится. — И добавила с легкой усмешкой на ярко накрашенных губах: — Куртку можете повесить на вешалку.

Тепляков, смутившись от своей недогадливости, разделся и сел, сунув ладони между колен. Не то чтобы он волновался, однако неуютность своего положения просителя чувствовал всем существом, не зная, что ожидает его за дверью. Тем более что Элен настолько была погружена в созерцание экрана компьютера, что-то выведывая у него легкими движениями длинных пальцев, что отвлечь ее посторонними разговорами у Теплякова не хватило духу: а вдруг она выведает что-то такое там о Теплякове, что и здесь он потерпит неудачу.

Минут через десять из двери слева повалил молчаливый народ, настолько однообразный, будто каждый из них был клонирован в каком-нибудь сверхсекретном инкубаторе. Их глаза равнодушно скользили по Теплякову, как ночью сколь-

---

зит свет автомобильных фар по фонарному столбу, стоящему на повороте дороги, после чего клоны исчезали друг за другом за дверью, ведущей в коридор. Более того, Теплякову, наделенному излишним воображением, доставшемся ему от матери, показалось, что у каждого из них на спине имеются стоп-сигналы, просвечивающие сквозь одинаковые пиджаки. Но даже в коридоре не прозвучало ни одного слова, точно мимо Теплякова проследовали глухонемые.

«Да-а, порядочки», — первое, что пришло ему в голову, потому что в армии, после совещания у командира, ничего подобного не наблюдалось. Даже наоборот: каждый старался поделиться с другими своими мыслями, далеко не всегда относящимися к делу, и тем самым выпустить из себя пар, скопившийся от сидения и выслушивания прописных истин.

Когда последний клон покинул кабинет, Элен сообщила Рассадову, что в приемной находится Тепляков Юрий Николаевич.

— Пусть войдет, — прозвучало в ответ.

Рассадов сидел за большим столом, и едва Тепляков переступил порог, поманил его к себе пальцем, а когда тот приблизился, приподнялся и протянул руку. На этот раз крепкого рукопожатия не произошло. Тепляков едва успел ухватить кончики пальцев бывшего майора, как они выскользнули из его ладони.

— Садись! — последовал приказ. — Рассказывай!

— О чем? — не понял Тепляков.

— Как о чем? — удивился Рассадов. — Зачем пришел? Чего от меня ждешь? На что рассчитываешь?

Тепляков нахмурился и мельком глянул на человека лет сорока пяти, сидящего в стороне за отдельным столиком.

— Пришел за помощью или хотя бы за советом. Сами же сказали: если что, звони. Вот я и...

— Куда попал, догадываешься? — перебил его Рассадов.

— Догадываюсь.

— И какие делаешь выводы?

— Пока никаких, — ответил Тепляков. — Не успел еще.

— Пьешь?

— Случается.

— Куришь?

— Курю.

— Могу предложить тебе работу телохранителя. Но не сразу. Форму ты вроде бы еще не до конца растерял, можно навестать. Но пить и курить придется бросить. Нам нужны здоровые люди со здоровыми инстинктами и быстрой реакцией. Кстати, приедешь медкомиссию. Направление мы тебе

дадим. Думаю, что там никаких отклонений от нормы не обнаружат. У нас с поликлиникой договор, так что три дня тебе хватит. — И, обратившись к человеку за отдельным столиком: — Как, Никитич, возьмешь этого парня к себе?

Никитич пожал плечами.

— Что ж, можно посмотреть, на что он годится. Дней десять на это хватит.

— Согласен. Сегодня у нас какое? — спросил Рассадов, заглядывая в настольный календарь.

— Одиннадцатое октября, — подсказал Никитич.

— Да, одиннадцатое. Плюс три дня на комиссию. Так вот, двадцать пятого жду тебя с окончательным решением. — И, обращаясь к Теплякову: — Жилье имеется?

— Нет, — ответил Тепляков. И тут же поправился: — Еще не искал: я прямо с автобуса.

— Никитич, дай ему койку в общаге, — велел Рассадов и, сделав вялое движение ладонью: — На этом все. Можете быть свободны.

Общага располагалась на первом этаже. Никитич толкнул дверь с номером 14. Пропустил вперед Теплякова. В комнате стояло шесть коек, заправленных по-армейски. Возле каждой койки тумбочка и табуретка. На спинках полотенца. У входа вешалка, на ней куртки, под куртками полка, на ней штаны, под ней армейские ботинки. Вдоль стены два шкафа, посередине стол. Все это походило и на казарму и на госпитальную палату. А когда-то, подумал Тепляков, здесь копошилась детвора, стены эти слышали детский смех, видели детские слезы.

— Вот твоя койка, — показал Никитич на койку, стоящую почти у самой двери. — Располагайся. Порядки армейские, надеюсь, не забыл, напоминать не считаю нужным. Вон на стене памятка, прочти и запомни. За нарушение каждого пункта следует незамедлительное изгнание не только из общаги, но вообще. Так что все зависит от тебя. Разберешься со своими шмотками, рюкзак и сумку сдашь в камеру хранения. Оставишь только самое необходимое. — И спросил: — Позавтракать успел?

— Успел.

— Спортивный костюм есть?

— Да так..., — замылся Тепляков.

— Ясно. — С этими словами Никитич открыл один из шкафов, порывшись там, достал сверток, кинул на койку Теплякова. — Пока этот. А там будет видно. Переоденешься, придешь в спортзал. И не тяни резину. Все понял?

— Так точно! — ответил Тепляков. И спросил: — А комиссия?

— Завтра пойдешь на комиссию.

— И последнее: как к вам обращаться?

— Вот так и обращайся: Никитич. А для меня ты пока — Тепляков. Заслужишь — буду звать Юрием.

С этими словами Никитич покинул комнату, и Тепляков стал торопливо выполнять полученные указания. В душе его вместе с некоторым недоумением все более крепло сознание того, что он как бы вернулся в прежнюю жизнь, из которой был изгнан два года назад, в жизнь, где есть всезнающее начальство, дисциплина, писанные и неписанные правила поведения на все случаи жизни, и ему не нужно будет приравниваться к незнакомым и даже враждебным порядкам, ловчить и прикидывать, выгодно или нет делать то или другое и чем это может для него обернуться. И хотя какой-то слабенький голос пытался напомнить ему, что всякий порядок имеет и свою оборотную сторону, что он уже обжегся в той прошлой жизни на этой темной его стороне, однако Тепляков решительно задавил этот голос и, уже ни в чем не сомневаясь, переступил порог спортивного зала.

Здесь тоже все было знакомым. Даже терпкий запах мужского пота. И парни выглядели совсем не так, как полчаса назад: каждый имел свою статью и физиономию, каждый смотрел на новенького с некоторой долей любопытства и даже сочувствия, и Теплякову нетрудно было догадаться, что все они оказались здесь только потому, что ни на что другое способны не были.

Никитич, одетый, как и все, в спортивный костюм, не новый, но и не такой поношенный, как на Теплякове, сидел у стены на банкетке. Он поманил Теплякова пальцем, и когда тот приблизился, похлопал в ладоши и сообщил:

— Минутку внимания! Представляю вам новенького: Тепляков Юрий Николаевич. Двадцать семь лет, не женат. Бывший лейтенант горнострелковой бригады. Пока с десятидневным испытательным сроком. Все! Можете продолжать разминку! Тепляков, пристраивайся!

И Тепляков пристроился. Легко и непринужденно. Потому что здесь как бы продолжилось его прерванное прошлое. А потом... потом ему приказали надеть перчатки и выйти на ринг. Экзаменующим оказался мускулистый парень с кошачьими движениями... Тепляков продержался чуть более двух минут и оказался на полу, сбитый точным боковым в челюсть. Правда, не в нокауте, а лишь в нокадауне, и почти тут же вскочил, но Никитич бой прекратил, заметив:

— Что ж, кое-что можешь. Но кое-что — это у нас почти ничего. Старайся. А там посмотрим.

Медкомиссия, действительно, отняла всего три дня. Никаких отклонений в здоровье Теплякова она не обнаружила, и он, довольный ее заключением, вручил справку Никитичу.

Следующие десять дней пролетели как один бесконечный день изматывающих тренировок. На одиннадцатый, во время утреннего построения, Никитич, пройдясь вдоль строя замерших курсантов, остановился в самом конце.

— Юра Тепляков, выйди из строя, — приказал он.

Тепляков вздрогнул, как от удара, уверенный, что ему предложат покинуть «Детсад», как с иронией называли фирму «Кристалл» будущие телохранители, расшифровывая шесть букв следующим образом: Действуй Если Ты Солдат Адекватной Должности. Чуть, конечно, пороссячья, но были и другие расшифровки... с использованием ненормативной лексики.

Тепляков сделал два шага вперед, повернулся кругом и замер, готовый ко всему, пропустив мимо ушей, что Никитич впервые присовокупил имя к его фамилии.

— Итак, Юрий Николаевич Тепляков прошел смотрины и, на мой взгляд, показал себя с лучшей стороны. Посему, поздравляю тебя, Юра, с зачислением на курсы телохранителей. Тебе предстоит в течение трех месяцев узнать все секреты своей будущей профессии. Уверен, что ты освоишь их без особых затруднений. О чем я и доложил руководству фирмы.

Строй будущих телохранителей из двадцати двух человек сообщение своего наставника встретил вежливыми аплодисментами. Впрочем, как выяснил Тепляков за минувшие дни, все эти парни попали в «Детсад» примерно тем же путем и в то же самое время, и если бы он опоздал всего на неделю, ему пришлось бы искать другую работу.

Теперь к тренировкам тела добавились боевое самбо и дзюдо, стрельба из пистолета, фехтование на ножах и палках, вождение автомобиля, лекции по психологии, юриспруденции, кино и фотосъемкам, звукозаписи, первой медицинской помощи при различных травмах и ранениях. Вплоть до кулинарии, марок вин, минеральных вод и прочего, и прочего, о чем Тепляков не имел ни малейшего представления. Занятия велись с перерывами на еду и сон, один специалист сменял другого, так что на личное время не оставалось ни минуты, а если бы и оставалось, то любой из курсантов употребил его для сна. И далеко не все выдержали такой бешеный

темп освоения новой профессии. Уже через пару недель кое-кто, добравшись в конце дня до постели, стал задаваться вопросом, зачем им такая прорва всяких знаний?

— Нас, что, в шпионы готовят? — как-то во всеуслышание спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Славка Корневищев, сосед Теплякова по койке.

Тепляков лишь пожал плечами, почти уверенный, что его проверяют на вшивость.

— Для поступления в академию Генштаба, — с усмешкой ответил Валерка Куценко, в первый же день пославший Теплякова в нокдаун. — Говорят, что там теперь такая же программа, как и до семнадцатого года. Кроме четырех языков и парфосной охоты.

— Что это за охота такая? — удивился кто-то.

— Верхом на дончаке вслед за гончими по пересеченной местности, деревня, — ответил Куценко. — Читай роман Пикуля «Честь имею». Кстати, одним из лучших наездников в Академии перед Первой мировой считался барон фон Маннергейм.

— Кто? Кто?

— Маннергейм, будущий президент Финляндии. Слышал про «Линию Маннергейма», которую штурмовали наши дуrolомы в сороковом году? Вместо того чтобы ударить с флангов... Вот этот самый Маннергейм и есть.

— Сам ты дуrolом, — огрызнулся Корневищев.

— Сам не сам, а спросит тебя дочка подопечного тебе тела, почем бананы в банановых республиках, а ты и поплыл.

— Ну и почем же они там?

— По деньгам.

Славка Корневищев не выдержал такого темпа и такой нагрузки. А с ним еще двое. Их отсеяли и определили в обычные охранники, начиная от детского сада, кончая банками: там не обязательно отличать вкус и аромат «Мукузани» от «Хванчкары», или «Ессентуки» от обычной газированной воды, слегка подсоленной.

Глава 6

Через месяц ударили первые морозы и выпал первый снег. В этот день Никитич на вечерней поверке вдруг объявил, что завтрашнее воскресенье курсанты могут провести так, как им заблагорассудится. Но в понедельник утром чтобы все были на месте как штык и чистые как стеклышко.

Странное дело, но Тепляков, как, впрочем, и многие другие, даже жители этого города, встретили объявление Никитича с некоторой растерянностью: так все они втянулись в

эту лихорадочную гонку к финишной черте, за которой таилась пугающая неизвестность, знакомая им разве что по детективным фильмам. В этих фильмах телохранители влюблялись в своих подопечных, если это была женщина, или в жену охраняемого тела, или в его дочь, или те в телохранителя. Были и такие сюжеты, в которых телохранитель изменял своему долгу, соблазнившись большими деньгами, или... — похоже, сценаристы-киношники перебрали все мыслимые и немыслимые варианты, случавшиеся в жизни или могущие случиться в тех или иных условиях. Впрочем, и на самих занятиях учителями приводились похожие истории, но не выдуманные, а имевшие место в действительности, разбиралось по косточкам поведение действующих лиц, свои и чужие промахи и делались выводы: не допускать подобных промахов в своей будущей практике.

В этот вечер курсанты уснули далеко не сразу. Местные, преодолев минутную растерянность, тут же собрались и покинули общежитие. А тем, кому некуда было идти, оставалось лишь завидовать и придумывать, как все-таки использовать полученный выходной. И Тепляков оказался среди них. Кто-то предложил во второй половине дня отправиться в ресторан и там расслабиться по полной программе. Но его не поддержали.

— Утром в понедельник ты если и будешь как штык, то уж точно — не как стеклышко. И что тебе скажет Никитич, к гадалке ходить не надо.

И лишь лежа в постели, подоткнув под себя одеяло и проваливаясь в сон, Тепляков вдруг увидел испуганные глаза девочек, которых он чуть не сбил, выскочив из подъезда пятиэтажки, услышал голос Татьяны Андреевны, умоляющей его непременно заходить к ним, если окажется в городе, вспомнил рассказ их соседа, подвозившего Теплякова.

Но если заходить, то когда? С утра, пожалуй, рано. К обеду? Тоже как-то неловко: подумают, что пришел поесть. Лучше всего, пожалуй, часа в три... А вдруг они куда-нибудь уйдут? Скажем, к кому-нибудь на день рождения. Или в кино. Или еще куда-то, а он придет, да еще с цветами, без которых никак нельзя... Вот ведь незадача. А если позвонить: мол, так и так и прочее?... Тоже как-то не по себе.

Так ничего и не решив, Тепляков уснул, но, в отличие от прошлых ночей, глухих и беззвучных, ему снились широко распахнутые девичьи глаза, и кто-то звал его тихим голосом: «Юра-ааа! Юрочка-ааа!» Голос то возникал, то растворялся в шуме леса. Тепляков брел, проваливаясь в глубокий снег, теряя силы, а голос звал его, все звал, такой сладкий, такой

жалостливый, как будто не голосу этому, заблудившемуся в глухом лесу, нужна была помощь, а самому Теплякову.

Наручные часы показывали полдень, когда Тепляков нажал черную кнопку звонка. Он даже перестал дышать, прислушиваясь к тишине за дверью, обитой дерматином, с глазком на уровне его плеча. Потом из глубины зашлепали чьи-то легкие шаги и замерли возле двери, и у Теплякова на мгновение замерло сердце, а потом бешено застучало то ли от радости, что кто-то все-таки дома из Яловичевых, то ли от страха, что примут его равнодушно, без всякой радости, на которую он втайне все-таки рассчитывал.

— Кто там? — спросил девичий голос, но не сразу и явно с испугом.

И другой, почти такой же, то есть тоже девичий, но из глубины квартиры.

— Машка! Ну чего ты ктокаешь? Посмотри в глазок. Может, там какой-нибудь бож. Или дядька Петька со второго этажа денег пришел клянчить на выпивку.

— Я боюсь, — признался первый голос — голос Машеньки, как младшую вслед за Иваном Савичем называл про себя Тепляков.

— Вот глупая! Дай я гляну!

Тепляков чуть отошел от двери и встал напротив глазка, держа букет алых роз перед собою, а пакет с коробкой дорогих шоколадных конфет, с тортом и фруктами в опущенной руке: Лилька столько дала ему денег, что он не знал, на что их потратить. Стоя перед дверью, он подумал, что выглядит, скорее всего, глупо, тем более что лицо его, помимо воли, просто расплывалось в улыбке, которую ему самому, не видя себя в зеркало, трудно определить, но уж точно, умной не назовешь. Даже Лилька, и та часто пеняла ему: «Ну чего ты лыбишься? Прямо как дурак какой-то!» А еще он подумал, что девочки наверняка дома одни, отсюда и проистекает их робость.

Некоторое время за дверью держалась настороженная и, надо думать, удивленная тишина. Затем второй голос, на полктавы гуще первого, голос Дашеньки, спросил, но без страха, а, скорее, с изумлением:

— А вы к кому?

— К вам, — ответил Тепляков, продолжая улыбаться. — Меня зовут Юрием Тепляковым. Я служил с Сашей, с вашим братом. Может, Татьяна Андреевна говорила вам обо мне.

— Говорила, — неуверенно подтвердила Дашенька. — Но мамы нет дома.

— Об этом я уже догадался, — признался Тепляков снисходительно. — А когда она вернется?

— Не знаю, — пожаловался за дверью голос Дашеньки: ей хотелось впустить незваного гостя, но в передачах почти всех телеканалов столько рассказывается ужасов про то, как с виду — и со слов — вполне приличные люди вдруг превращаются в чудовища, стоит им оказаться в квартире, населенной такими беззащитными существами, что нет ничего удивительного, если две девчущки, затвердив эти новые правила нового мира, пребывают в мучительной неопределенности, как им поступить.

И Тепляков решил, что не стоит их мучить понапрасну: даже если они и впустят его, все равно будут вести себя настороженно, следовательно, ничего хорошего из этого визита не получится.

— Хорошо, Дашенька с Машенькой. Я зайду в другой раз, когда Татьяна Андреевна будет дома. Только передайте ей, что я нашел себе работу. Чтобы она не беспокоилась. До свиданья!

И Тепляков затопал своими армейскими ботинками вниз по ступеням. Однако не успел он достичь третьего этажа, как наверху клацнули открываемые замки, и голос Дашеньки, освобожденный от всяких преград, вскрикнул с испугом:

— Пойдите!

Тепляков остановился, задрал вверх голову и первое, что он увидел, это отвисший ситцевый халатик, а под ним голые ноги до самых трусиков телесного цвета и с кружевами. И только потом русую головку девушки с широко распахнутыми глазами, перегнувшейся через перила.

— Пойдите, — повторила она, и тут же рядом с нею оказалась Машенька, с такими же широко распахнутыми от страха и любопытства глазами, с такими же обнаженными ногами, при виде которых Теплякова во второй раз обдало жаром с ног до головы.

— А вы, правда, Тепляков Юра? — спросила Дашенька.

— Чтоб мне провалиться на этом месте до самого подвала! — ответил Тепляков, широко улыбаясь, потому что нельзя было не улыбаться при виде этих очаровательных лиц, широко распахнутых глаз, и не столько от страха и любопытства, сколько оттого, что они не поверили ему, Теплякову, не пустили его за порог, и он теперь может подумать о них что-то плохое. Довольный своими догадками, отчасти основанными на тех знаниях психологии, которые преподали им на курсах, Тепляков полез в боковой карман куртки, достал паспорт, поднялся на межэтажную площадку и положил пас-

---

порт на подоконник. Подумав лишь мгновение, он рядом положил розы и поставил пакет. — Вот мой паспорт. Я спущусь вниз. Вы посмотрите, ну а дальше... дальше я, пожалуй, все равно пойду. А то, не дай бог, мама вас заругает, что вы впустили в квартиру чужого человека. А цветы и все остальное — это так, между прочим. На всякий случай можете вызвать саперов: а вдруг там бомба, — прорычал он, сделав страшное лицо.

— Ну, что вы! — воскликнула Машенька с той радостной и даже счастливой улыбкой, о которой с такой завистью говорил чуть больше месяца тому назад Иван Саввич. — Мама совсем-совсем не будет нас ругать! Она все вас вспоминала и вспоминала, все ждала, когда вы придете к нам в гости. Правда, правда!

— Вот как, — произнес Тепляков, не зная, как вести себя дальше. И пояснил в свое оправдание: — О том, что у нас будет выходной, нам сообщили лишь вчера вечером. Я не решился вам позвонить: вдруг вы спите.

— Ой, что вы! — еще более радостно воскликнула Машенька. — Мы поздно ложимся! Да если бы даже и ночью... Раз так случилось... Бывают же такие обстоятельства. Правда?

— Бывают, — легко согласился Тепляков. — Это когда землетрясение или наводнение. А вчерашним вечером, насколько мне известно, ничего подобного не случилось.

— Да вы поднимайтесь! Мы вам верим, — снизошла до него Дашенька.

— Правда, правда! — подтвердила Машенька. — Вот честное слово!

И Тепляков, забрав свой паспорт с подоконника и все остальное, поднялся к девочкам, сунул паспорт Дашеньке, а затем каждой из них протянул по букету роз.

— Ну а этот, побольше, вашей маме, — пояснил он.

— Ой, что вы! Это ж так дорого! — воскликнула Машенька, прижимая букет к своей груди и глядя на Теплякова счастливыми глазами.

— Большое спасибо, — зардевшись, чуть ли ни шепотом поблагодарила его Дашенька и, так и не раскрыв паспорта, вернула его Теплякову.

И Машенька, спохватившись, тоже поблагодарила его теми же словами. И только после этого они перешагнули друг за другом порог квартиры.

Разувшись и раздевшись, Тепляков сидел на кухне, выложив на стол свои гостинцы, а девчонки, оставив его одного, скрылись в комнатах, затворив за собой двери. Он слышал торопливые шаги в ванную, из нее — шум воды, щелканье

выключателей, еще какие-то звуки, и представлял, чем сейчас занимаются девчонки: не ожидал, что его появление здесь может вызвать такой переполох.

С Лилькой иногда случалось почти то же самое: ее вдруг что-то подстегивало, и она начинала прихорашиваться, будто ждала гостей, а на самом деле это вдруг происходило вовсе не вдруг, а от осознания ее вины перед Тепляковым, облаянным ею за какой-нибудь пустяк сегодня утром или вчера вечером, и это при том, что могла не замечать с его стороны и нечто более существенное. В психологии это называется отложенной или запоздалой реакцией, которая возникает по поводу, а не по причине. До Лильки ее вина перед сожителем доходила не сразу, а когда все-таки доходила, ее реакция была именно такой. И все это происходило на его глазах: и прихорашивание, и смена туалетов, при этом менялась не только она сама, но ее голос, лексика, из которой исключалась цензура, менялся взгляд ее светло-серых глаз: в них возникали раскаяние и страх перед возможностью, что Тепляков хлопнет дверью и уйдет. На столе появлялись самая дорогая водка или коньяк и самые деликатесные закуски.

И сейчас, сидя на кухне и вспоминая недавнее прошлое, он удивлялся, как мог он все это вытерпеть, почему не ушел после первого же скандала. Ну да, ему было жалко Лильку, одинокую и несчастную, особенно после ее рассказа о том, как однажды в магазин ворвались какие-то люди в масках, избили ее, связали, изнасиловали, забрали выручку, ящик водки и всякие консервы, пригрозили ей, что если пикнет, то убьют, и с тех пор она жила под страхом, что они вернуться. И Тепляков вместе с нею ждал их возвращения, хотел его, но они так и не вернулись, потому что, скорее всего, были залетками и дважды в одном месте не отмечались. Удерживало его при Лильке и то обстоятельство, что ему некуда было идти, что он устал от бродяжничества, а в город, покинутый им девять лет назад, его привела надежда, что здесь он сможет устроиться и начать новую жизнь, где, если не помнили его отца, то могли помнить его мать, преподававшую в музыкальной школе игру на фортепьяно. Но за последние годы изменился не только город, разросшийся в обе стороны вдоль реки, изменились его обитатели: они поблекли, отступили в тень, с опаской поглядывая на множество чужих лиц, наглых, нахрапистых, не считающихся ни с кем и ни с чем, как будто это были не соотечественники, когда-то мирно обитавшие на окраинах огромной страны, а ее завоеватели. И так повелось везде, где Теплякову пришлось побывать, следовательно, и выбирать было не из чего.

Наконец дверь на кухню отворилась, и девчонки предстали перед Тепляковым, смущенные и зардевшиеся, одетые, надо думать, в самые лучшие свои наряды, предстали будто на смотри- ны. На Дашеньке было длинное серо-зеленое платье, расшитое по подолу, рукавам и лифу белыми ромашками, с глубоким вы- резом на груди, открывающем соблазнительную ложбинку; Ма- шенькино платье из той же ткани было попроще и поскромнее.

Тепляков поднялся.

— Ну, девчонки, вы просто... уж и не знаю, что сказать... У вас что сегодня, праздник какой-нибудь?

— Нет, никакого праздника, — поспешила ответить Да- шенька.

— Ну-у, потому что... потому что гости, — пояснила Ма- шенька, выглянув из-за плеча старшей сестры: кухонька настолько была крохотной, что девочки не могли разойтись между холодильником и раковиной. И добавила: — Мы же не знали, что вы придете.

— Вы уж извините меня за мой костюм, — произнес Тепля- ков, обеими ладонями проведя сверху вниз. — Не успел об- мундироваться соответствующим образом. В следующий раз постараюсь выглядеть лучше.

Он не успел закончить фразы, как обе девочки протестую- ще замахали руками и в один голос воскликнули:

— Да вы что! Вы и так прекрасно выглядите!

И все трое рассмеялись.

Нужный тон был найден, напряжение спало, Машенька попятилась, Дашенька тоже, приглашая Теплякова покинуть кухню. В комнате, которая, судя по всему, служила в торже- ственных случаях столовой, они усадили Теплякова на ди- ван, включили старенький телевизор.

— Юра, вы пока смотрите, а мы сейчас что-нибудь приго- товим, — распорядилась Дашенька, поддержанная улыбкой Машеньки.

Но тут запиликал мобильник, лежащий на полке трелья- жа, Дашенька схватила его, приложила к уху.

— Да, мам! Я слушаю... А ты где? Ой, а у нас Юра! Юра Тепляков! Мам, я сейчас выскочу. Я быстро!

Но Тепляков, догадавшись, о чем идет речь, уже стоял в прихожей и шнуровал свои ботинки.

— Да вы что, Юра! — пыталась остановить его Даша. — Там не так много. Я сама справлюсь.

Но Тепляков был непреклонен:

— Не сомневаюсь. Но втроем мы справимся еще лучше. А еще лучше, если ты останешься помогать Машеньке. Тем более что с мамой мы знакомы.

И вот все четверо сидят за круглым столом: Тепляков напротив Татьяны Андреевны, девочки по бокам. Было испробовано вино, принесенное Тепляковым, и стоя выпито за Сашу и всех не вернувшихся домой. Потом были суп с фрикадельками, жареная картошка с разнообразными соленьями, и теперь они пили чай с тортом, и Тепляков, под участливые взгляды трех пар серо-голубых глаз, рассказывал, как он провел минувший месяц, рассказывал с юмором, потому что об этом рассказывать серьезно трем очаровательным женщинам было бы глупо и неинтересно.

— Не знаю, что меня ждет через два месяца, кто купит меня себе в услужение, как там сложатся отношения, зато я уверен, что в будущей моей работе отыщется хоть что-нибудь интересное и поучительное. Конечно, эта работа не на всю жизнь, постараюсь выкраивать время на учебу, но это пока лишь мои проекты, — закончил Тепляков на оптимистической ноте.

— Ой, как интересно-ооо! — с радостной улыбкой воскликнула Машенька и принялась делиться своими впечатлениями: — Вы знаете, Юра, по телику в прошлом году показывали американский фильм про телохранителя, так я ужасно как переживала. — И, всплеснув руками: — Ой, вы, Юра, главное, не поддавайтесь на провокации! Эти богачи... они бог знает что о себе думают! Будто они самые умные! А всех, у кого нет таких больших денег, презирают. Правда, правда! — воскликнула она на снисходительную улыбку Теплякова, будто у нее целая куча знакомых богачей, из наблюдения за которыми она и сделала свои выводы.

— Ну, положим, не все, — возразила Татьяна Андреевна учительским тоном. — И богачами люди становятся по-разному. Другое дело, что им всем не хватает душевной теплоты, потому что свое богатство они добывают в борьбе с конкурентами. Подчас очень жестокой, когда не думают о последствиях для тех, кто проиграет. А ведь у всех семьи, дети, внуки. Но это со временем должно как-то урегуливаться, — закончила она убежденно, в то же время взглядом приглашая Теплякова поддержать ее точку зрения.

Тепляков не стал возражать. И не потому, что не имел аргументов против точки зрения хозяйки, быть может, к тому же, высказанной исключительно в воспитательных целях для своих девочек, а более всего потому, что не имел еще своей точки зрения, не имел опыта общения с сильными мира сего, хотя среди курсантов его группы ходили всякие истории о том, кто и как добывал и продолжает добывать себе миллионы. А еще, глядя в эти светлые и, как ему казалось, наивные

глаза двух девочек, он вдруг почувствовал себя по сравнению с ними таким стариком, прожившим такую долгую и насыщенную далеко не самыми лучшими впечатлениями жизнь, что даже нахождение за этим столом представилось ему ничем не оправданным вторжением, которое, если будет повторяться, ни ему, ни этим девочкам, ни их матери ничего хорошего не сулит.

— Юрочка! Что это вы вдруг так... приуныли? — забеспокоилась Татьяна Андреевна. — Что-нибудь на службе не ладится?

— Нет, нет! Что вы! Все нормально! Не стоит беспокоиться, — торопливо постарался он разрядить вдруг помрачневшую обстановку, словно в люстре перегорели почти все лампы. — Просто, знаете, у нас ведь такая гонка, столько в нас за три месяца пытаются втиснуть всяких знаний, что это так или иначе сказывается. А у вас такая милая атмосфера, такая спокойная, так напомнила мне прошлое, что... Вы уж меня извините: я все никак не научусь справляться со своими чувствами, — закончил он, виновато улыбнувшись. — А наши преподаватели на занятиях от нас требуют быть рассудительными и не поддаваться эмоциям. Пока у меня это плохо получается.

И опять Машенька, вспыхнув и подавшись к нему всем телом, точно пытаясь защитить его от неизвестных ей напастей, всплеснула руками, прижала их к рельефным бугорочкам своей груди, часто-часто затрясла своей головкой, еще не находя нужных слов и этим беспомощным жестом пытаюсь выразить, как она ему сочувствует и очень не хочет, чтобы он научился-таки справляться.

— Ну что вы, Юра! Как можно! — наконец воскликнула она. — Ведь это так естественно! Ой, я вас... мы вас так понимаем и сочувствуем! Только вы не думайте о плохом. Совсем не думайте! И тогда, вот увидите, все будет хорошо.

И глаза ее заблестели непролитой слезой.

Боже, как Теплякову вдруг захотелось расцеловать эти глаза, прижать к себе и успокоить это хрупкое девичье тельце. Он обругал себя последними словами за несдержанность, выдал на своем лице благодарную улыбку и пообещал, что больше подобное с ним никогда не повторится.

Чаепитие с тортом прошло в сосредоточенной тишине. Хозяйки убирали со стола, и Теплякову оставалось лишь оглядываться да пытаться понять, не наступил ли тот момент, когда остается лишь благодарить хозяев за гостеприимство и раскланиваться. Но раскланиваться именно сейчас было как-то не с руки. И когда стол очистился от посуды и на нем

появились три вазы с розами, Тепляков, давно приметивший на стене гитару, спросил:

— А кто у вас на ней играет?

— Девочки, — ответила Татьяна Андреевна с глубоким вздохом. И пояснила: — Обе учились в музыкальной школе, потом... Правда, уж и не упомню, когда хоть одна из них бралась за гитару.

— А потому, что мы не умеем ее настраивать, — тут же оправдалась Дашенька. — Она уже не звенит, а бренчит. Вот.

— Да, мама, — поддержала сестру Машенька. — Я пробовала, но у меня ничего не получилось.

— А камертон у вас имеется? — спросил Тепляков.

— Где-то валяется, — отмахнулась Дашенька, давая понять, что все равно толку от него никакого.

— А можно мне попробовать? — спросил Тепляков.

— А вы умеете? — вопросом на вопрос ответила Дашенька.

— Да как вам сказать? Когда-то тоже посещал музыкальную школу. Мама хотела сделать из меня музыканта. Она в музыкальной школе преподавала игру на фортепьяно. С тех пор прошло много времени, боюсь, что все позабыл, — поскромничал он, хотя, действительно, за минувшие годы брать в руки гитару приходилось очень редко. Но надо было как-то окончательно разрядить обстановку, чтобы оставить по себе хорошее впечатление, и он решил, не зная, как сделать это без гитары.

Сняв ее со стены, провел пальцем по ее запыленному боку, оставив на нем блестящий след.

— Ой! — вскрикнула Машенька и, вскочив, потянула гитару к себе, пояснив с виноватым видом: — Она висит и висит. Давайте я ее вытру. Я быстро! — И тут же убежала.

— Все чем-то заняты, всем недосуг, — вздохнула Татьяна Андреевна. — Вы уж не судите нас слишком строго, Юра.

— Ну что вы, Татьяна Андреевна! Как я могу вас судить? Даже и не слишком строго? Тем более что большего разгильдяя, чем я, трудно отыскать во всей вселенной.

Обстановка, похоже, стала понемногу разряжаться, разве что Дашенька поглядывала на гостя с некоторым недоверием, ожидая от него чего-то такого, тщательно скрываемого, что сразу же разъяснит все в этом на вид довольно привлекательном, но уже явно многое повидавшем человеке.

В дверях появилась Машенька с гитарой на вытянутых руках.

— Вот, — сказала она, приблизившись к Теплякову. При этом смотрела ему в глаза с такой надеждой, словно от его умения оживить гитару зависела жизнь всех присутствующих в этой комнате.

Действительно, струны не звенели, а жалобно дребезжали, но в умелых руках Теплякова сперва зазвенела одна струна, за ней другая, а там уж и все остальные. Он прошелся по струнам перебором, чувствуя, что огрубевшие пальцы слушаются плохо, и, следовательно, попытаться сыграть надо будет что-нибудь попроще. И он, резко вдохнув и выдохнув воздух, как перед прыжком в воду, начал с «Барыни», начал в медленном темпе, слегка притопывая ногой, и постепенно разгоняясь. Пусть не так, как в былые времена, пусть пальцы иногда цепляли соседние струны, между тем это все-таки была самая настоящая «Барыня», с ее неудержимым раздольем и бесшабашностью. Кидая иногда косые взгляды на слушательниц, он видел в основном одну Машеньку, видел ее широко распахнутые глаза, застывшую на губах счастливую улыбку, обнажившую ровную белизну зубов, но более всего она светилась торжеством, будто она и не сомневалась в его удивительном умении, а все остальные сомневались и даже не верили. И вся ее тоненькая фигурка была устремлена куда-то вверх, она дышала музыкой, ее ритмом, и вот еще немного — и пустится в пляс.

Но в пляс так никто и не пустился.

— Еще что-нибудь, — попросила Машенька, молитвенно сложив ладони.

— Да, пожалуйста, Юра, — поддержала дочку Татьяна Андреевна. — У вас так хорошо получается.

— Что же вам еще сыграть? — спросил Тепляков, перебирая струны. Из этого перебора сама по себе стала вылепляться мелодия его самого любимого романса на стихи Дельвига, романса, которого он в детстве не мог понять, но его очень любила мать, и постепенно он вошел в Юркину душу, а стал ей родным после первого и последнего боя. И Тепляков запел, даже не столько запел, сколько начал декламировать под аккомпанемент, не чувствуя своего голоса, который никак не хотел подчиняться его воле, хрипел, сипел и спотыкался на знакомых нотах.

*Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда в венке из роз
К теням не отбыл я!*

Голос его постепенно крепчал, он снова видел горы, шумящую в глубоком ущелье реку, своих солдат, медленно сползающих вниз вместе с осыпью. Но та боль, которую он испытывал в прошлом, уже не рвала ему душу, лишь наполняя ее тихой печалью. Может, и не стоило петь именно этот романс, но коли начал, надо было допеть до конца.

*Зачем вы начертались так
На памяти моей?
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько горы и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил?!*

И казалось ему всякий раз, когда в нем возникали эти стихи, написанные почти двести лет назад, что они про него, и другими словами выразить свои чувства невозможно.

*Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного «люблю»
Не повторяйте ей!*

Замолчав, Тепляков еще какое-то время перебирал струны, потом посмотрел на притихших слушательниц, пробормотал виновато:

— Извините меня: совсем я вас вогнал в тоску.

— Ну что вы, Юра! — тут же откликнулась Машенька. — Ведь это же романс. А романсы — они почти все грустные. Зато очень красивые.

— Да, чего-чего, а красоты и чувства у них не отнять, — согласился Тепляков, откладывая гитару в сторону. И поднялся. — Пора и честь знать, — произнес он. — Да и время уже позднее. Вам отдохнуть надо. Завтра кому на работу, кому в школу. А то будете сидеть за партой и дремать.

— Но вы же к нам еще придете? Правда? — спросила Машенька умоляющим голосом.

— Маша! — вмешалась Татьяна Андреевна. — Тебе же объяснили, что Юра еще не знает, как у него сложится.

— Но я ж не говорю, что завтра! — возмутилась Машенька под усмешливый взгляд своей сестры. — А когда появится возможность. Правда, Юра?

— Правда, Машенька! Правда! — подтвердил он. — Собственно говоря, мне в городе и идти-то, кроме вас, не к кому.

— Но ведь вы вроде бы заканчивали школу в нашем городе, — произнесла Дашенька с таким видом, точно уличила Теплякова во лжи. — Должны же здесь остаться ваши товарищи.

— Действительно, заканчивал. Но лишь девять классов. И те на том берегу. Остальные — в военном колледже. А сегодня на том берегу от бывшего не осталось ничего: ни военного городка, ни школы, везде одни дачи и дачи. Да и однокурсников еще надо разыскать. А времени на это нет ни минуты.

— Дашка, ну чего ты привязалась! — возмутилась Машенька. — Какое это имеет значение? — И к Теплякову: — Вы, Юра, не обращайтесь на нее внимание. Она сегодня не в духе.

— Тем более мне пора откланиваться... чтобы не усугублять Дашенькино настроение, — улыбнулся Тепляков, направляясь в прихожую.

Неожиданно Машенька вызвалась его проводить до трамвайной остановки и тут же стала торопливо одеваться.

— Я сегодня совсем не гуляла, — заявила она. — Надо же мне подышать свежим воздухом. Хотя бы полчаса.

— Маша, — укоризненно покачала головой Татьяна Андреевна. — На улице уже темно, к тому же Юра из-за тебя может опоздать...

— Не волнуйтесь, Татьяна Андреевна, — успокоил ее Тепляков. — Время у меня еще есть. Мы с Машенькой погуляем, и я провожу ее до самых ваших дверей.

— Хорошо, только вы не долго, — уступила Татьяна Андреевна, после того, как Тепляков на прощанье поцеловал ей руку. — Маше сегодня еще надо повторить геометрию.

Глава 7

Они вышли на улицу. В свете немногих уличных фонарей кружились снежинки, то падая вниз, то возносясь вверх, к самым лампам, точно это были и не снежинки, а ночные мотыльки, устроившие в конусе света свои замысловатые танцы.

— Хорошо, правда? — тихо спросила Машенька, заглянув снизу вверх в лицо Теплякова.

— Да, давно не было такой хорошей погоды, — подтвердил он. — Похоже, пришла настоящая зима.

— А то все или мокрый снег, или дождь. На улицу выходить не хочется, — пожаловалась она, хотя ее радостная улыбка говорила совсем о другом.

Снег ложился на ледяной панцирь, покрывший тротуары, они шли к трамвайной остановке семенящими шагами, пока Машенька, поскользнувшись и взвизгнув, не уцепилась за рукав куртки Теплякова. Они остановились, и Тепляков, удерживая Машеньку за плечи, пробормотал:

— Извини меня, Машенька, я совсем разучился ходить рядом с девушкой. Как лучше: взять тебя под руку, или ты возьмешь меня?

— Как хотите, Юра. По-моему, это все равно.

— Да? М-м... Может быть. Я как-то не обратил внимания. Тогда разреши мне проявить инициативу.

— Пожалуйста, — ответила она тихо, продолжая смотреть ему в лицо мерцающими в полутьме широко распахнутыми глазами, и эти глаза находились так близко от лица Теплякова, что он вспомнил, как ему хотелось поцеловать их, наполненные сочувствующими слезами.

Теплякова смущал этот взгляд, настолько он был откровенно переполнен ожиданием чего-то такого, на что, по его представлениям, имеет право рассчитывать исключительно вполне взрослая девушка или женщина. А ведь Машеньке всего шестнадцать. Впрочем, возраст тут совершенно ни при чем, тем более что, как об этом говорят с экранов телевизоров, девочки взрослеют значительно быстрее мальчиков, инстинкт материнства в них пробуждается задолго до того, как они начинают его осознавать, поэтому-то в некоторых странах девушкам (или девочкам?) разрешено выходить замуж в шестнадцать и даже в четырнадцать лет. Но Тепляков жил в стране, где подобные вольности находятся под запретом, а ему, солдату, постоянно вдалбливали в голову, что армия стоит на страже государства, а государство — это не только люди, но и законы, которыми они руководствуются в повседневной жизни. Но не только поэтому он чувствовал себя весьма неловко. Более того, ему казалось, что редкие прохожие смотрят на него с осуждением, и он старался слишком не приближаться к Машеньке, хотя тропинка, протоптанная в снегу, часто сблизала их настолько, что они касались друг друга. А еще он вспомнил, что во взгляде Татьяны Андреевны промелькнуло нечто, похожее на тревогу за судьбу своей младшенькой, а уж на лице Даши, лишь полгода как покинувшей запретный возраст, желание сестры прогуляться вызвало явно неодобрительную усмешку.

И вот теперь, осознав всю странность своего положения за те короткие мгновения, что они топтались на одном месте, забыв, что продолжает держать Машеньку за плечи, он должен был проявлять заявленную инициативу. Смущенно кашлянув, он опустил руки, потом в нем что-то взбунтовалось, и он решительно взял Машеньку за руку чуть выше локтя, и она легко согласилась с этим его решением. И они пошагали дальше.

Молча они дошли до остановки трамвая.

— А вы, правда, не спешите? — спросила Машенька, когда они остановились.

— Правда, — подтвердил Тепляков. — Собственно говоря, мне надо лишь не опоздать на утреннее построение. На этот счет у нас строго. А у тебя что, трудности с геометрией?

— Да нет, что вы! Совсем наоборот! — воскликнула Машенька. — Но завтра у нас контрольная по геометрии, и мама волнуется, что я могу наделать ошибок. А у вас как было с математикой?

— Сначала очень плохо. До седьмого класса не вылезал из двоек и троек. А все потому, что слишком много приходилось заниматься музыкой: мама считала, что музыканту математика ни к чему. Но когда в третьем семестре появилась угроза, что останусь на второй год, пришлось нанять математика. Мама нашла удивительного старичка-пенсионера, Алексея Ивановича Долгополова, который показал мне математику с такой увлекательной стороны, о какой я даже не подозревал. За месяц занятий с ним я буквально влюбился в математику, и, представь себе, у меня открылись кое-какие способности к этому предмету. Короче говоря, четвертый семестр я прошел на четыре и пять, и дальше у меня никаких затруднений не возникало. Зато пострадала музыка. К великому маминому сожалению, я к ней охладел и если продолжал заниматься, то не столько фортепьяно, сколько гитарой: этот инструмент в армейской среде пользуется особой популярностью.

Они не заметили, что давно миновали трамвайную остановку. Теперь Машенька крепко держалась за согнутую в локте руку Теплякова, то и дело на полшага обгоняя его, чтобы заглянуть в лицо сияющими глазами. И Тепляков забыл о своих страхах. Действительно, что тут такого, если двадцатисемилетний мужчина идет рядом с шестнадцатилетней девочкой! Ничего предосудительного здесь нет и не может быть, потому что в самом Теплякове ничего, кроме нежности к Машеньке, не возникло и не может возникнуть. В конце концов, они могут просто дружить. А когда Машеньке испол-

---

нится восемнадцать, тогда, может быть... Впрочем, загадывать так далеко — пустое дело, если он еще не может себе представить, что станет с ним после того, как он закончит курсы и получит лицензию телохранителя.

Так они бродили по улице взад-вперед, болтая о всякой всячине, и впервые Теплякову было интересно разговаривать с женщиной. Тем более с такой еще юной, но уже имеющей, если не твердые знания, то кое-какие представления об окружающем мире. И представления довольно оригинальные. А то ведь начнешь разговаривать с иной, даже вполне зрелой особью, и натыкаешься на такое дремучее невежество, будто она явилась в современность прямиком из Средневековья, ничего не почерпнув для себя по пути из достижений человечества.

— Ой! — спохватилась Машенька, когда в ее кармане запиликал мобильник. — Достав его и проложив к уху, она сразу же заговорила: — Мам, извини, но мы с Юрой заболтали. Хорошо, что ты позвонила. Я минут через... через десять буду дома, — заверила она. Затем, заглянув Теплякову в глаза, спросила: — Вы на меня не сердитесь, Юра?

— За что? — искренне удивился он. — Это ты должна на меня сердиться: совсем заговорил тебя.

— Ах, что вы! Мне никогда не было так интересно, — призналась она.

— Мне тоже, — откликнулся Тепляков.

— Правда-правда?

— Честное слово.

Машенька стояла, носком сапожка разгребая снег. Потом глянула на Теплякова и произнесла почти жалобно:

— Я пойду? Ладно? — И уже с радостью: — А вон ваш трамвай!

— Он не последний, — отверг ее жертвенность Тепляков. — Тем более что я обещал Татьяне Андреевне проводить тебя до дверей вашего дома.

Они остановились на лестничной площадке. Машенька сняла рукавичку и протянула ему руку. Тепляков взял ее ладошку, подержал, затем склонился и поднес к своим губам.

— Ну что вы, Юра! — воскликнула Машенька громким шепотом, далеко не сразу выдергивая руку и пряча ее за спину.

— Извини, — пробормотал Тепляков, повернулся и успел шагнуть вниз всего на несколько ступеней, когда его остановил отчаянно-громкий шепот Машеньки.

— Юра! Пойдите!

Тепляков остановился.

Машенька спустилась на несколько ступенек.

— Я совсем на вас не сержусь, — произнесла она очень серьезно, хотя лицо ее светилось счастливой улыбкой. — Правда-правда! Спокойной ночи, Юра. Звоните нам, ладно?

— Обязательно, — пообещал Тепляков, тоже расплываясь в улыбке: боже, ну до чего же прелестная девочка!

— Ну и как? — спросила Даша, погасив в комнате свет.

— Что — как? — шевельнулась на своей кровати Машенька.

— Ой, а то ты не знаешь, что. Не придуряйся.

— Я не придуряюсь. Просто гуляли и разговаривали.

— И все?

— Все. А чего еще?

— И не целовались?

— Вот еще! — возмутилась Машенька. — С какой стати?

— А с такой, что он только на тебя и пялился. Прямо до неприличия. Как какой-нибудь... я не знаю кто. Даже мама не знала, как его отвлечь от тебя.

— Ты так потому говоришь, что завидуешь! — воскликнула Машенька, приподнимаясь на локте. — Целуешься со своим Сашкой, ну и целуйся! А я тут при чем?

— А при том, что ты и сама перед ним ходила на задних лапках. «Ой, Юра! Как можно! Все будет хорошо!» — передразнила Машеньку сестра. — Втюрилась, так и скажи.

— Не знаю, — после долгого молчания откликнулась Машенька. И после горестного вздоха добавила: — Он старый — двадцать семь лет! Это же только подумать.

— Не так уж и много, — удовлетворенно заявила Даша и зевнула. — Между прочим, муж и должен быть старше жены лет на восемь-десять. Старше и опытнее. Тогда за ним, как за каменной стеной. Вот. А вообще — давай спать. Ну их всех!

Глава 8

На базу, как вполне официально назывался бывший детский сад, Тепляков возвращался пешком. Он шел и улыбался, вспоминая минувший вечер. Если не считать мелочей, то он вел себя правильно, контролируя если не каждое свое слово, то большинство из них, на чем особенно настаивает преподаватель психологии, добиваясь от курсантов не только постоянного контроля за своим поведением, но и за поведением окружающих его людей. Правда, Тепляков допустил кое-какие промахи, но ведь он был не на работе, а в обществе очень милых женщин, которые не могли желать ему ничего плохого. А под требовательным взглядом Машеньки, озаренным ее жизнерадостной улыбкой, упоминать о контроле неприлично и даже совестно. Но вот вопрос: что же ему делать

дальше? Конечно, пока идет обучение, он не волен располагать своим временем. Ну а потом? Как сложится его жизнь потом? Увы, полный мрак и неизвестность. И от этого так хочется закурить, а еще лучше — оглушить себя стаканом водки. Но и на это он не имеет права. Следовательно? Следовательно, стиснуть зубы и продолжать карабкаться по отвесной скале, потому что там, наверху, солнце и небо, там жизнь, там... да, там Машенька. И это самое главное.

После выходного, проведенного у Яловичевых, другого выходного в ближайшие дни не предвиделось. Наоборот: интенсивность занятий возросла еще больше, одни предметы сменялись другими, увеличилось количество часов на освоение разговорной английской речи, не говоря уж о физподготовке. Лишь засыпая, Тепляков вспоминал о Машеньке, да и то как-то смутно, неотчетливо, будто из памяти его вырвали ее лицо, улыбку, голос, оставив нечто расплывчатое, неопределенное. Раза два он звонил ей на мобильник, всякий раз разговор был коротким и бестолковым, но слова и не имели значения, радостного голоса ее вполне хватало, чтобы оживить в своем воображении лицо и улыбку Машеньки, вернуть затухающую надежду. При последнем разговоре Тепляков сообщил, что какое-то время звонить не сможет, но как только выдастся свободное время, постарается снова побывать у них в гостях.

Несколько дней перед завершением программы подготовки проводились практические занятия по сопровождению «вип-персон» в различные точки города: в супермаркеты, в офисы, в театры и кино, на деловые свидания в ресторанах, на природе, в бассейне, бане, на квартире и даче, и в качестве этих самых «тел» и их охранителей выступали сами же курсанты, что давало им возможность посмотреть на себя как со стороны охраняемых, так и охраняющих. При этом возникали самые неожиданные ситуации: нападение хулиганов и террористов, предполагаемые засады киллеров и назойливых теле- и фотожурналистов. Это была игра, но игра захватывающая, требующая от будущих телохранителей предельной мобилизации. Не все получалось как нужно, но разборки тех или иных ситуаций были не менее интересными, чем практика, и много давали для понимания своей профессии.

До экзаменов оставалось меньше недели, как вдруг на утреннем построении из рядов Никитичем были вызваны двое: Виталий Костюк и Дмитрий Синеглазов. Едва они по-армейски четко сделали два шага вперед и повернулись лицом к строю курсантов, в спортзал вошел Рассадов, навстречу

стоявший под дверью и ожидавший нужного момента. Никитич отдал команду «смирно», Рассадов махнул рукой.

— Вольно! Садитесь! А вы двое по стойке, — велел он и, когда все расселись по банкеткам, заговорил скрипучим голосом: — Эти двое (кивок в сторону стоявших) не оправдали наших надежд. Мы вкладывали немалые средства в их обучение, обмундирование и питание, мы тратились на преподавателей, методические пособия, спортивные снаряды... да всего и не перечислить, а эти двое, оказывается, поступили в нашу школу не для того, чтобы охранять тех, кто в этом нуждается и кто этого заслуживает, а исключительно для того, чтобы использовать полученные знания в корыстных целях.

— Как? — дернулся Синеглазов, и на его лице, в его серых глазах вспыхнуло недоумение и даже растерянность.

— Молчать! — рявкнул Рассадов. — Молчать, когда я говорю! — И далее все тем же размеренно-пренебрежительным тоном: — А вот так! Или сам не знаешь? Так я могу напомнить твои же слова о том, что этих новоявленных буржуев стрелять надо, а не охранять. Твои слова?

— Не помню. Может, что-то такое и говорил, но лишь относительно тех, кто украл у нас же, то есть у народа, миллиарды и продолжает красть без зазрения совести.

— А ты кто такой? Прокурор? Судья? Кто тебе давал право рассуждать на эту тему? Тебя для чего учили? И кто поручится, что ты завтра не выстрелишь в своего работодателя? Или не сдашь его бандитам? Лично я поручиться не могу. Поэтому не могу и не имею права рисковать репутацией школы. А теперь самое главное: вам обоим придется возместить расходы на ваше обучение. Все до последней копейки. Никакого документа вы не получите. А получите на руки квитанцию, которую вам придется оплатить в Сбербанке. На этом все. Вы двое — в бухгалтерию! Остальные могут продолжить занятия.

Тепляков гляделся в растерянные глаза стоящих перед ними парней и пытался вспомнить, говорили они что-нибудь подобное при нем, но память ему ничего не подсказывала. А ведь он и сам, когда речь заходила обо всех этих нуворишах, думал примерно то же самое, правда, не высказывая свои мысли вслух. Наверняка мысли и всех остальных, вышедших из низов, ничем от его мыслей не отличались. Но ведь их готовили к работе — всего-навсего. И от работы какого-нибудь токаря-пекаря, вкалывающего на своего хозяина и получающего за свой труд гроши, их будущая работа ничем не отличается. Разве что более высокой зарплатой. А вообще, все так запутано, что сам черт не разберет, кто прав, кто виноват, и что такое справедливость, если судить о ней с обще-

---

человеческих позиций. Ведь сказано же в Библии что-то вроде того, что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый попадет в рай. Так почему богатого такая перспектива не пугает, а бедняку приходится всякий раз оглядываться и соизмерять свои поступки с десятью библейскими заповедями? Одно из двух: или нет никакогорая и ада, или за деньги можно купить прощение всех грехов.

Впрочем, подобные рассуждения Теплякову в голову приходили лишь в исключительных случаях: в бога он не верил, не был даже крещен, потому что в него не верили родители, в училище поп появился к концу третьего курса, но далеко не все ходили к нему исповедоваться в своих мелких прегрешениях. Однако в горнострелковой бригаде частенько перед заданием многие шли в церковь, кое-кто — в мечеть.

Тепляков не ходил никуда. И не он один. Положение было неустойчивым, командование, сплошь имевшее советские корни, пребывало в растерянности.

И как-то новый заместитель командира бригады по воспитанию, майор Аладьев, собрал неверующих офицеров в спортзале. Подождав, когда все рассядутся, заговорил, расхаживая вдоль параллельных брусьев:

— Вам, что, товарищи офицеры, трудно сходить в церковь вместе со всеми и пару раз там перекреститься? Вас, что, от этого убудет? А гимн России, который вы слушаете и поете, вам, что, не указ? А ордена в виде крестов — это вам ни о чем не говорит? Или вы думаете, если на то пошло, что вся нынешняя верхушка, которая ходит в церковь по праздникам, чтобы засветиться перед телекамерами, верит в бога? Но народ верит, солдаты верят. Вера объединяет. Да и на кого нам с вами надеяться, как не на бога? А бог, есть он или нет, один на всех. Это я вам говорю, вам, еще не нюхавшим пороху. Мой вам совет: сегодня вечером чтобы все были на общей молитве. С теми, кто не придет и не приведет с собою неверующих солдат, разговор будет особый.

— Разрешите вопрос, товарищ майор, — поднял руку лейтенант Кузнецов.

— Пожалуйста. Только по существу, — уточнил Аладьев.

— Исключительно по существу, — заверил Кузнецов. И продолжил: — Вот мы, неверующие, встанем в строй вместе со всеми на молитву и начнем креститься. Как это будет называться, товарищ майор?

— Что вы имеете в виду, лейтенант?

— Я имею в виду лицемерие, товарищ майор. Я имею в виду ханжество. И, наконец, хочу понять, кого вы из нас хотите воспитать?

— Гражданин России, лейтенант. Патриотов.
— То есть вы хотите сказать, что мы не то и не другое?
— Именно это я и сказал, лейтенант. И хватит дискуссий! — нахмурился майор Аладьев. — Лучше подумайте над тем, что творится на Западе.

— И что же там творится? — на сдавался Кузнецов.
— Неверие, разврат, гомосексуализм, однополые браки. Вы что, хотите, чтобы и у нас развелась вся эта плесень?

— Никак нет, товарищ майор.
— Тогда делайте то, что вам говорят старшие товарищи, много чего повидавшие на этом свете. И не вносите сумятицу в головы молодых солдат. — И майор, козырнув, пошагал к двери.

Майор Аладьев пороху понюхал везде, где им начинало вонять. И тому подтверждение — с десятков боевых наград. На его груди перемешались советские ордена и медали с нынешними крестами, и это более чем странное соседство, похоже, майора ничуть не смущало.

Лейтенант Кузнецов, проводив глазами майора Аладьева, безразлично передернул плечами.

— Молиться тому, кого нет, кого выдумали дикие люди, чтобы тем самым объяснить мир, лучше молиться какому-нибудь камню. Или дереву. Предметно, во всяком случае. Лично мне нравится язычество. Вот у древних греков: куча всяких богов и богинь. И у каждого свой сектор ответственности. Как в совете министров. Простой смертный знает, к кому идти на поклон. А над всеми — Зевс. К тому же, Антон Палыч Чехов говорил, что верующий интеллигент вызывает у него недоумение.

— Ну, ты хватанул! — засмеялся лейтенант Рудько. — Где ты тут нашел интеллигентов, Кузнецов? Давно повывелись. Мы в школе Чехова кругом-бегом проходили. Как и остальных писателей. Это моя бабушка еще может наизусть Лермонтова с Пушкиным шпарить и Чеховым закусывать. А мы, грешные, дети рациональности и практицизма...

— Э-э, мужики! Все это политика и ничего больше! — перебил Кузнецова лейтенант Стельнов, прозванный за пристрастие к отвлеченным рассуждениям «Философом». — Была идея коммунизма — приказала долго жить, — продолжил он. — За неимением другой идеи, вспомнили о боге. Тем более что выдумывать не нужно: давно выдуман. Хуже другое: неверие считается неприличным. Даже подозрительным. Попы утверждают, что неверующий лишен христианской морали, что ему убить человека и даже ребенка — раз плюнуть. И ссылаются при этом на Достоевского. Они забыли,

---

что те же десять библейских заповедей взяты из жизненной практики дохристианской веры...

— Лично я не против веры вообще, — вставил свое Тепляков. — Но как верить, например, командиру, если он дерьмо?

— Кого ты имеешь в виду конкретно? — насторожился Рудько.

— Никого. Вопрос чисто теоретический, — пояснил Тепляков. — Мой ротный — мужик что надо.

— Вера в командира, лейтенант Тепляков, одна из производных веры в бога, — произнес Стельнов с ухмылкой. — По Библии все и всё от бога. Следовательно, и командир тоже. И министр обороны. И президент. Кому в награду за послушание, а кому в наказание за грехи.

— Остается молить всевышнего, чтобы поменяли на недерьмо, — хохотнул Кузнецов. — Авось молитва дойдет до соответствующей инстанции.

— Подведем итог, господа офицеры, — заговорил старший лейтенант Ревунов, до сих пор лишь с любопытством поглядывающий на сослуживцев. — Майор Аладьев прав. Верь — не верь, а надо быть со всеми заодно. Солдатское братство не делится на верующих и неверующих. В войске князя Святослава были и христиане, и мусульмане, и язычники...

— Но при этом каждый молился своему богу, — не сдавался Кузнецов. — А впрочем, господа псевдопатриоты и псевдограждане России, деваться нам некуда. И запомните: креститься правой рукой сверху вниз и слева направо. Аминь.

Расходились подавленными и растерянными.

Но на вечернюю молитву пришли все.

Такое же подавленное настроение было и после сегодняшнего исключения двоих курсантов. Несмотря на это, занятия продолжились, как ни в чем не бывало.

Глава 9

В тот же день после вечерней пробежки Тепляков вышел из душа в раздевалку, повесил полотенце в сушилку, стал одеваться. Вслед за ним из душа вышел Василий Корольков, помощник Никитича, бывший спецназовец, самый старший и самый рассудительный в их группе, весьма скупой на слова.

Одевались молча. И вдруг Корольков спросил:

— Юра, ты давно знаешь Куценко?

— С тех самых пор, как пришел сюда. А что?

— И как он тебе?

— А тебе?

— Ты меня не понял.

— Тогда излагай яснее.

— Яснее? Вы вроде бы с ним дружите...

— Кто тебе сказал? Я дружу со всеми. А с Валеркой... — Тепляков задумался на минутку, сообразив, что Корольков просто так вопросы не задает. А если не просто так, то что за ними стоит? И он продолжил, тщательно подбирая слова: — Когда я пришел, он меня послал в нокдаун. Сам, небось, видел. Потом... потом я с ним рассчитался. Его ко мне тянуло, как мне кажется, чтобы вернуть свое, а меня к нему, чтобы ему не поддаться. И ничего сверх этого... Если я что-нибудь понимаю в турецких баклажанах.

— Мм-да, не густо, — откликнулся Корольков. И после долгого молчания: — Среди нас есть кто-то, кто сливает нас начальству.

— Зачем такие сложности? — передернул плечами Тепляков. — Достаточно поставить «жучки» везде, где мы бываем. Полная объективность и никакого так называемого «человеческого фактора». Потому что, насколько мне известно, так называемым стукачам полностью доверять нельзя.

— Ты прав, но одно другому не мешает. Если иметь в виду, что «жучки» везде не поставишь.

— Так ты полагаешь, что Куценко?..

— Не я один.

— А Никитич?

— Никитич — свой человек: он прошел хорошую школу.

— А что ты скажешь про Костюка и Синеглазова? Они что, действительно, такие, какими их обрисовал шеф?

— Их уже нет. Не стоит и вспоминать. А вот Куценко... Мой тебе совет: будь с ним поосторожнее. Скользкий человек. Тем более, неизвестно, каким образом он собирается «вернуть свое».

— За совет спасибо, но у каждого своя школа. А моя меня научила, не подумавши, рот не открывать. Обжегся.

Однако после этого разговора Тепляков стал внимательнее присматриваться к Куценко. И ничего особенного не высмотрел: вел тот себя, как и все, на дружбу ни к кому не набивался, и если выделял Теплякова, то, пожалуй, исключительно потому, что их койки стояли рядом. А нокдаун, который Тепляков от него получил, и нокаут, в который Тепляков послал Куценко, дело прошлое, каждому в свое время досталось от каждого, так что считать синяки и шишки, от кого больше, от кого меньше, смысла не имело. Единственное, что выделяло Куценко, так это его непомерное самолюбие, желание выделиться, что удавалось ему крайне редко, а переживал он свои неудачи весьма болезненно.

И вот, наконец-то, экзамены. Да такие, каких Тепляков не проходил ни в школе, ни в колледже, ни в училище. Худобно, но ни одной тройки он не получил. В завершение всего состоялся торжественный вечер, на котором каждому лично Рассадовым был вручен сертификат на право профессионально исполнять обязанность телохранителя. В этот вечер разрешалось выпить шампанского, но не более двух бокалов. О курении никто даже не вспомнил, будто никогда и не курил.

— Итак, господа, — подвел итог директор фирмы «Кристалл» Илья Константинович Рассадов, — разрешите поздравить вас с успешным завершением учебы и пожелать при исполнении своих обязанностей держать безупречную марку нашей фирмы. С завтрашнего дня всем вам предоставляется двухнедельный отпуск. Советую не расслабляться и при любых обстоятельствах помнить девиз нашей фирмы: «Честь и Отвага». Должен сообщить, что заявки на большинство из вас мы уже получили, и как только закончится ваш отпуск, вам предстоит встретиться со своими подопечными. Хотя выбор целиком и полностью принадлежит им, однако и ваше желание будет учтено. Я имею в виду, что далеко не каждый может решиться стать телохранителем бизнес-леди или какой-нибудь эстрадной знаменитости местного разлива, как правило, не слишком умной, зато излишне капризной. Впрочем, не хочу вас особо напрягать. Заключая договор с любой VIP-персоной, мы оговариваем условия и обязательства с обеих сторон. Нарушение любого пункта договора с той или другой стороны может повлечь за собой его расторжение и уплату неустойки из собственного кармана. Желаю вам хорошо и с пользой отдохнуть, не теряя при этом физической и интеллектуальной формы. Ни пуха вам, ни пера, друзья мои! Ваше здоровье!

Для Теплякова сразу же встал вопрос: две недели — куда их девать? Конечно, занятие найти для себя можно всегда. Для начала надо будет завтра-послезавтра снять квартиру: список квартир имеется — позаботился Никитич. Ну, сходит он пару раз в гости к Яловичевым в предстоящие выходные. Плюс пару раз с Машенькой в кино или театр: девчонки учатся, Татьяна Андреевна работает — им не до развлечений. А остальное время? Отсыпаться? Что ж, можно пойти и по этому пути. Плюс лыжи, коньки, спортзал, книги, Интернет, английский. Что там еще? Ладно, как-нибудь две недели переживет. А потом? А потом — суп с котом. Или с кошкой.

В комнате общежития осталось только двое: сам Тепляков да Валерий Куценко, тоже не имеющий постоянного пристанища в этом городе. У обоих всего два дня. Затем сюда придут новенькие.

— Какие у тебя планы на завтра? — спросил Куценко, вытягиваясь на кровати во весь свой рост в сто восемьдесят шесть сантиметров.

— Искать квартиру, — ответил Тепляков.

— Тогда давай вместе. Не возражаешь?

— Нет, конечно.

— Может, найдем на двоих: меньше платить придется. Как тебе такой вариант?

— Не успел осмыслить, — осторожничал Тепляков.

— А тут и осмысливать нечего: баб водить на эти квартиры строго запрещено. Это условие в договоре между фирмой и квартиросдатчиками оговорено особым пунктом.

— Я не это имел в виду, — откликнулся Тепляков. — Не надоедим ли мы друг другу — вот в чем вопрос. Если нам предстоит такая работа, как нам ее расписали во всех нюансах, то есть все время люди, люди и люди, то, как мне кажется, любому из нас захочется отключиться от нее полностью. В том числе и от людей. Со мной, например, иногда такое случается.

— Что касается меня, то я не страдаю никакими фобиями, — рассмеялся Куценко.

— Я тоже не страдаю. Однако предположить нечто подобное не мешает. И вообще, давай отложим все вопросы на завтра. Как говорится, утро вечера мудренее.

— Что ж, давай отложим, — легко согласился Куценко.

Впрочем, на другой день проблема разрешилась сама собой: в первой же квартире, где хозяйкой оказалась молодая миловидная вдова с трехлетним сыном, Куценко шепнул Теплякову:

— Послушай, ты не возражаешь, если я останусь здесь? А?

Глаза его были такими просящими, почти умоляющими, что Тепляков, внутренне улыбнувшись, легко согласился, извинился перед хозяйкой и оставил своего товарища договариваться с нею один на один. При этом, как ему показалось, вдова, провожая его до двери, выглядела явно разочарованной.

Глава 10

Квартиру для себя Тепляков нашел не сразу: из тех адресов, что у него были, первые же два оказались занятыми. При этом они находились в том же районе, где жили Яловичевы, а ему

хотелось жить к ним поближе. Третьим по списку оказался двухэтажный дом, похожий на барак. Тепляков постоял в раздумье, огляделся и решил, что и задешево сюда не пойдет. Зато следующая дом, кирпичная пятиэтажка, расположенная поблизости от трамвайной остановки, его бы вполне устроила. Прикинув по номерам квартир, где расположена та, что его ожидает, он заметил тюлевые занавески, похожие на те, что висели на окнах квартиры его детства, и решительно поднялся на второй этаж. Остановившись перед дверью, обитой коричневым дерматином, с непременно глазком, номером «27» с облупившейся эмалью — как раз по числу его лет, — с замиранием сердца нажал на кнопку звонка, будто рассчитывал увидеть за дверью свою погибшую мать.

Минута прошла — за дверью ни звука. Тепляков нажал еще раз и долго не отпускал кнопку, слыша, как надрывается приглушенный звонок. И опять никакого движения: ни шарканья шагов, ни ворчливого голоса. Зато клацнул замок в соседней квартире, дверь приоткрылась на длину цепочки, в щели показалось лицо мальчишки лет восьми, и на Теплякова с любопытством уставился увеличенный линзой серый глаз, в то время как другая половина очков была залеплена белой бумагой.

— А бабы Вали нету, — прозвучал из щели несколько шепелявый детский голосок. — Она с Андриюской гуляет на детской площадке.

— А как я ее узнаю? — спросил Тепляков. — Как она выглядит?

— Обыкновенно, — ответил мальчишка и засопел простуженным носом.

— Ну, разумеется, обыкновенно. Надеюсь, ни хвостика, ни рожек у бабы Вали не наблюдается?

Лицо исчезло, за дверью прыснули от смеха и закашлялись.

— Ты, что, болеешь? — спросил Тепляков, уверенный, что все дети в это время должны быть в школе.

— Болею, — признался мальчишка жалобным голоском, предварительно чихнув. Снова блеснула в щели толстая линза.

— Тогда тебе вредно долго торчать перед щелью: из нее наверх дует.

— Дует, — согласился мальчишка. — А вы на квартиру?

— Как ты догадался?

— Баба Валя сказала, сто если кто придет, то это квартирант, и стоб я сказал, сто она на детской площадке.

Фраза была слишком длинной, мальчишка тяжело задышал ртом, в котором не хватало нескольких передних зубов, и снова закашлялся.

— Сказать можно было и через дверь, — попенял ему Тепляков.

— Да вы не бойтесь: я не заразный! — воскликнул мальчишка. — Это когда грипп, тогда заразный. Тогда в больницу кладут. А у меня у-эр-зе. Вот сто у меня.

— Я не про твою болезнь, малыш. Я про другое: что, если я не квартирант, а разбойник? Что тогда? — с охотой втягивался в детскую игру Тепляков.

Лицо несколько отодвинулось от щели, и голос, измененный не столько страхом, сколько недоумением, спросил:

— А вы... А разве такие разбойники бывают?

— Сколько угодно, — ответил Тепляков, сделав страшное лицо.

— И нет! — послышался из-за двери радостный голос. — Такие не бывают! Вы просто сутите.

— Шучу, малыш, шучу. Извини. Тебя как зовут-то?

— Иван. А вас?

— Меня? О, брат! Это военная тайна. Вот если баба Валя возьмет меня к себе, тогда, так уж и быть, открою тебе свой секрет.

— Возьмет! — уверенно и с еще большей радостью воскликнул Иван. — Ей внука кормить надо, а пенсия у нее маленькая. А ее доська — сялава. Зинкой зовут. Нагуляла внука, а сама в кусты. Вот. Поэтому баба Валя и возьмет. Ес-се ка-ак возьмет! Вот увидите! А тогда скажете?

— Скажу. Но пока ответь мне на такой вопрос: во что одета баба Валя?

— В синее пальто, а на голове сяпка... такая... с кисточкой. Вот.

— С кисточкой?

— Ну да! Красная!

— Что ж, с кисточкой так с кисточкой. Спасибо, Ванюша, за информацию. Пойду знакомиться с бабой Валею. Пока! — И Тепляков, пошевелив на прощанье пальцами перед щелью, стал спускаться по лестнице. На площадке оглянулся — Иван, в коротеньких застиранных штанах и рубашке, стоял в открытой двери и смотрел ему вслед. Тепляков погрозил ему пальцем, сделал сердитое лицо, прорычал: — А ну марш домой, больной! А то еще больше простудишься.

— И нет! И нет! — все с той же бьющей через край радостью прошепелявил голосок. — Я скоро и так поправлюсь!

«Господи! — подумал Тепляков, выходя из подъезда и оглядываясь в поисках детской площадки. — Да разве эти люди могут представлять опасность для этих самых виперсон? Скорее всего — все наоборот: випы и есть их глав-

---

ная опасность». Но подумал он так почти машинально, на самом же деле он не мог сказать ничего определенного о тех, кого ему и его товарищам по школе придется охранять. Если не считать тех редких телепередач, которые ему пришлось видеть, где иногда мелькали фамилии этих «персон», упоминаемых с почтением даже в том случае, если их подозревали в воровстве.

Детская площадка располагалась за домом среди деревьев и кустов, окруженная сугробами. Тепляков предполагал, что ему придется отыскивать бабу Валю среди других баб и мам, но на площадке была лишь одна женщина с ребенком, и точно — в синем пальто и в красной вязаной шапке с кисточкой, наверняка предназначенной для детской головы. Баба Валя стояла возле горки, а карапуз лет трех-четырёх взбирался на нее по ступенькам, пользуясь всеми четырьмя конечностями. Взобравшись, он, визжа от восторга, стремительно кидался вниз, где баба Валя делала вид, что ловит внука, вторя ему почти таким же восторженным голосом:

— А вот я тебя сейчас поймаю-поймаю-поймаю!

Тепляков с умилением с минуту наблюдал за этой игрой, затем приблизился. Женщина выпрямилась, обернулась на скрип снега под его ногами, глянула с испугом.

— Здравствуйте! — весело воскликнул он. — Если я не ошибаюсь, вы и есть Валентина Семеновна Холщевская?

— Да, это я, — подтвердила женщина, продолжая все с той же настороженностью вглядываться в Теплякова.

— И это вы сдаете комнату?

— Сдаю, — кивнула она.

— Моя фамилия Тепляков. Зовут Юрием. Я по рекомендации от фирмы «Кристалл».

— Да-да, ко мне уже приходили от вас...

— То есть, вы уже сдали?

— Нет, не сдала. Молодому человеку не понравилось у меня.

— Так, может, мне понравится, Валентина Семеновна? Я человек без особых претензий.

— Да, но... я бы хотела девушку. А то парень, знаете ли, как-то стесняет. Да и дочь у меня... Сын вот ее, — показала она на внука.

— Жаль, — произнес Тепляков. — Что ж, извините. Пойду дальше. Всего доброго.

— А вы, молодой человек... вы не местный?

— Нет, не местный. Правда, жил когда-то за рекой, но это было давно.

— Вот уж не знаю, как быть-то... дочка у меня... Она, правда, живет не здесь, но бывает у меня часто. Иногда ночует...

— Но она замужем?

— Замужем, замужем, — подтвердила Валентина Семеновна, но таким тоном, что лучше бы она оставалась незамужней. — Даже не знаю, как вам и сказать, молодой человек... — замялась она.

Женщина явно боялась упустить квартиранта и, в то же время, чего-то опасалась, причину чего Тепляков мог лишь предполагать, опираясь на информацию, полученную от Ивана. Между тем Валентина Семеновна ему понравилась как-то с первого же взгляда, хотя он и не мог бы сказать, чем именно. Да и ходить по новым адресам, которых оставалось всего два, и оба на другом конце города, то есть вдали от Машеньки, ему ужасно не хотелось.

Тепляков переступил с ноги на ногу, затем что-то будто толкнуло его, и он произнес не слишком уверенно:

— У меня невеста есть, Валентина Семеновна. Вот скопим денег на квартиру и поженимся, — соврал он, сам не зная для чего.

Но неуверенность на лице женщины неожиданно исчезла, будто Тепляков предоставил ей гарантию, что дочка ее останется в неприкосновенности, она улыбнулась и произнесла с явным облегчением:

— Это совсем другое дело, Юра! Мне кажется, человек вы порядочный, а то, знаете ли, современная молодежь... — И, обернувшись к внуку, который теребил ее за полу пальто: — Сейчас, Андрюшка, пойдем домой. А то мы с тобой и так уж загулялись.

Вечером Тепляков вернулся в квартиру №27 с вещами. Комнатка была крохотная, с окном как раз на детскую площадку. Обстановка — под стать комнате: деревянная полуторная кровать, ковер над кроватью, однотумбовый стол у окна, почти такой же, какой стоял когда-то и в его комнате «на том берегу», над столом две полупустые книжные полки, у двери двустворчатый шкаф — и это все.

Тепляков разложил свои вещи, переоделся, сел на кровать, не зная, что делать дальше. Идти на половину хозяйки, где бубнил старенький телевизор, не было никакой необходимости. Перед тем, как окончательно перебраться сюда, он поужинал в кафе, можно было бы почитать... хотя бы то, что стояло на полках, но читать не хотелось, тем более что его вчерашние мечты не шли дальше того, что, как только он устроится на квартиру, то непременно отоспится за все недоспанные часы и дни. Но и спать ему не хотелось тоже.

И тут в дверь постучали.

— Да-да! — откликнулся он, вскакивая на ноги.

Дверь приоткрылась, заглянула хозяйка.

— Вы еще не спите, Юра? Я вам не помешала? — спросила она.

— Нет-нет! Что вы, Валентина Семеновна! Время-то детское.

— А я чай приготовила, — произнесла она. — Подумала: может, и вы захотите. Андрюшку-то я уже уложила. Вы уж не откажите.

— С удовольствием, — откликнулся Тепляков. Спросил: — Ничего, что я в таком виде?

— Да ради бога, Юрочка! Чувствуйте себя как дома!

Пили чай на кухне.

На столе в цветастой тарелке лежали пирожки домашней выпечки, маленькие — с детский кулачок — булочки, блестящие поджаристой корочкой, смазанной перед отправкой в духовку сырым яйцом. Валентина Петровна потчевала, ревниво следя за тем, как ест ее стряпню квартирант. Тепляков ел и похваливал, вспоминая такие же ревнивые глаза своей матери и то удовольствие, какое разливалось на ее лице от его похвал.

В квартире было тихо, так тихо, будто во всем мире все спало беспробудным сном. Лишь иногда, точно из другого мира, долетали до слуха приглушенное дребезжание трамвая и визг колес на крутом повороте, но едва слышно, так что не верилось в реальность этих звуков.

Тепляков, не вдаваясь в подробности, коротко рассказал о себе. И про свою будто бы невесту: да, имеется, но ей еще надо учиться, а ему, Теплякову, предстоит какое-то время осваиваться со своей работой. О том, что у него за работа, не было сказано ни слова, и Тепляков догадался, что для Валентины Семеновны она не представляет никакого секрета. От нее он узнал, что до пенсии она работала воспитателем в детском садике, работала бы и еще, потому что любит возиться с детьми, да и в садике ее ценили, но после того, как дочь ее, Зинаида, которая живет гражданским браком, родила Андрюшку, работу пришлось оставить. А муж Зинаиды старше ее на четырнадцать лет, пьет, дерется, часто пропадает по нескольку дней неизвестно где, денег домой не приносит, сидит, можно сказать, на шее у жены, а внук — на шее у бабушки, потому что дочка почти ничего на его содержание не дает, хотя работает продавщицей в цветочном магазине и зарабатывает хорошо. А пенсия у нее, у Валентины Семеновны, сами знаете, какая... — такая, что самой бы как-нибудь прожить

оставшиеся годы. Вот и приходится сдавать комнату случайным квартирантам. Хорошо еще, что она заключила договор с этим самым «Кристаллом»: квартиранты оттуда — люди все порядочные, уважительные, не пьют, не курят, была даже одна девица оттуда же, и о ней ничего плохого сказать нельзя, а только одно хорошее.

Из этого разговора Тепляков получил что-то вроде инструкции, как себя вести и какие выгоды от этого может иметь: кофе по утрам с пирожками и булочками, чай по вечерам. И доплачивать придется совсем немного, а ей, Валентине Семеновне, так в удовольствие добром отвечать на добро.

На другой день Тепляков купил себе ноутбук, с помощью Интернета несколько часов изучал город и его структуры, за три дня исколесил его вдоль и поперек, чтобы не спрашивать случайных прохожих, где расположена та или иная улица, те или иные заведения. И все эти дни порывался позвонить Яловичевым, имея в виду одну только Машеньку, но каждый раз его останавливали и ее возраст, и неопределенность своего положения, а более всего — навязчивое ощущение, что услышит в телефонной трубке не радостный ее, а равнодушный голос. Но оттягивать дальше было уже нельзя, хотя бы из уважения к Татьяне Андреевне. И он позвонил, в уверенности, что она будет дома.

— Але-оо! — послышалось в трубке напевное, и Тепляков догадался, что разговаривать ему придется с Дашей.

Он кашлянул, произнес:

— Дашенька, здравствуйте.

— Здравствуй, — прозвучало в ответ. — А это кто?

— Это Тепляков. Юра Тепляков.

— А-ааа, Ю-ура... — в голосе Даши слышалось явное разочарование. А дальше с нотками злорадства: — А Маши, представьте себе, нет дома. Она уехала в краеведческий музей на экскурсию. Со своим классом. И мамы тоже нет дома. Мама, между прочим, очень о вас беспокоится, товарищ Тепляков. Или вас теперь следует называть господином?

— Извините, Даша. Похоже, я позвонил не вовремя. Вы, судя по всему, ждете звонка совсем от другого человека. Еще раз извините. Я позвоню попозже. Всего доброго.

И Тепляков отключил свой мобильник, досаду на самого себя: не сдержался, наговорил черт знает что, хотя не имел на это никакого права. Какое тебе дело, что и от кого она ждет? Вот тебе и научился сдерживать свои эмоции. А впрочем, что, собственно, произошло? Как бы к тебе ни относились Даша и даже Машенька, важнее всего отношение к тебе Татьяны Андреевны. И только это нужно иметь в виду независимо ни от чего.

Но все эти его рассуждения мало что стоили. Помимо своей воли он представил себе краевой музей с черепками, костями и различными орудиями человеческой деятельности разных исторических эпох, чучелами животных и птиц, и Машеньку, которая движется в группе одноклассников, слушая объяснения экскурсовода. Он сам лишь вчера, но сам по себе, пробежал по всем залам музея, отмечая, что здесь мало что изменилось с тех самых пор, когда он был в этом музее почти в том же возрасте, что и Машенька. Не исключено, что она тоже в нем впервые, и ей должно быть все интересно. Тем более что рядом с ней может быть ее сверстник, к которому она равнодушна. Потому что не может быть такого, чтобы шестнадцатилетняя девушка не была влюблена.

И тут же Теплякову так захотелось увидеть Машеньку, посмотреть, какая она вне дома, среди подруг и друзей, а потом... потом, быть может, он улучит минутку и, сделав вид, что встреча их случайна, проводит ее до дома. Тогда он сможет заглянуть ей в глаза и понять, может ли он надеяться хотя бы на чуточку внимания с ее стороны.

И Тепляков, оставив свои рассуждения, быстро оделся и покинул квартиру.

Глава 11

Лишь подходя к трамвайной остановке, он сообразил, что слова Даши о том, что сестра ее «уехала в музей» он воспринял слишком буквально, как будто это произошло несколько минут назад. А время-то... (Тепляков глянул на часы) время-то уже около двух, и где сейчас может быть Машенька, трудно сказать. Не исключено, что она уже подходит к своему дому, и тогда... тогда вполне можно зайти к ним в гости. Только купить цветы и что-нибудь из фруктов. А если еще не приехала, то подождать ее на улице. И не нужно будет притворяться, что встреча их случайна.

Вот и трамвайная остановка, называемая по старой памяти «Заводская проходная», хотя через эту проходную — железные ворота и железобетонную будку с «вертушкой» внутри — давно уже никто не ходит. А когда-то с утра пораньше переполненные трамваи выбрасывали массы спешащих на работу людей и вечером увозили их отсюда, в основном в ближайший рабочий поселок, состоящий из трехэтажных многоквартирных домов. Все это осталось в прошлом. Нынче те, кто когда-то работал на этом заводе, доживают свой век, получая мизерную пенсию, а кто не достиг вожеленного возраста, либо уехал, либо торчит за прилавками палаток и ма-

---

газинов, служит охранником в школе или больнице, не говоря уже о банках и прочих богоугодных заведениях.

Ждать трамвая пришлось долго, и Тепляков, нервничая, то и дело поглядывал на часы. Но едва трамвай показался из-за поворота, визжа колесами на промерзших рельсах, Тепляков неожиданно задал себе вопрос: а зачем ему трамвай? Пожалуй, лучше всего пройти пешком: тут и ходу-то всего — две остановки... И он, сунув руки в карманы своей полувоенной куртки, решительно зашагал по едва протоптанной тропинке в ту же сторону, понимая, что боится встречи с Машенькой и в то же время надеется, что она произойдет будто бы случайно. Он корил себя за трусость, и в то же время искал ей оправдание. Да и то сказать, за два года, пока Машеньке исполнится восемнадцать, многое может измениться, и как раз именно в ней, потому что шестнадцать лет — это такой возраст, что от него нельзя требовать постоянства чувств и желаний.

Однако шагал Тепляков спорным армейским шагом, точно боялся опоздать, сосредоточенно наморщив лоб, даже не взглянув на проезжавшие мимо вагоны, не видя, как в одном из них в замерзшее окно, пытаясь протереть его вязаной варежкой, машет ему рукой Машенька. Впрочем, вряд ли он мог что-нибудь в нем разглядеть. Да и Машенька увидела его в прогретое собственным дыханием круглое, не более пятирублевой монеты, очко, когда трамвай уже тронулся.

Это было, пожалуй, самое большое расстояние между двумя остановками на всех городских трамвайных линиях. С одной стороны тянулся высокий железобетонный забор, за которым темнели серые корпуса давно покинутого завода, некогда выпускавшего строительную технику и еще что-то для армии, с другой стороны высились деревья парка, излюбленного места для бомжей и любителей шашлыков, захламленный ими до такой степени, что походил на свалку. Сейчас парк засыпан снегом и во всех направлениях исчерчен лыжными трассами. Но Тепляков по сторонам не смотрел: в детстве он бывал здесь не раз, потому что в домах рабочего поселка жили его товарищи по школе, к тому же здесь имелся самый, пожалуй, лучший в городе спортзал, где он занимался боксом и самбо. Теперь эти места считались самыми глухими в городе, пользующиеся у горожан дурной славой еще с девяностых годов, так что любителей ходить пешком от одной остановки до другой, даже и в зимнее время, судя по едва протоптанной тропинке, было немного. Впрочем, Теплякова такое положение не смущало. Он верил, что вполне защищен своими навыками, опытом и физической

формой от всяких неожиданностей, хотя горький опыт, полученный в Дагестане, должен был предостерегать его от излишней самоуверенности.

Трамвай давно скрылся из глаз. С серого неба, опустившегося до самых верхушек сосен и елей, сыпался мелкий колючий снег. Но в течение нескольких минут снегопад усилился, подул ветер, и вот уже в двадцати шагах почти не видно бетонных столбов, держащих контактную сеть, рельсы исчезли, идти становилось все труднее, и Тепляков пожалел, что не воспользовался трамваем.

Он, пожалуй, прошел больше половины пути до следующей остановки, как вдруг впереди, из снежной мути, прозвучал отчаянный призыв:

— Ю-у-рааа!

Повисла настороженная тишина, и опять:

— Ю-у... — но на этом крик оборвался, будто кричащей зажали рот.

Тепляков замер лишь на мгновение, затем бросился вперед, уверенный, что это был голос Машеньки, что с ней что-то случилось, и звала она на помощь его, Теплякова.

Он пробежал всего метров тридцать, когда впереди заметил шевелящуюся темную кучку людей: двое то наклонялись над кем-то третьим, то выпрямлялись. Не разбирая, кто и что, он ударом ноги сбил ближайшего, стоящего к нему спиной, затем развернувшись — второго. От него бросился к первому, пытавшемуся встать, — удар снизу в голову, стремительный разворот ко второму — тот же удар, и только после этого склонился над лежащей — и это действительно была Машенька.

Тепляков рывком поднял ее на руки, прижал к себе, оглянулся на поверженных врагов: они лежали, засыпаемые снегом, и ни один из них не шевельнулся. Слегка подбросив девичье тело, обвисшее у него на руках, чтобы удобнее было нести, он пошагал туда, где должны быть люди, способные помочь, время от времени языком слизывая снег с ее ресниц: щека была теплая, но глаза не открывались.

— Машенька! Машенька! Что с тобой? Что с тобой? Ответь! Хотя бы словечко... милая моя, милая... — твердил он одно и то же и уже не шел, а бежал, но впереди куда-то неслась белая стена снега, то сгущаясь, то вдруг открывая частицу пространства, где качались снежные бороды, свиваясь в штопор, рассыпаясь и уносясь в полумрак. Однако все еще можно было разглядеть столбы контактной сети, по ним Тепляков и прокладывал свой маршрут. Наконец в снежной мути проклюнулся тусклый желток фонаря. Тепляков остановил-

---

ся под ним и, тяжело дыша, прислонился спиной к холодному столбу, не зная, куда идти дальше: он был в этом районе, возникшем уже после того, как он покинул город, всего два раза и мог ориентировать лишь по навесу, устроенному на трамвайной остановке, с выбитыми стеклами и содранным указателем. Но навес либо все еще был где-то впереди, либо он миновал его, не заметив.

И в это мгновение ресницы Машеньки дрогнули, глаза раскрылись, и Тепляков услышал ее слабый голос:

— Ю-уу-рааа...

— Машенька! Милая! Что с тобой? Где у тебя болит?

— Не знаю, — ответила она, подняла руки и обвила ими шею Теплякова, и тотчас же по спине его потекли холодные ручейки тающего снега. Однако он почти их не почувствовал — так горело все его тело и от быстрой ходьбы, и от близости к Машеньке, о которой он думал и мечтал даже во сне.

— А я стою и не знаю, куда идти, — торопился он объяснить свое стояние под фонарем. — И спросить не у кого.

— А где те, двое, которые?..

— Остались там. Да ты не бойся, им не до нас. Ты лучше скажи, как ты там оказалась?

— Я увидела вас из трамвая. Вы почему-то не сели, а пошли. Я махала вам рукой, но вы не заметили. А потом... потом я вышла на остановке и пошла навстречу. А тут снег... и эти двое... Они шли за мной следом. Я побежала и закричала, а они догнали, зажали рот и чем-то ударили по голове... Помоему, на голове у меня шишка, — добавила она, смущенно улыбнувшись.

— Шишка — это пройдет, — заверил ее Тепляков. — Лишь бы не сотрясение мозга.

В душе его ликовало что-то большое и горячее и оттого, что он держит Машеньку на руках, — а это, в общем-то, не так уж и тяжело, — и что она пришла в себя, говорит и даже улыбается, и хотя в ее глазах блестят слезы, но это такие слезы... такие, что... — и Тепляков губами втянул в себя соленые капли с ее щек вместе со снегом и произнес: — Я тебя очень, очень люблю.

Машенька ничего не сказала, лишь крепче сжала руками его шею, уткнувшись лицом в цигейковый воротник.

Между тем снежный заряд потерял свою силу, ветер улегся, и в воздухе тихо закружились крупные снежинки, казавшиеся в свете фонаря ночными мотыльками. Совсем неожиданно проявилась поблизости трамвайная остановка, будто из небытия выступили осыпанные снегом деревья сквера и темные коробки домов с тусклыми огоньками в окнах.

— Да мы совсем близко от твоего дома! — произнес Тепляков, отделяясь от столба.

— И совсем не близко, — поправила его Машенька. — Еще целая остановка.

— Ну, это ерунда! — успокоил он ее и пошагал дальше.

— Юра, может, вы меня поставите на ноги? Я совсем пришла в себя и вполне могу идти. А то мне как-то неловко. Нет, правда.

— Да? — Тепляков остановился, но тут же возразил: — А если у тебя закружится голова? А вдруг у тебя откроется еще какое-нибудь ранение? Вгорячах ты этого не чувствуешь, а стоит тебе встать на ноги...

— Юра, ну какое ранение? — засмеялась Машенька своим бесподобным счастливым смехом, но тут же смех оборвался, сменившись негромким стоном, и Машенька потрогала рукой свой затылок.

— Что, сильно болит? — забеспокоился Тепляков.

— Нет-нет, совсем немножечко! — откликнулась Машенька. — Да вы не волнуйтесь, Юра! Это же не война. И никаких ранений быть не может: я бы давно почувствовала.

— Еще как может, — продолжал волноваться Тепляков, оглядываясь по сторонам в надежде на помощь. Но в снежной мгле раннего вечера не было видно ни души, будто все вымерло. — А они у тебя ничего не взяли? — спросил он.

— Ой! Сумочки, кажется, нет! — воскликнула Машенька, отпустив шею Теплякова и обшаривая свою курточку.

Тепляков даже остановился.

— Как же это я не догадался? — воскликнул он, поворачивая назад.

— Ну что вы, Юра! Да бог с нею! И денег там совсем нет! Так, мелочь одна! И сумочка старая! И вообще, я боюсь! Вот! — И Машенька, деловито отряхнув снег с вязаной шапочки Теплякова, с его плеч и воротника куртки, снова обвила его шею руками, теперь уж вполне основательно. — И вам совсем-совсем не тяжело? — спросила она шепотом, касаясь губами его уха?

— Совсем-совсем, — ответил Тепляков, продолжая шагать, загребая снег своими армейскими ботинками.

— Честное слово?

— Чтоб мне провалиться на этом месте!

— Тогда, если проваливаться, то вместе. Хорошо?

— Но мы не провалимся. Правда?

— Правда, — прошептала она, и Теплякову показалось, что он не идет, а парит над снегом, над всем, что видят его глаза, и ему очень хотелось, чтобы это ощущение длилось бесконечно долго.

— А вот здесь надо поворачивать, — произнесла Машенька, слегка отстраняясь.

Тепляков повернул направо, прошел между кустами сирени, которые он помнил еще зелеными, и увидел детскую площадку, такую же, что и возле того дома, где он теперь квартирует.

— Юра, остановитесь, — попросила его Машенька. — Подождите немножко... Я... я хочу вам что-то сказать.

Глубокие, темные глаза Машеньки были от его лица так близко, что он не только чувствовал на своем лице ее дыхание, но и слышал его, и эти глаза смотрели на него с ожиданием. Была бы это не Машенька, а какая-нибудь другая женщина или девушка, он бы точно мог сказать самому себе, чего такие глаза могут ожидать. Но Машенька... — это совсем другое, еще ему неизвестное и даже непонятное.

Так они стояли минуту, другую. Стояли молча, и Тепляков почувствовал, что руки его затекли. Он слегка подкинул Машеньку и прогнулся назад, переложив часть ее веса на свою грудь. Тогда губы Машеньки шевельнулись, и Тепляков скорее догадался, чем услышал: «Поцелуйте меня».

Он немного помедлил, затем осторожно коснулся губами ее щеки возле самых губ.

— Еще, — прошептала Машенька уже громче, подставляя ему слегка полураскрытый рот.

Тепляков задержал дыхание и коснулся губами ее губ, почувствовав, как Машенька со всей силой сжала его шею, прижимая свои губы к его губам, так что он ощутил ее зубы и провел по ним зыком. Языки их встретились, и тут же Машенька рванулась, и Тепляков осторожно поставил ее на ноги.

— Пойдемте, — произнесла она, не глядя на него. — А то мама будет волноваться.

Тепляков шагал следом, стараясь понять, что сделал не так, если Машенька так резко прервала их близость.

— Боже! — всплеснула руками Татьяна Андреевна, увидев в дверях Машеньку и Теплякова. — А я уж не знаю, что и думать. Всех подруг твоих обзвонила...

— Мамочка! Я тебе сейчас такое расскажу... такое... что ты просто ахнешь! — воскликнула Машенька. — Представляешь, я еду на трамвае, и вдруг вижу Юру, который стоит на остановке «Заводская проходная». То есть я его не сразу увидела, а когда трамвай уже тронулся. И когда трамвай доехал до «Второй лесной», я выскочила и пошла ему навстречу. А тут такой снег пошел, такой, что в двух шагах ничего не видно. И все-таки мы встретились и до самого дома шли пешком. Вот.

— Но ты могла бы позвонить по мобильному.

— Мамочка, извини, но я как-то... по-моему, я мобильник забыла дома, — ластилась к матери Машенька, в то же время умоляюще поглядывая на Теплякова.

— Да-да, Татьяна Андреевна, все так и было, — подтвердил Тепляков.

— Ой, да что же это я? — воскликнула Татьяна Андреевна. — Пойдемте на лестничную площадку, я с вас щеткой снег отряхну! А то вы похожи на деда Мороза и Снегурочку.

— Мам, не беспокойся, мы сами. Да и на площадке такая холодрыга, что просто бррр!

На лестничной площадке Машенька взмолилась, сложив вместе ладошки:

— Только вы, Юра, не говорите маме, что со мной случилось. Ладно? А то у нее сердце. Особенно после Саши... Да и возраст...

— Конечно, мой ангел! Я все понимаю. Но что у тебя с головой?

— Я же говорю — шишка.

Тепляков собрал с Машенькиной куртки снег, сжал его в комочек.

— Приложи — легче станет, — посоветовал он, отдавая ей этот комочек. — А я тебя пока отряхну.

Они сидели за столом втроем. Ели суп с фрикадельками, потом гуляш с картофельным пюре, с квашеной капустой и солеными огурцами домашней выделки. От водки Тепляков отказался, и Татьяна Андреевна приняла его отказ с благодарной улыбкой.

Едва она вышла на кухню, Тепляков, дотронувшись пальцами до Машенькиной руки, произнес:

— Машенька, милая, у тебя синяки под глазами. Тебе надо срочно в травмпункт: мало ли что. Да и Татьяна Андреевна смотрит на тебя с явным недоумением. Надо ей все рассказать.

— Правда, заметно?

— Еще как! — тихо воскликнул Тепляков. И спросил, сморщившись так, точно болело у него самого: — Очень больно?

Машенька молча кивнула головой, и по щекам ее покатались слезы.

— Что-то случилось? — спросила Татьяна Андреевна, остановившись в двери.

— Случилось, — ответил Тепляков. — Машеньку ударили чем-то по голове, когда она шла мне навстречу. Ее надо в травмпункт.

— Господи, а я смотрю — у нее синяки под глазами...
— Она не хотела вам говорить, чтобы не расстраивать, — попытался оправдаться Тепляков.
— Мама, Юра здесь совсем ни при чем! Даже наоборот: если бы не он, я даже не знаю, что бы со мной было.
— Все это потом! Все это потом! — воскликнула Татьяна Андреевна. — Давайте, давайте скорее в травмпункт!
— Мам, — взмолилась Машенька. — Может, к Егору Савельевичу обратиться?
— У Егора Савельевича нет дома рентгена, — решительно отменила предложение дочери Татьяна Андреевна. — Идти сможешь?
— Смогу, — не слишком уверено ответила Машенька.
— Вот и хорошо. — И к Теплякову: — Юрочка, вы нас проводите?
— Конечно! Да я ее на руках отнесу.. если что! — воскликнул он. И Машеньке: — Ты стой! Стой! Тебе нельзя наклоняться. Я сам тебя обую.

До самого травмпункта, который оказался всего в квартале от дома, Тепляков нес Машеньку на руках. Татьяна Андреевна едва за ним попевала. Народу было немного, но Тепляков незаметно сунул медсестре тысячную купюру, попросил:

— Голубушка, девушка упала и сильно ударилась головой. Уж вы, пожалуйста...

Купюра сделала свое дело: хирург был более чем предупредителен, и уже через несколько минут Тепляков нес Машеньку на рентген в сопровождении медсестры. К счастью, рентген не показал никаких изменений в месте ушиба, Машеньке сделали укол, хирург прописал ей покой и выдал справку, освобождающую больную на целую неделю от занятий в школе, а от физкультуры, так на целых три месяца.

Из травмпункта Машенька вышла своими ногами, но дальше Тепляков, несмотря на все возражения, снова подхватил ее на руки и нес до самого дома. Поставив Машеньку на пол уже в квартире, он отказался от чая, сославшись на якобы запланированную деловую встречу, и через минуту был уже на улице.

Только сейчас он обратил внимание, что небо вызвездило, что над деревьями сквера висит луна в тройном морозном воротнике, что снег под ногами хрустит, а у него рубашка промокла от пота. А еще его гнало из квартиры ощущение тревоги: что с теми двумя, с которыми он расправился, вложив в каждый удар всю силу своего тренированного тела? Конечно, он имел на это полное право, и любой суд, если что,

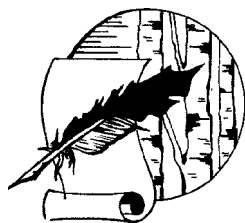

должен его оправдать. Тем более что он не знал, что это за люди, вооружены они или нет. Зато он знал, что они напали на Машеньку, следовательно, он должен был ее защитить и предупредить любую с их стороны возможность активного сопротивления. Суд должен его оправдать, но это еще не значит, что оправдает. С этим он уже сталкивался. Но главное даже не это. Главное, что он не должен втягивать в это дело, если оно возникнет, ни Машеньку, ни Татьяну Андреевну.

И Тепляков ускорил свои шаги. Он почти бежал. Вот он миновал остановку «Вторая лесная», дальше шел, вглядываясь в каждый бугорок. И вот, когда ему показалось, что он давно миновал то место, где неизвестные напали на Машеньку, в лунном свете заметил странную неровность на почти идеально ровной снежной целине: довольно обширное углубление и отходящие от него борозды, едва присыпанные снегом. Тепляков вздохнул с облегчением, не обнаружив тех двоих. Судя по следам, они все-таки пришли в себя и двинулись напрямик через трамвайные рельсы. Но не может быть, чтобы они взяли с собой Машенькину сумочку. И Тепляков, разгребая снег ногами, действительно, вскоре обнаружил ее в стороне от истоптанного места. Самое удивительное — в ней лежал и довольно простенький мобильник, и ученический билет, и кошелек с мелочью. И тут же он решил, что купит Машеньке и новую сумочку, и мобильник, напичканный всякими ноу-хау.

Продолжение следует

Вадим ЯРЦЕВ

(1967 — 2012)

Вадим Аркадьевич Ярцев родился в деревне Пашино под Новосибирском, с пяти лет жил в Усть-Куте — небольшом портовом городке на севере Иркутской области. Работал грузчиком, диспетчером, начальником смены, мастером по отгрузке леса, сторожем, учителем истории. В числе местных авторов, членов литературного клуба «Причал», изредка печатался в районной газете. За год до смерти поэта в иркутском альманахе «Сибирь» вышла первая большая самостоятельная подборка. Автор книг «И всё же несколько минут я был свободен!» и «Марш славянки» (вышла посмертно). Похоронен на городском кладбище в Усть-Куте.

В ЭТОМ ЗАХОЛУСТНОМ ГОРОДКЕ

ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА

Он вернулся в Россию в начале весны,
В край голодный и злой, как во время блокады.
«Наши дали — видны, наши цели — ясны!» —
Сообщали плакаты.

В этом городе нет ни друзей, ни родни.
И, червонец отдав алкашам суетливым,
Он курил у пивточки, подняв воротник,
В ожидании пива.

Впрочем, нет. Здесь когда-то подруга жила
(Ах, студентка-заочница, Верочка-Вера.
А ведь тоже любила, ночами ждала...)
Вышла за офицера.

Его братьев везёт по этапу конвой,
А он сам никому и ничем не обязан.
С этой слякотной и неудобной страной
Он надёжно повязан.

Хорошо, что не ждут и к столу не зовут.
И что некому бросить: «Ну ладно, прощайте».
Хорошо, если твой долгожданный уют —
Чья-то койка в общежитии...

ПРОЩАНИЕ С СОЮЗОМ

Не с двушкой затёртой и ржавой —
Прощаюсь с великой державой.

«Родопи» из куртки достану
И спичек у друга стрельну.
Оплакивать больше не стану
Прощающую эту страну.

Мы сами свободу глотали
К исходу суровой зимы.
Империю мы промотали,
Пропили Отечество мы.

Теперь ничего не исправить,
Былого назад не вернуть.
Империю — вечная память,
А нам — неприкаянный путь.

Держава отчаянных Ванек,
Как птица, расстреляна влёт.
Как будто огромный «Титаник»,
Отчизна уходит под лёд.

Советский по крови и плоти,
Я слёзы сглотнул — и молчу.
Вы этой тоски не поймёте,
А я объяснять не хочу...

МЕТАМОРФОЗЫ

Был я наивен и молод.
Глуп я ещё был и мал.
Помню, терзал меня голод.
Голод меня донимал.

Денег тогда не водилось.
Было невесело мне.
Шёл я сдаваться на милость
К недружелюбной родне.

Гордость упрятав подале,
Вылижешь пол языком,
Только чтоб хлебушка дали
И не корили куском.

Где оно, светлое завтра?
А от меня в двух шагах
Ели икру коммерсанты,
Водкой поили шалав.

Господи, как они жрали!
Будто готовились в путь.
Им бы на лесоповале
Годик-другой оттянуть.

Чтоб их зарыли без гроба,
Чтоб их настигла гроза...
Тёмная мутная злоба
Мне застилала глаза.

Вспомнив об этом, отплюнусь:
«Тот ещё был идиот!»
Кончилась хмурая юность,
Сытая зрелость идёт.

Я, к сожалению, не первый
Верил по юности лет
В эти марксистские перлы,
В коммунистический бред.

Равенство, братство, свобода...
Будет вам чушь городить!
Впрочем, сегодня — суббота.
Надо бы в церковь сходить...

ОДИНОЧКА

Мы видим впервые друг друга.
Метель меня сбила с пути.

Из этого чёртова круга
Почти невозможно уйти.

Пацан осмотрел мои лыжи.
Хозяйка — с испугом — меня.
Не бойтесь, я вас не обижу.
Погреюсь часок у огня.

Сегодня особенно зябко.
И хочется выпить с тоски.
Заштопай мне куртку, хозяйка,
И дай потеплее носки.

Хозяйка бутылку достанет,
Закуску поставит на стол
И рюмки из шкафа расставит,
Чтоб я, не дай Бог, не ушёл.

Пораньше сынишку уложит.
Когда тот закроет глаза,
Она себя взглядом предложит —
И я не смогу отказать.

Не то, чтобы очень в охотку —
Но рядом никто не живёт,
И тянет четвёртую ходку
Весёлый ее муженёк.

Мне жалко её, одиночку.
Я знаю, как холодно ей.
Пусть этой завьюженной ночью
Ей будет немного теплей...

НАВИГАЦИЯ-97

Идёт попойка за попойкой.
Мелькает скучное кино.
С девчонкой, глупенькой и бойкой,
Мы пьём на лихтере вино.

Слышны команды: «Майна! Вира!»
Скрипят порталные краны.
О, сколько нас, больных и сырых,
По всем углам моей страны!

Пора и мне уgomониться.
Прошли былые времена.
Как ни крути, мне нынче тридцать,
А за душою — ни хрена.

И нет ни Родины, ни флага,
А то, что есть, — ненужный хлам,
И лишь живительная фляга
Меня спасает по утрам.

Какие дали нас манили!
Какой нам грезился простор!
У нас был выбор: или — или
(Довольно, в общем-то, простой).

Теперь ни выбора, ни цели.
Холодным ветром мир продут.
И те, что чудом уцелели,
От жизни лучшего не ждут.

Я стал психованней и злее.
Мне ваш уют, как в горле кость.
Наступит утром отрезвление —
Меня привычно душит злость.

Я — сын великого народа.
Меня не спрячете. Я — ваш.
Ах, эта пьяная свобода!
Ах, этот радостный кураж!

НОВОЕ ВРЕМЯ

И было голодно в стране,
И было холодно и сыро...
Мальчишка ходит во рваньё.
Она все реже видит сына.

Она таблетки жадно пьёт.
Она гадает: или — или?
Она его не узнаёт.
Мальчишку будто подменили.

Пацан связался со шпаной.
Громят ларьки по околотку.

Под утро он идёт домой,
Приносит сникерсы и водку.

Он что-то буркнет ей в ответ
И спать завалится на сутки.
Ему уже пятнадцать лет.
Его подставят эти суки.

Мать все равно сойдёт с ума.
Вот и расти послушных деток.
Ему корячится тюрьма,
Колония для малолеток.

Отец давно стал алкашом —
Пусть захлебнётся ей, убогий...
Мальчишка с колеи сошёл.
Его, как волка, кормят ноги.

В колени бухнуться? Просить?
Услышать мрачное: «Иди ты...»?
Такое время на Руси —
Подростки двинулись в бандиты.

Такое время — руки грей,
Снимай навар, скупай заводы.
Подростки кормят матерей,
Сидящих дома без работы.

Кричите, кто во что горазд.
Малюйте новые иконы —
Она мальчишку не отдаст
Неумолимому закону..

* * *

Ах, оставь его в покое,
Захмелевший инвалид.
Лейтенанту снятся кони.
У него душа болит.
Он — службист, а не Есенин.
Только нету снов страшней,
Как в России днём весенним
Перебили всех коней.

Он прикрыл глаза ладонью —
То ли плачет, то ли спит.

И, чтоб реже снились кони,
Медицинский глушит спирт.
Он мечтает о покое,
Но всё так же, день за днём,
Обезумевшие кони
Ржут и прядут под огнём.

Пацану с глазами старца
Жизнь наставила рога.
Всё же нет страшнее танца,
Чем под пулями врага.
Как апостол на иконе,
Лейтенант подпивший свят.
Где его гнедые кони?
Под какой обстрел летят?

Он рыдает от бессилья.
За окном свистит зима.
Иль с ума сошла Россия,
Или он сошёл с ума...

* * *

Всё ходил по тоненькому краю.
Револьвер по случаю запас.
Как не застрелился — сам не знаю.
Что скрывать — испытывал соблазн.

Что поделать — жизнь не получилась,
А дожив до тридцати годов,
Радуюсь, что это не случилось.
Понимаю: к смерти не готов.

Бес меня тогда водил, наверно.
Нашептал, подлец, — и был таков.
Думал застрелиться, взрезать вены,
Насмешить таких же дураков.

Видно, есть ещё какой-то тормоз,
Что сработал в том плохом году.
Я не застрелюсь, умом не тронусь,
В лестничный пролёт не упаду.

Револьвер отнёс на барахолку,
Чтобы не оттягивал карман.

И мои друзья не знают толком,
Как я дров чуть-чуть не наломал.

Видно, в канцелярии небесной
Дрогнула у писаря рука.
В длинном списке, лишь ему известном,
Не был я им вычеркнут. Пока.

Вспоминай, залечивая раны,
Как со смертью был накоротке,
Лицедей нелепой мелодрамы
В этом захолустном городке...

* * *

Меж нами нет чёткой границы.
Бог весть, что мы завтра найдем.
Мы как перелётные птицы —
Кочуем и ночью, и днём.

Свобода! И мы замираем
В прощальном крутом выраже.
И то, что нам кажется раем,
Назавтра приестся уже.

Спасибо за то, что любила,
Что так малодушно лгала,
За то, что меня отпустила,
За то, что обратно ждала.

Ах, как задыхалось и пело,
Чужое отринув враньё,
Шальное бездумное тело,
Весёлое тело моё.

Мелодией бреда весенней,
Мы пели всю ночь напролёт.
И нам улыбалось везенье —
Никто уже так не споёт.

За вечные эти минуты,
Уйдя в предрассветную тьму,
Кивну благодарно кому-то,
Да так и не вспомню — кому...

НУЖНА БОРЬБА ЗА РОДНОЙ ЯЗЫК

Сегодня всё очевиднее становится, что без объединения Русского мира в новый союз нам не устоять под напором глобальных духовных, информационных, культурных, экономических, военных и политических угроз современности.

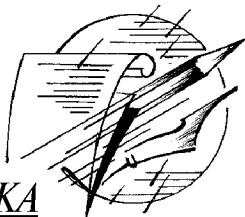
Главные скрепы народов русского мира сегодня:

- русский язык,
- культурное и духовное наследие России и СССР,
- общая история.

Создание таможенного союза, объединение Евразийского пространства — общепризнанная государственная задача России. Прекрасно понимая важность её решения, наши противники умело противодействуют нашим устремлениям. В том числе, пытаются переписать объединяющую нас историю и размыть скрепляющий нас русский язык.

Смута на Украине показала, что люди готовы сражаться и гибнуть за родной русский язык. Что же делается в России для защиты и развития русского языка? Увы, пока ничего.

В России, как мы видим, идет процесс восполнения населения за счёт приезжих иностранных мигрантов. Но

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

и в русском языке уже давно полным ходом идёт точно такой же процесс. Русского словообразования нет. Наши слова выходят из употребления, замещаясь чужими. Жизнь постоянно меняется, новые явления и предметы требуют новых слов, но мы не создаём новых русских слов, мы принимаем иноязычные. Мы разбавляем наш язык словами-иммигрантами.

При царях словообразование худо-бедно происходило. «Паровоз», «пулемёт», «золотник», «самолёт», «шестерня» и другие понятия появились впервые не в России, но получили свои русские названия.

В СССР времён «застоя» вопрос русского словообразования был упущен. Ведомственные комиссии по терминологии весьма успешно создавали и внедряли новые термины, но, увы, использование в них русских корнесловов не было даже рекомендовано. Большинство принятых в СССР терминов имели иноязычные корни, и в этом проявилось постепенное утрачивание культурной независимости СССР. Иностранное казалось советским людям лучше своего, родного.

Но упущение языковой политики в СССР блекнет по сравнению с тем катастрофическим отступлением, которое переживает русский язык сейчас под мощным напором хорошо организованной, тщательно продуманной и щедро оплаченной наступательной языковой политики англоязычных стран.

Русский язык сейчас — самый англофицированный из десяти наиболее распространенных в мире языков.

Например, буква *W* только в двух языках в мире называется «даблью» — в русском и английском. Только русские называют латинский алфавит английским. Можно смело назвать англофикацию русского языка закономерным в существующих условиях процессом. Из всех СМИ потоками рекламы в наш язык внедряются новые и новые английские слова.

В транснациональных компаниях (ТНК) молодой «креативный класс» обязан использовать «корпоративную лексику», и даже «корпоративный жаргон», переполненный английскими корнесловами.

Уместно сравнение нынешнего англоязычного наступления на русский язык с наступлением немецкой армии в феврале 1918 года. Не в танках по полю, а в эшелонах по железной дороге, не встречая ни малейшей попытки организованного сопротивления.

Многие полагают, что языковая борьба — выдумка сторонников теории заговора, что на самом деле языки свободно создаются и изменяются народами. Такое заблуждение не случайно.

Главный метод наступательной английской языковой политики, по мнению французских лингвистов, — скрытность, стремление усыпить бдительность противников и убедить их, что языковой борьбы нет. «Свободный рынок слов» — легенда, умело и старательно внедряемая в умы не только русских, но и других народов.

Ведётся ли против России борьба на культурном поле? Несомненно. Много написано и сказано о борьбе против нашей истории, против образования, против русских и советских обычаев. Почему же язык должен, в отличие от остальных составных частей культуры, избежать нападков наших врагов?

Франция признаёт английскую языковую агрессию и много лет ведёт как на государственном уровне, так и силами партий и общественных организаций оборонительную языковую политику против наступательной английской. Могут ли англоязычные страны бороться против одного лишь французского языка?

Как соотносить слова Вандама, что Финляндия с 1880-х годов была политическим авангардом англосаксов против России с идеальной чистотой финского языка от иноязычных заимствований? Ведь даже самые распространённые интернационализмы, такие как «телефон», «электричество» и «компьютер» в финском языке имеют свои, финские корни: puhelin, sdhkc, teitokone. Разве финский язык мощнее русского и больше способен к сопротивлению?

Больше всего рекламы в СМИ заказывают транснациональные корпорации. В рекламе в России и на Украине они запускают в обращение слово, например, «круиз-контроль»; в той же самой рекламе в Финляндии — «Vakionopeudensddin», а в Эстонии — «Pьsikiiirusehoidja». Получилось, что заокеанские владельцы ТНК решили за русских, за финнов и эстонцев, кому какие слова применять.

На этом примере видно, что народ не выбирает, каким словом назвать то или иное понятие. Выбирает тот, у кого деньги, и через СМИ принуждает нас использовать те слова, которые он для нас выбрал.

Значение языковой борьбы прекрасно понимали и организаторы Октябрьской революции, настойчиво и последовательно проводя языковую реформу сразу после захвата власти. Церковнославянский язык, обязательный и второй по значимости предмет в дореволюционных школах, был не только связующим звеном разных наречий русского языка (малорусского, белорусского и других), но и средством общения православных славян, в том числе балканских — тра-

---

диционной сферы влияния Российской империи. Большевики церковнославянский язык запретили, а великорусский язык отделили от церковнославянского, ослабив межславянские связи и способствуя дроблению русского народа на части. Человек думает на родном ему языке, но изменив в приказном порядке язык, большевики заставили русских думать по-новому, раскололи народное самосознание. В период «мировой революции», как зачастую называлась Октябрьская революция до 1936 года, русский язык «обогатился» множеством иноязычных слов — таких, как «коллективизация», «экспроприация» и т.п., призванных смутить русский ум.

Англия на протяжении последних столетий стремились к мировому господству. Но до триумфа 1945 года англосаксы были вынуждены скрывать свои амбиции и держать свой язык «в тени», потому что действовали они традиционными английскими методами — скрытно и чужими руками. И только после создания Бреттон-Вудской колониальной системы, после Хиросимы и Нагасаки английский язык, вслед за долларом США, начинает открыто занимать свое господствующее положение в мире, вместе с американской поп-культурой и международными корпорациями англо-американского происхождения.

Имперская мощь США основывается исключительно на материальных факторах — военном, финансовом и научном господстве, на контроле мировых энергетических и денежных потоков. Но материальное господство в мире позволяет США контролировать также и нематериальные факторы в других странах — историю и культуру, включая и языковую среду. Таким образом, английский язык в мировой языковой системе играет роль, схожую с ролью доллара в мировой денежной системе.

При этом англоязычные страны, аналогично выгоде от роли доллара как мировой валюты, извлекают прямую материальную выгоду от роли английского языка как международного. Во-первых, все затраты на переводы с английского языка и на него ложатся на другие страны. Во-вторых, обучение английскому превратилось давно в целую отрасль экономики США и Великобритании.

Языковую политику англосаксов можно разделить на пять основных направлений:

- завоевание и поддержание господства английского языка во всех частях света;
- эрозия языков-конкурентов,
- разрушение связей между родственными языками крупнейших языковых групп;

— поддержка языков стран-союзников;
— поощрение у обывателей иллюзии «свободного мирового рынка» языков и отрицание понятия «языковая борьба».

В настоящее время главным соперником английского языка в мире является испанский.

Эсперанто после 1945 года стал мешать глобалистским устремлениям англоязычных стран и начал терять популярность, а после 1991 года и вовсе пришёл в упадок.

Китайский, хотя и является родным языком для наибольшего числа людей на планете, в счет можно не брать, поскольку он пока малопригоден для изучения иностранцами.

Испанский — как раз наоборот, легко изучаем, и в этом его главное преимущество. Прочтение слов в испанском однозначно — как в финском. После малейшей подготовки испанским могут пользоваться носители родных ему языков романской группы — более 700 миллионов человек, что значительно превосходит даже вместе взятых носителей языков англо-германской группы (менее 600 миллионов). Сходство с латынью также добавляет привлекательности испанскому. Кроме того, антипатия к испанцам гораздо меньшая, нежели к англичанам и американцам.

Из перечисленных четырех достоинств испанского легче всего ослабить семейственность. И успехи «невидимой руки» англосаксов здесь налицо. Изучение языков романской группы в школах повсеместно сократилось. Если раньше, например, итальянец в Париже традиционно спрашивал по-итальянски и получал ответ по-французски, то в последние годы всё чаще и чаще диалог происходит по-английски.

В Каталонии все призывы к независимости написаны по-английски. Давайте рассудим, кому может быть нужна независимость Каталонии. Любое деление ведёт к ослаблению, и отложение Каталонии ослабит Испанию. Но ни в военном, ни в экономическом отношении Испания не представляет угрозы никому. Вывод: дробление Испании нужно англосаксам для ослабления испанского языка.

Эрозия языков романской группы — то есть введение в повседневный обиход английских слов и выражений — идет весьма активно и уступает только размыванию славянских языков.

А эрозия языка — признак культурной деградации нации, утверждает Бернар Кассен.

По утверждению Бернара Кассена, основателя организации АТТАК (включающей 38 стран и ведущей борьбу против всемирного финансового капитала) и генерального директора французской газеты «Дипломатический мир», «невиди-

---

мая рука» англосаксов проводит свою наступательную языковую политику посредством различных «независимых» финансовых институтов. По его утверждению, точно установлено, что США поддерживают следующие языки: финский, эстонский, венгерский, чешский и иврит. Подчеркиваю, что это — утверждение не русского, а французского дипломата, хотя явно видна антирусская направленность такой поддержки языков стран-лимитрофов. Если взглянуть на карту и сравнить этот перечень с планом Палмерстона (напомню, его выполнение было целью Англии в Крымской войне 1854—1855 годов), мы увидим, что недостает еще поддержки латышского и литовского языков, и отдаление украинского языка от русского. Конечно, никакого исследования для подтверждения или опровержения такой поддержки не проводилось. Однако по твердой языковой политике Латвии и по наличию литовского и латышского словообразования можно полагать, что такая поддержка есть. А украинский язык «обогатился» множеством вновь придуманных слов, непохожих на великорусские и заменивших слова, общепринятые до «независимости» незалежной.

Франция приняла закон о защите французского языка в 1994 году (закон Турбона). Почему в 1994-м? Потому что в 1991 году линия обороны НАТО переместилась далеко на восток, из Германии в страны-лимитрофы. До 1991 года французский язык не подвергался губительному воздействию наступательной английской языковой политики, поскольку Франция была ценным союзником англоговорящих стран в борьбе против СССР и стран Варшавского договора. Когда же главный противник, СССР, был повержен, ценность Франции как союзника упала. Из союзника Франция превратилась в вассала, и язык её начал подвергаться размыванию. Напротив, языки стран-лимитрофов начали поддерживаться и укрепляться — эстонский, латышский, литовский, польский, чешский, словацкий, венгерский, румынский. Своего рода — «языковой занавес» между Россией и Европой.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) во Франции чудесным образом возвышается над коэффициентом рождаемости окружающих её стран. Во всей Европе — 1,5, а во Франции — 2,0. Такой показатель является предметом гордости французских властей, равно как и тот факт, что детей рожают не только иммигранты, но и коренные французы. У 85% детей оба родителя родились во Франции.

Почему же такая разница между Францией и соседними странами? Ведь во всех странах Западной Европы материальное положение рождаемости развито примерно в равной мере.

Франция — единственная страна Европы, где законом запрещено однородное название профессий. Он — directeur, она — directrice, он — vendeur (продавец), она — vendeuse, Шрёдер — chancelier, Меркель — chanceliere.

Одновременно с принятием этого закона была создана специальная, 17-я по счёту языковая комиссия, придумывающая женский род для новых профессий.

Подчеркну, что закон этот был принят с одной-единственной целью — повышения рождаемости. Было доказано, что «проводница» рождает больше детей, чем женщина — «проводник».

Как видим, закон, касающийся только языка, дал 12% прироста рождаемости.

А что же у нас?

В России именно в смутные 1990-е годы началось вымывание женского рода из названий профессий. До горбачёвской перестройки мы и помыслить не могли, что словом «учитель» в школе можно называть женщину. Даже журнал был «Работница». Всё, что могло иметь женский род, — имело его. Победительница, участница, поэтесса, директриса, стюардесса.

Началось в 1990-е, но увы, не закончилось. Как видно, неким силам хочется вовсе извести женский род из русского языка. Кому он нужен, женский род? От него, как доказано во Франции, одна рождаемость.

Но кому-то нужна русская семья, где муж — учитель и жена — учитель.

Существует мнение, что эрозия языка вовсе не вредна для народа. Так, русский язык с петровских времен заимствовал слова из европейских языков. Именно в этот период «эрозии» языка мы добились взлета культуры и науки.

На это возражение ответ такой: цыплят по осени считают. Русский язык впитал иноязычных слов больше, чем другие языки — и именно у нас, по причине этой эрозии языка и, как следствие, размывания народного самосознания, победили идеи интернационализма. Итог — человеческие жертвы в нашей стране в XX веке многократно больше, чем в других странах. Причем, самые тяжелые потери понес именно культурный русский слой — тот самый, который внедрял иноязычные слова в наш язык и превозносил всё чужестранное.

Этими огромными потерями как старого русского культурного слоя в 1917—1934 годах, так и новой интеллигенции в ходе горбачевской «утечки мозгов», можно объяснить нашу сегодняшнюю неспособность сделать выводы из истории и избегать повторения ошибок предков. Мы снова не предпринимаем никаких организованных попыток защитить ни свой

родной язык, ни свою славянскую языковую группу. Уместно сравнить наш язык с флюгером. То у нас «лозунг» — по-немецки, то «девиз» — по-французски, то теперь «слоган» — по-английски. И если «считать цыплят» сейчас, то мы увидим, что и культура, и наука России, увы, в упадке.

В радиозфире нередко можно услышать такое мнение: «Как ужасно это звучит — завихрение, купец, гораздо современнее — турбулентность, бизнесмен». Многим кажется, что русские слова неприличны, а над некоторыми словами даже смеются.

В связи с этим вспоминается бельгиец, который тоже смеялся над французскими словами — *jrordinateur, fichier*. По его мнению, они звучат отвратительно, неприлично. И смеялся над тупыми французами. Гораздо благозвучнее, не его вкус, *computer* и *file*.

Получается, какое слово краше — определяется пропагандой. И многих в этом СМИ убедили. Многим и чёрный квадрат представляется гениальным произведением живописи.

Глобалисты считают, что любое объединение, в том числе и языковое, несёт в себе мир и благоденствие. Поэтому один язык на весь мир — вовсе не плохо, равно как и единое мировое государство.

Однако для природы свойственно многообразие видов, сосуществующих в постоянной борьбе. Единое мировое государство, единая культура, единый язык, устранив постоянное соперничество, устранил и стремление к совершенству, приведёт к деградации и упадку культуры — таков аргумент сторонников многообразия народов и стран.

Но, по мнению либеральных пропагандистов, иноязычные слова понятнее людям. И тот факт, что, перенимая слова своего противника, они тем самым потакают ему в культурном подчинении России, — ничуть их не смущает. Возникает вопрос — а за какой *суверенитет* они предлагают бороться? За экономический *суверенитет* при духовном и культурном подчинении?

Некоторые повторяют: «А что мы можем, мы же ничего не можем»; «гражданская инициатива русских, как и русское национальное достоинство, подавлены в течение последних ста лет»...

Но не в русском обычае прекращать борьбу после поражения. Как говорил Суворов, «и один в поле — воин, коль порусски скроен». И Родину защищают не только с оружием в руках. Язык — тоже часть нашей Родины, причём более важная, чем земля. Язык — дух народа. Размоется язык — ослабнет и дух.

Как земля, так и язык никогда не остаётся без управления. Если мы перестанем управлять какой-нибудь областью и защищать её — она непременно перейдёт под управление и защиту другого государства. Так же и язык — если им не занимаемся мы, им занимаются другие — в своих интересах и нам во вред.

Создание партизанского отряда не остановит вражеского наступления в глубь страны, но никто не отрицает значимости партизанской борьбы для защиты Родины.

Использование даже небольшим числом людей русских слов там, где использование иноязычных слов уже становится привычным, выполнит сегодня ту же роль, что и уход в партизаны в 1941 году, покажет окружающим, что сопротивление иностранному культурному натиску возможно. Да хотя бы и просто обратит внимание окружающих на защиту русского языка и побудит людей задуматься.

И не нужно считать размывание нашего языка каким-то абстрактным, мало касающимся нас явлением. Эрозия языка — составная часть размывания народного самосознания. Она нужна нашим соперникам для превращения России в аграрно-сырьевой придаток, а нас самих — в покорных слуг господствующего народа.

Поэтому не только русские патриоты, но и безыдейные прагматичные граждане всех народов России должны быть заинтересованы в защите русского языка — нашего русского достоинства.

Конечно, самый действенный способ защитить язык — это государственная языковая политика — по единому плану и под единым командованием.

Но пока правительство не возглавило защиту русского языка, патриотические партии и общественные объединения не должны упускать языковую борьбу из вида, но обязаны включать языковые вопросы в свои программы. Даже узкоспециальные объединения граждан, предприятия и организации вполне способны в документах отдавать предпочтение русским словам. Для этого можно было бы создать таблицы соответствия русских и иноязычных слов.

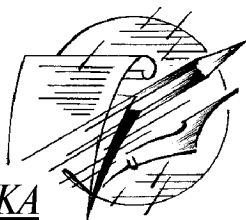
И царская Россия и СССР были повержены прежде всего в духовной борьбе. Мы не имеем права повторять те же ошибки.

МОЛОДЁЖЬ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯЦИЙ

Современная молодёжь как одна из самых слабозащищённых и уязвимых категорий населения в силу отсутствия у неё соответствующих знаний, опыта и экономической зависимости часто выступает объектом для различного рода манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов.

Яркими примерами практического воплощения подобного рода социальных опытов и инженерии являются «молодёжные бунты», «молодёжная», «сексуальная» и «цветные» революции, возникновение и жизнедеятельность различного рода молодёжных субкультур и контркультур.

При этом ввиду скрытого характера осуществления подобного рода «опытов» и «операций», результаты которых зримы, но не афишируемы «экспериментаторами», а также проведения соответствующих «операций прикрытия», тот минимум информации о них (часто оперативного характера), который становится достоянием гласности, не позволял многим учёным заниматься полноценной разработкой научной концепции о ру-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

котворном характере значительного рода социально-политических катаклизмов с участием молодёжи. К этому однозначно добавлялась также боязнь быть обвинённым в идеологических пристрастиях, политической ангажированности, «мракобесии», ненаучности или склонности к созданию очередной «теории заговора». Однако постепенно накапливаемый материал об участии и манипуляциях политтехнологов по организации подобного рода катаклизмов с участием молодёжи (например, «арабская весна», твиттерная революция, флэшмобы или «болотная» митинговщина) остро ставят вопрос не только о способности в принципе достичь объективной научной истины без дальнейшей и скорейшей систематизации и осмысления подобного рода фактов. Как и о необходимости на практике эффективно противодействовать подобному воздействию, в особенности если оно направлено извне, что мы и наблюдаем в современной Российской Федерации.

Обращаясь к данной проблематике, невозможно обойти стороной тематику молодёжных бунтов и революций, происходивших на Западе в 60-е годы XX века. Ведь данные события произошли в западноевропейских странах в эпоху «холодной войны», т.е. полномасштабного противостояния капиталистической и социалистической систем, а также поэтапного утверждения на Западе олигархической модели капитализма. Происходившая в эти годы трансформация западных обществ из индустриального типа обществ в общества постиндустриальные, была сопряжена с торжеством и утверждением стандартов общества потребления.

Естественно, что западноевропейская молодёжь в это время как самая активная часть общества в массе своей была обречена на бесперспективное, жалкое существование и могла стать своеобразной угрозой для властей предрежащих, обратившись к коммунистическим идеям как своеобразной альтернативе капиталистическому олигархату. Поэтому элитам этих стран необходимо было взять под контроль молодёжь, направив её энергию совсем в другое русло. Чтобы она реально не смогла стать неподконтрольным олигархам участником политических процессов. Для этого надо было отбить у подавляющей массы молодежи стремление участвовать в политической жизни общества, уводя её в сторону — в некий иллюзорный, подконтрольный и прибыльный этим олигархам мир.

Решением этой задачи и занялась целая сеть западноевропейских научных институтов и центров (среди которых наиболее известными и значимыми, как явствует из книги бывшего высокопоставленного офицера британских спецслужб

Д. Колемана, были Тавистокский институт человеческих отношений и Стэнфордский исследовательский центр), активно финансируемых олигархатом и правительствами данных стран. Целью деятельности подобного рода структур являлись, конечно же, не столько теоретические и научные исследования различных аспектов поведения человека, малых и больших социальных групп (чем у нас только и занимались: например, известные представители Чикагской школы в подобного рода научных заведениях), сколько разработка социальных и политических технологий по управлению обществом и манипулированию индивидуальным, групповым и массовым сознанием.

Как отмечает профессор И.М. Ильинский, учёными было выяснено, что **«лишь 10% населения способно рассуждать логически и осознать проблему**, а не просто высказать мнение о ней. В силу естественных интеллектуальных различий одни понимают то, чего не понимают другие. Но есть люди, которые **знают и понимают то, чего не следует знать и понимать другим**. В США действует более 200 «мозговых центров», созданных корпорацией «Rand», основанной Рокфеллером, Корпорацией исследований по планированию, Институтом философии и психологии творчества Хадсона, Международным институтом практической науки человеческого поведения, Бруклинским институтом, деятельность которых контролирует Стэнфордский университет — головная организация по контролю над сознанием человека (США, Калифорния). Здесь работает более 3000 служащих, ежегодный бюджет — около 150 млн. долл.

Многосторонние исследования человека ведет Тавистокский институт, также финансируемый Рокфеллером (Англия, Лондон). Этот институт действует через ряд фондов США, ежегодный оборот которых составляет 6 млрд. долл. В нём изучают логику, объясняющую причины того, почему люди различных культур, интересов, верований и с разным уровнем информированности придерживаются схожих мнений. Кратко эта тема определяется как «инженерия терпимости» или «инженерия толерантности».

Трудно даже вообразить, насколько изощренной является тематика исследований этого института, в 10 центрах которого действует 400 филиалов в разных странах и 3000 групп изучения и «мозговых центров». Однако эти знания необходимы для воспитания целых народов и наций в интересах «нового мирового порядка».

Занимаясь социальной инженерией и закрытыми экспериментами, в стенах подобных заведений поэтапно возвраци-

---

вались различные проекты по созданию молодёжных субкультур, контркультур, совершенствованию манипулятивных технологий, методов управления личностью, группой, обществом и осуществлению операций спецслужб по смене режимов (например, режима Шарля де Голля во Франции) или организации революций, бунтов и иных катаклизмов, контролю над рождаемостью, духовным здоровьем нации. Расчёт делался и на извлечение прибыли из подобного рода проектов. Как говорится, «ничего личного — только бизнес!».

Следует отметить, что учёные до сих не дали исчерпывающего ответа, объясняющего причины столь резкого и неожиданного для западных обществ того времени факта появления различного рода молодёжных субкультур и контркультур.

Как отмечают В.И. Добренков и А.И. Кравченко, «среди причин появления молодежной субкультуры специалисты различают универсально-биологические, связанные с особенностями данного возраста, в частности, бунтарством молодежи, и конкретно-исторические, которые определяют содержание и форму выражения молодежной субкультуры. Так, например, субкультура хиппи, в силу именно социально-исторических причин, не могла появиться в XVII веке, середине XIX века или в первой половине XX века.

О сроках появления субкультуры и контркультуры единого мнения в научном мире нет. Вероятно, становление молодежной субкультуры в строгом смысле следует связывать с зарождением индустриального общества и капитализма, началом научно-технической революции, начавшихся 200—250 лет назад.

Другие авторы называют молодежь и молодежную культуру явлением сравнительно новым. На их взгляд, молодежная субкультура появилась сравнительно недавно — в Америке и Западной Европе приблизительно в 50-е годы, а в России — в 50—60-е. Некоторые авторы отрицают тот факт, что совокупность ценностей, обычаев и традиций, присущих молодежи как социальной группе во все предыдущие эпохи, скажем, в XVII или XIX веках, можно называть субкультурой, т.е. чем-то самостоятельным, отличным от других культурных феноменов. Действительно, раньше о молодежной субкультуре и тинэйджерах как о самостоятельном явлении никто не говорил. Даже вопрос о ее существовании никто не ставил. Еще в 1940-е годы юноши покупали те же самые вещи, что их старшие сограждане. Они танцевали в тех же клубах, что и родители, поклонялись общим певцам и одевались практически так же.

Ситуация кардинальным образом изменилась к середине 50-х годов XX века. К социально-экономическим и конкретно-историческим предпосылкам появления молодёжных субкультур и контркультур, а также выделения самой молодёжи в особую социокультурную и политическую общность со своими специфическими интересами и потребностями, относят прежде всего рост доходов среднего класса и особенно его молодёжной прослойки в 1950-е годы, появление новых средств записи и распространения музыкальной культуры (радиоприемников, магнитофонов и т.п.), индустрии шоу-бизнеса, молодёжной культуры и моды; а также всё возрастающее влияние института СМИ и коммуникаций как эффективного инструмента формирования и манипулирования общественным мнением и сознанием.

Таким образом, многие учёные увязывают процесс возникновения молодёжных субкультур и контркультур прежде всего с процессом становления постиндустриального (информационного) общества. Хотя есть и другие распространённые точки зрения. На взгляд ряда ученых, молодёжные субкультуры «возникают в промежуточных областях социальных структур и, по сути, представляют собой культуры «лиминальных сообществ» (В.Тэрнер), объединяющих индивидов, «выпавших» из общества по тем или иным причинам или испытывающих трудности адаптации к общепринятой системе норм и ценностей». Другие учёные, увязывают возникновение молодёжных субкультур «с обретением послевоенным поколением, разочаровавшимся в идеалах отцов, специфического самосознания, которое порождает особый тип социальной практики», осознанием молодёжью своих интересов, «которые далёко не во всём совпадают с интересами других социальных групп», или же с «формой выражения процесса поиска адекватного реальности мировосприятия и непротиворечивой системы мировоззренческих ориентиров», часто определяя субкультуры как «результат деятельности молодёжных сообществ, создающихся в результате самоорганизации». А.И. Шендрик определяет молодёжную субкультуру как разновидность субкультур и как «понятие, обозначающее совокупность артефактов, алгоритмов деятельности, а также ценностей, моральных и эстетических норм, которые создаются для регуляции поведения индивидов тем или иным молодёжным сообществом, выделяемым в соответствии с возрастными, профессиональными, эстетическими или идейно-нравственными признаками».

Крайней разновидностью молодёжной субкультуры является молодёжная контркультура, «ценности которой не со-

---

впадают, а иногда и прямо противоположны ценностям культуры, господствующей в конкретном обществе». Разновидностями молодёжных контркультур являются битники, хиппи, «новые левые», борцы за права сексуальных и иных меньшинств, представители деструктивных культов и сект и другие группы молодёжи, не признающие устоев жизнедеятельности того или иного общества.

Учитывая, что среди учёных нет единого мнения по поводу причин столь неожиданного возникновения в эти годы различных молодёжных субкультур и контркультур, превративших молодёжь в своеобразную «проблему» для западных обществ и самих социологов, версия Д. Колемана и других авторов о рукотворном характере происхождения целого ряда из них имеет полное право на существование, дальнейшую научную институционализацию и изучение, являясь не только вполне вероятной и обоснованной, но и к тому же многое что объясняющей и на многое раскрывающей глаза.

Первой молодёжной контркультурой, возникшей в 50-е годы XX века среди американской молодёжи, является битники («разбитое поколение»), протестовавшие против реалий американкой действительности, конформизма и потребительства, отвергавшие ценности «американского образа жизни» и саму возможность достижения «американской мечты». «Битники отказывались подчиняться навязываемому потреблению общественной продукции и тем самым выступили против того, что они назвали системой порабощения: «трудись, производи, потребляй, трудись, производи, потребляй...» Они отвергли труд ради права потреблять то, что навязывает им общество потребления. Погоне за деньгами битники противопоставили полное безразличие ко всему: их не волновало, что будет с ними, с миром, с их близкими, и пропагандировали идею личной свободы и самодостаточности. Они демонстрировали безразличие к техническим и научным достижениям, утрату веры в разум, церковь, политические партии. Стремление к свободе от всего привело к потреблению наркотиков и к сексуальной вседозволенности. Движение битников было бунтом, формой протеста против общественной морали, хотя сами они рассматривали свои странные поступки как то, что поддерживает в людях ощущение вечной свободы. Внешне форма протеста оформилась в виде «рюкзачной революции» — бродяжничества и попрошайничества».

Питательной средой для формирования этой и других контркультур явилась музыка в стиле рок-н-ролла, а также активно формирующейся под воздействием института СМИ и коммуникаций индустрия рок-культуры.

Вслед за битниками в 60-е годы возникли и оформились и иные контркультуры: хиппи, борцы за равноправие различных меньшинств, группировки «новых левых».

Радикальные лозунги и призывы, возникшие в этой молодёжной среде, требовали низвержения всего и вся. Например, представители контркультуры хиппи, являвшейся в отличие от немногочисленных колоний битников в достаточной степени массовым и более организованным движением, призывали своих единомышленников следовать следующим «жизненным принципам»:

«Насилуй монахинь, издевайся над профессорами, не слушай родителей, сожги свои деньги. Ты ведь знаешь, что жизнь есть сон, и все наши учреждения — это сфабрикованные людьми иллюзии, которые срываются, потому что ты принимаешь сон за реальность. Сокруши семью, нацию, церковь, город, хозяйство; преврати жизнь в искусство, в театр души и театр будущего. Только революционер — подлинный художник. Что нам нужно, так это поколение людей юродивых, безумных, иррациональных, сексуальных, сердитых, безбожных, ребячливых и невменяемых — людей, которые сжигают призывные повестки, университетские и всякие прочие дипломы, людей, которые говорят: «Идите к чертям с вашими целями!», людей, которые соблазняют молодёжь музыкой и марихуаной, людей, которые пересматривают понятие нормального, порывают с игрой в статус: роли — чины — потребление, людей, которым нечего терять, кроме своей плоти. Белая американская молодёжь имеет больше общего с ограбленными индейцами, чем со своими родителями. Сожгите родительский дом дотла, и это сделает вас свободными!»

Контркультура хиппи активно и в скрытой форме рекламировалась и раскручивалась СМИ. Она, как и остальные контркультуры, быстро коммерциализировалась и стала неотделимой от продвигаемой СМИ индустрии рок-культуры, «сексуальной революции» и мира наркотиков как «мощного орудия, позволяющего повернуть сознание людей к возможностям альтернативного общества». Многочисленные колонии хиппи, возникающие по городам и весям США и западноевропейских обществ, стали своеобразными центрами и основными рынками сбыта и распространения наркотических веществ (мариуаны, гашиша, ЛСД). Стили, мода, элементы контркультуры (джинсы, часто потёртые и дырявые, ставшие повседневной одеждой для представителей различных слоёв общества и высшего света, мини-юбки, оккультная литература и литература «новых левых», а также другие

элементы) были интегрированы в систему потребления этих обществ, принося баснословные барыши их производителям. СМИ целенаправленно осуществляли раскрутку различных рок-групп («Битлз», «Ролинг Стоунз» и др.), пропаганду ценностей (фактически антиценностей) контркультур, сексуальной вседозволенности и раскрепощённости. Все эти действия СМИ, шоу-бизнеса и индустрии потребления целенаправленно вели институты социализации, а сам процесс социализации молодёжи они ввергали в перманентно кризисное состояние, в ущерб чаяниям и интересам самой молодёжи и всего общества в целом.

Как пишет Д. Колеман: «Ярким примером обработки общества, чтобы оно приняло изменение, даже когда такое изменение признается нежелательным большой группой населения, было «явление» «Битлз». Группу «Битлз» привезли в США как часть социального эксперимента, который должен был подвергнуть большие группы населения промывке мозгов, о которой они даже не догадывались. Феномен «Битлз» не был спонтанным молодежным бунтом против старой социальной системы. Наоборот, это был тщательно разработанный неуловимыми заговорщиками план ввода чрезвычайно разрушительного элемента в большую целевую группу населения, сознание которой планировалось изменить против ее воли. Вместе с «Битлз» в Америке были введены в оборот новые слова и выражения, изобретенные Тавистокским институтом. Такие слова, как «рок» в отношении к музыкальным звукам, «тинэйджер» («подросток»), «кул» («клёвый»), «дискавери» («открытый», «обнаруженный») и «поп-музыка» были частью лексики из кодовых слов, означающих принятие и употребление наркотиков. Эти слова пришли вместе с «Битлз» и появлялись везде, куда приезжала эта группа, причем «тинэйджеры» сразу их «обнаруживали». Кстати, слово «тинэйджер» нигде не употреблялось до тех пор, пока на сцене не появились «Битлз», благодаря Тавистокскому институту человеческих отношений».

В реализацию проекта «Битлз», по свидетельствам бывшего высокопоставленного офицера британских спецслужб, помимо Тавистокского института человеческих отношений, Стэнфордского исследовательского центра, принимали участие британские и американские спецслужбы, подконтрольные олигархам СМИ, вся индустрия шоу-бизнеса и потребления. Именно они искусственным образом планировали и осуществляли молодёжную контркультурную революцию, «сексуальную революцию», организовывали «молодёжные бунты», создавали суб- и рок-культуры, популяризировали

и способствовали распространению среди молодёжи наркотиков, породили феномен «битломании».

«Тависток и его Стэнфордский исследовательский центр создали специальные слова, которые затем вошли в общее употребление в среде «рок-музыки» и ее любителей. Эти модные ключевые слова создали новую отколовшуюся от социума большую группу молодежи, которую посредством социальной инженерии и обработки заставили поверить, что «Битлз» — это действительно их любимая группа. Все созданные в контексте «рок-музыки» ключевые слова были предназначены для массового управления новой целевой группой, т.е. американской молодежью.

«Битлз» сработали прекрасно, вернее Тависток и Стэнфорд сработали великолепно, а «Битлз» просто реагировали как запрограммированные роботы «с небольшой помощью их друзей» — кодовых слов для употребления наркотиков и доведения до «клевого» состояния. «Битлз» стали бросающимся в глаза «новым типом» — еще один перл Тавистокского жаргона — он появился незадолго до того, как «Битлз» создали новый стиль (экстравагантная одежда, прически и речь), который возмутил старшее поколение, что и планировалось. Это было частью процесса «фрагментации — неадекватной адаптации» разработанного и пущенного в ход Уиллисом Хармоном и его командой ученых-социологов и специалистов в области генной инженерии» (Д. Колеман).

Первоначально на концертах «Битлз» активно и бесплатно раздавались и распространялись различные наркотики. Впоследствии, когда молодые люди «подсели» на них, бесплатные раздачи прекратились. На беде молодых людей стали делать деньги, уже продавая им наркотические средства. При этом правоохранные органы и спецслужбы делали вид, что ровным счётом ничего не происходит, а в СМИ употребление наркотиков скрыто рекламировалось в формате «обсуждения» проблемы наркомании, вызывая эффект «привыкания». В результате чего наркотики делали из потенциально социально активной молодёжи зависимую и полностью подконтрольную организаторам этого большого эксперимента социальной инженерии и спецслужбам группу населения. Наркоманская среда является постоянным, удобным и подконтрольным поставщиком информации для правоохранительных органов и спецслужб, а также легко управляемой группой населения, пригодной для различных манипуляций (например, на выборах, организации различного рода политических акций) и экспериментов. Плюс она является важным источником дохода для дельцов наркобизнеса, в кото-

---

ром задействованы не только криминальные, но и государственные и коммерческие структуры.

«Сейчас, когда мы уже многое знаем, становится понятным, насколько успешной была рекламная кампания «Битлз» по распространению наркотиков. От публики тщательно скрывался тот факт, что музыку и тексты для «Битлз» писал Тео Адорно. Основная функция «Битлз» состояла в том, чтобы их открыли для себя «тинэйджеры», на которых затем обрушивался непрерывный поток «битловской музыки» до тех пор, пока у них не вырабатывалось убеждение, что эти звуки им очень нравятся, в результате чего они принимали и эту музыку, и все, что с ней связано. Ливерпульская группа вполне оправдала ожидания, и «с небольшой помощью от своих друзей» (фраза из их песни), т.е. с помощью наркотиков, создала целый новый класс молодых американцев по точному образцу, заказанному Тавистокским институтом».

Как отмечает профессор И.М. Ильинский, оценивая сущность феномена «Битлз» и битломании, спорить с их фанатами бессмысленно. Но в данном случае речь идет о том, какое воздействие оказала и оказывает их и подобная музыка (рок, рэп) на сознание человека, почему это происходит. Говорят, что «Битлз» были не обыкновенной группой, отражавшей настроение молодежного бунта начала 60-х годов, что это было орудие психологической войны по культурной перекодировке, перепрограммированию молодых поколений на основе концепции, разработанной франкфуртской школой (перенесенной в США) с неопрейдистских позиций. Думаю, так оно и было. С помощью «Битлз» и подобных групп при участии СМИ глобализаторы привносили в сознание молодежи массовую культуру.

Эпоха «Битлз» — это эпоха истеричных и кричащих толп молодежи в десятки и сотни тысяч человек. Это начало **культурной катастрофы, изменившей облик мира**. Другое дело, что «Битлз» и им подобные многочисленные группы разных стран стали активными звеньями в планах идеологов «нового мирового порядка» по контролю над массовым сознанием.

В соответствии с законами развития шоу-бизнеса, раскрутка какого-либо «проекта» или очередной «звезды», возможна лишь при наличии благосклонного отношения со стороны заправил шоу-бизнеса, поддержки властей предрежущих, вложения больших денежных средств в реализацию проекта и активной работы индустрии СМИ и коммуникаций в этом направлении. Совпадение всех этих условий, а не талант и усидчивость и обеспечивают успех подобного рода «проектов». Большую роль, если это проект лабораторий по

социальной инженерии, играет и личность руководителя проекта, в особенности если это такой известный немецкий ученый-социолог, один из основоположников франкфуртской школы неомарксизма, музыковед, композитор, политтехнолог и социоинженер, как Теодор Адорно.

Теодор Адорно как автор социальной теории рок-н-ролла и массовой музыкальной культуры с 1939 года, по данным журналиста Д. Эстулина, фактически руководил Принстонским проектом изучения радио — совместным детищем франкфуртской школы и Тавистока по контролю над массами, а также созданию феноменов рок-н-ролла и рок-культуры.

«Целью данного проекта, — как пишет Адорно в работе «Введение в социологию музыки», — было «запрограммировать музыкальную массовую культуру как форму глобального социального контроля посредством постепенной деградации ее потребителей». «Обязательное оупение», которое, по плану Тавистока, должно стать основным результатом промывания мозгов. А убийственная панк-рок-музыка, сопровождаемая соприкосновением тел, — это прямые последствия работы Адорно, который пишет: «Это процесс воображения, наполненный эмоциями. Слушатель, который запомнил хит, будет стремиться к идеальному субъекту этой песни, к человеку, который в ней идеализируется. В то же время это музыкальное «я», примкнув к обществу таких же «фанатов», почувствует, что оно уже не так одиноко. Насвистывая песню, человек проходит ритуал социализации, хотя, несмотря на это ничем не обоснованное ощущение, он остается таким же одиноким, как и был...» Например, «алкоголики выходного дня» — это социально зависимые индивиды, которые пьют, когда выходят с друзьями, чтобы искусственно и ненадолго стать теми, кем они мечтают, — храбрыми, надежными и веселыми людьми. «Похожим явлением станет музыкальная зависимость», — утверждает Адорно. Данные исследования роли радио в жизни общества, опубликованные в 1939 году, подтвердили тезис «обязательного оупения». Они до сих пор служат учебником для тех, кто занимается промыванием мозгов. «Исследователи проекта (влияния радио. — С.Е.) доказали, что это средство информации настолько промывает мозги, что слушатели вообще перестают что-либо соображать, реагируя на формат, а не на содержание передачи»».

Теодор Адорно применил все имеющиеся технологии для успешной раскрутки «Битлз», часто используя обман, осуществляя манипуляции, организуя театрализованные представления, с беспорядками, истерией липовых битломанов-подростков, стремившихся хотя бы прикоснуться к своим кумирам.

Используя определённые методы передачи, закодированной в такого рода музыке (громкий звук, раздражающие шумовые эффекты, модуляция частот, переменная скорость), он добивался определённого воздействия на восприимчивое сознание молодёжи: «Новая форма атональной музыки, в которой тяжёлые вибрирующие повторяющиеся звуки особенно сильно воздействуют на тело, мозг и психику младших возрастных групп, пробуждая в сознании отдельных индивидов, как им кажется, некие общие для всех возбуждающие ощущения, вызывая чувственное раскрепощение, выводя наружу запретные страсти. Вероятно, в те времена появилось понятие «расслабиться», т.е. отдаться во власть импульсов, в которых сексуальные желания подавляют важные нормы поведения человека, диктуемые сознанием» (И.М. Ильинский).

Аналогичным образом раскручивались и другие проекты (например, «Ролинг Стоунз»). По достижении нужного результата, прошествии определённого времени, соответствующей команды, эти проекты лишались поддержки и внимания СМИ и сворачивались. Так происходило в Америке, Западной Европе, так происходит сейчас и у нас в РФ (в политике, молодёжной среде, индустрии шоу-бизнеса).

Результатом социальной инженерии и реализации подобного рода проектов на Западе в 50—60-е годы XX века стал полный контроль олигархата и западных спецслужб над молодёжными движениями и социокультурной средой. Руководствуясь принципом «если не можешь остановить движение, то его надо возглавить», они направили энергию социального протеста молодёжи не против системы капиталистического олигархата и власти «золотого тельца», а в нужное для них русло — тупиковые ветви развития (субкультуры, контркультуры, антисистемы и экстремистские движения), используемые для «выпуска пара», свержения неугодных режимов или политиков, предотвращения возможных и опасных для них демократических преобразований.

Осуществляя эти манипулятивные действия и социальные эксперименты, их руководители и кураторы использовали в своих целях знания о социальных, психологических и физиологических особенностях возрастных периодов становления и развития молодёжи, при этом для прикрытия своих действий часто создавая наукообразные, но по своей сути псевдонаучные теории, объясняющие феномены молодёжных бунтов «прогрессивным», протестным, революционным настроем, присущим молодёжной среде. Как очень тонко подметил по этому поводу профессор Московской Духовной Академии М.М. Дунаев:

«Другой пошлый шаблон, всегда обнаруживающий себя при рассуждении о молодёжи, это утверждение, будто она постоянно устремлена к прогрессу, будто именно она обновляет бытие в отличие от консервативно настроенных и отживающих своё поколения отцов. Нетрудно, однако, сообразить, что для внесения в жизнь чего-то истинно нового следует основательно познать уже существующее, иметь богатый интеллектуальный опыт. Молодёжь опыта не имеет, поэтому она как раз весьма консервативна в своих воззрениях и действиях. Иллюзия же «новизны» создаётся тем, что молодые часто в порыве самоутверждения просто меняют знаки оценок в устоявшихся мнениях. Взрослые говорят: «белое», а недоростки непременно: «чёрное». Кому-то это представляется весьма оригинальным.

С этим связаны и иллюзии о бунтарском, революционном настрое в молодёжной среде. Но это ведь просто следствие молодой глупости и переизбытка возрастной энергии, требующей выплеска — куда и с какой целью, всё равно. Чехов заметил однажды: студенты бунтуют, чтобы барышням нравиться. Вот причина поважнее, чем разного рода политические соображения. Худо то, что это используется закулисными манипуляторами, о чём сама молодёжь не догадывается по возрастному недомыслию.

А что могут ей предложить те, кто знает жизнь не в перевёрнутом виде? Скучные банальности: нужно учиться, трудиться, терпеливо переносить испытания, одолевать трудности без ропота, осваивать наследие прошлого, не отворачиваясь от него с пренебрежением... И так далее. Скучно это. Привлекательнее и веселее — протестовать!

Все особенности так называемой молодёжной культуры определяются в немалой мере чувством стадности, молодёжи присущим. Молодые люди весьма подвержены соблазну конформизма, который они не сознают и принимают именно за собственную оригинальность. Молодой человек, чтобы утвердить себя, начинает бессознательно подражать — но не старшим, а таким же, как он сам, и псевдооригинальность единичных случаев создаёт в массе унылое однообразие и заурядную банальность. И всё стадо начинает ходить в нарочито драных джинсах, в татуировках и с заклёпками на носу, щеках и языках. Сам якобы бунтарский дух молодёжи есть проявление всё того же конформизма, ей свойственного.

И вот беда: иные из старшего поколения не прочь подыграть чрезмерным претензиям молодых, чуть ли не заискивая перед ними, а то обвинят в ретроградности и «несовременности». Приходится слышать, например, рассуждения какого-нибудь

седовласого бодрячка, будто молодёжь распростилась со страхами, которыми мы жили в недавние времена, будто она смело смеётся над этими страхами. Да не смелая она, а просто глупая ещё. Подлинная смелость сопряжена со знанием того, чему человек противостоит, у молодых же пока нет нужного опыта, они хорохорятся в состоянии, о коем говорят в народе: «жареный петух ещё не клюнул».

Невежество, тщеславие, самоуверенность молодежи, часто воплощаемые в категоричных суждениях и «чёрно-белом» видении мира, на полную катушку используются социинженерами и политтехнологами для осуществления манипуляций в её отношении. Задействовав лесть и играя на этих свойствах, манипуляторы добиваются от молодёжи нужных им действий, восприятия и мышления. Различные молодёжные субкультуры, контркультуры, формальные или неформальные объединения, группы или отдельные личности, при определённом воздействии на них СМИ и коммуникаций, а также при применении самых простых технологий (вроде флэшмобов, концертов и подобного рода акций), становятся полностью подконтрольными организаторам различных социальных и политических проектов.

Привыкнув принимать участие в «тусовке», безобидных флэшмобах, различных молодёжных акциях, молодой человек не осознает, не замечает и, конечно же, будет отрицать, что его фактически уже давно используют в своих целях их организаторы. Поэтому, получив соответствующие СМС-сообщения или сообщения в социальных сетях, многие из них пойдут, не задумываясь и не осознавая сути происходящего, принимать участие в новых акциях, которые могут принять характер мероприятий, вроде «акций» на «Чистых прудах» и «Болотной площади». Именно такого рода технологий часто и используются для организации «цветных» и «твиттерных» революций. Достаточно вспомнить, как с помощью молодёжных демонстраций свергали сербского президента Слободана Милошевича.

ДОЖИТЬ ДО ЗАВТРА

(Дневник солдата)

ПОВЕСТЬ

(От автора. В конце 60-х годов войска ПВО СССР в срочном порядке переходили на новый ракетный комплекс. По всей территории Советского Союза началось авральное строительство стационарных стартовых площадок)

17.06.1969

Моя солдатская жизнь круто изменилась. Собрали нас из разных подразделений Восточно-Сибирского округа и бросили на военную стройку. В этой глуши Красноярского края работать придется до самой зимы, а привезли нас сюда полмесяца назад.

Как знать, может, это и лучше, что меня сняли с дежурства на радиорелейной станции, где я имел много свободного времени, где я уже обленился и после двух лет службы ожидал только демобилизации. И вот — оказался, как нам объявили, «на строительстве объекта военного назначения».

Особо я не переживаю, нужно размяться, поработать физически, а то уже засиделся на своей спасительной станции.

Поселились мы в громадной палатке с двухъярусными койками. А

ПРОЗА

вокруг — только лес, переходящий в тайгу. И еще — комары с мошкаррой, которые нас уже замучили. Днём, когда жарко, мелкие мошки (их называют гнусом) тучей облепляют тело, и если их не отгонять, то они впиваются, как клещи. Ну а ночью невозможно спать от комаров. Укрываться с головой жарко, а если не укрываться — заедят.

Сначала полмесяца размещались, устанавливали стоместную палатку, кровати, строили кухню, столовую, пилили деревья, ровняли дорогу. Но главная работа вся впереди.

18.06.1969

Сегодня ставили бетонные столбы для огораживания территории объекта. Норма — 20 столбов на человека. День был очень жаркий и душный. Мы сняли гимнастерки и весь день нас донимала проклятая мошкара. Столбы тяжелые, устанавливали их вручную, и после 11 часов работы казалось, что поясница того и гляди переломится.

Здесь пока нет света, так что бриться стало для меня проблемой, потому что прежде, в части, я пользовался электробритвой. Лезвий у меня не было, и здесь их, естественно, нигде не возьмешь, приходится занимать у знакомых солдат.

От моего дивизиона, где я служил, мы находимся в пятнадцати километрах, а от деревни Ястребово, через которую идет дорога в дивизион, — в девяти. В последний год я частенько бывал там в увольнении... Перед отбоем я и еще два солдата решили идти в самоволку. Меня там ждала Галя... И после вечерней проверки мы пошли. Как только вышли на дорогу, пришлось прятаться от машины, которая возит на стройку воду, в ней сидел офицер. Затем всю дорогу бежали.

Добрались за 40 минут. Была уже полночь. Стояла тишина, и ни в одном доме не горел свет. Мы пошли в лес, на поляну, где обычно девушки жгут костры. По пути зашли на молочный завод. Там нас знакомая женщина от души напоила молоком и звала приходить еще.

На поляне около оврага горел костер. Мы подошли поближе. Среди девичьего смеха явно слышался мужской голос. Это мог быть один из молодых лейтенантов, которые так же, как и мы, ходят в самоволку из дивизиона. Костер горел у самого оврага. Мы спустились вниз, прошли по дну оврага и стали осторожно подниматься к костру, чтобы узнать, кто же там есть.

Подползли совсем близко и притаились в кустах. Вдруг от костра отделилась мужская фигура в трико и стала спускаться к нам, собирая сучья для костра. Мы сразу его узнали, это был один из наших солдат, со стройки. Мы окликнули его,

---

он немного испугался, но подошел и тоже узнал нас, обрадовался, и, громко смеясь, мы поднялись к костру.

Там было много девушек, но, самое главное, среди них была Галя. Все они удивились нашему неожиданному появлению.

Минут через пятнадцать мы с Галей ушли от костра в лес... Потом мы с ней долго сидели на скамейке возле ее дома, я обнимал и целовал ее. Расстались мы в три часа ночи.

Назад я возвращался один. Девять километров показались мне очень долгими. Шел и всю дорогу сочинял стихи, вернее, вслух говорил стихами, которые потом забыл.

Когда добрался до стройки, ноги уже еле двигались. Спать оставалось полтора часа. Но самое главное, из начальства никто так и не узнал, что я был в самоволке.

28.06.1969

Не могу сказать, что я привык к работе на этой стройке и особенно к условиям нашей жизни. После двух лет службы все больше тянет на гражданку, к обычным людям. И еще эти проклятые комары беспощадно грызут нас и днем и ночью. Работать и так трудно, а тут еще жара и это беспросветное множество комаров и мошкары, от которых невозможно укрыться ни на минуту. Комары здесь большущие, злые, неуклюжие, не то что подмосковные, они тучей облепляют наши тела и успевают насосаться крови. В том месте, куда комар вонзает свой хобот, кожа краснеет, чешется, выступают болезненные волдыри. А мы, стиснув зубы, работаем, не переставая отмахиваться и извергая отборнейшую брань.

Но это еще полбеды. После 11 часов работы мы, уставшие, ложимся спать. Однако ночью — тоже жарко, а комаров еще больше. Уснуть невозможно. Палатка наполнена разногласным нудным комариным гулом. Всю ночь мы ворочаемся, чертыхаемся, клянем такую жизнь и не можем заснуть. Многие выходят из палатки, бродят, бродят, потом ложатся прямо на землю, накрывают голову бушлатом и пытаются отключиться.

Я чувствую, что нервы мои уже не выдерживают, и от одного лишь жужжания комара возле уха меня бросает в дрожь. Лицо распухло от укусов, кожа под палящим солнцем шелушится и кусками сползает с лица, губы обветрились и потрескались, а вазелина ни у кого нет. Я понял, что комары — это настоящая пытка.

Вчера работали 15 часов вместо 11. Наша бригада поставила 29 столбов. 18 из них майор, начальник стройки, заставил выкопать и установить снова, уже после ужина, когда у нас должно быть личное время. Мы пытались договориться с

лейтенантом, командиром взвода, не посылать нас на работу после ужина, потому что очень устали, и обещали завтра с утра всё доделать. «Никаких «завтра», — отрезал лейтенант. — Будете работать сегодня». Мы сдержали в себе злость и пошли. Но половина бригады поначалу работать отказалась. Я и несколько других солдат сидели у костра и в дыму прятались от комаров. Лейтенант раскричался, пригрозил трибуналом и тем, что в субботу не отпустит нас в увольнение. Мы ему ответили, что мы не дети и сами знаем, что к чему, напомнили ему про устав. Но столбы мы установили, все-таки это армия.

10.07.1969

Уже более месяца я работаю на этой военной сибирской стройке. Все это время стоит жара выше тридцати градусов, и мы тут все стали черными от загара. Работаем по 11 часов в сутки, из них, наверное, около часа уходит на борьбу с комарами и мошкой.

Весь прошедший месяц не было дождя. Воды поблизости нигде нет, искупаться негде, единственное, что хоть как-то спасает от жары и пота, — это душ перед обедом и ужином. А весь день — под палящим солнцем, в поту, в работе и в пыли.

Врубаемся лопатами в сухую глину и роем котлованы глубиной три метра. Техники очень мало, в основном — БСЛ — большая саперная лопата.

Недавно нас возили ставить мост на лесной дороге. Вернулись все в крови от укусов мошкары.

Каждый вечер чувствую большую усталость, появилось желание поспать даже днем, чего раньше не было. За все время, проведенное на стройке, новых стихов не написал. Только переписал из черновиков начисто несколько стихотворений и послал в газету. Работа забирает все силы и время, не могу сосредоточиться. Личного времени всего полтора часа, и уходит оно впустую.

Ни разу не был в увольнении. В последнюю субботу не пустил майор — начальник стройки. Припомнил мне недавний мой пролет — кто-то ему настучал, что я был однажды пьян. Я не знаю пока точно, кто меня заложил, хотя подозреваю кое-кого.

Но в ту же субботу, уже в четвертый раз, я ходил в самоволку. Опять три часа был вместе с Галкой. С ней мне очень хорошо. Она такая милая и нежная со мной, что я просто не понимаю, отчего это. Но ради всего этого стоит бежать к ней девять километров за 35 минут (натренировался, раньше пробегал за 40) и идти обратно пешком полтора часа.

Сегодня четверг, в субботу буду записываться в увольнение.

Я долго не вел этого дневника. Не было времени даже на это, не говоря уже о чем-то более серьезном. А писать так хочется!

В дивизион, в нашу бывшую часть, возить нас перестали, даже в баню, вторую неделю не моемся.

Присел на поваленное дерево, пишу эти строки, отмахиваюсь от комаров, а из палатки дымовыми шашками выкуривают этих кровопийц. Уже темнеет. Недалеко парни сидят в кружок на траве, поют. Женька Гребенков, ефрейтор, москвич, играет на гитаре. А вокруг — глухой лес.

Вот уже кричит дневальный: «Строиться на вечернюю прогулку!»

Завтра продолжу свой дневник.

11.07.1969

Была тяжелая работа. Сильно устали. Ужин задержали на целый час — не привезли хлеба. Ужинали перед самым отбоем. В моем распоряжении десять минут, и я достал эту тетрадь. Чувствую, что ноги от усталости уже не держат. Клонит в сон. Пока дожидались ужина, успел погладить гимнастерку, так как завтра суббота, и я собираюсь идти в увольнение. Брюки погладить не успел — выключили дизель, который дает свет. В палатке темно. Неужели опять не пустят? Вообще-то майор обещал отпустить.

Сажу возле палатки, пишу, а глаза слипаются от усталости. Скорей бы отбой. Многие уже лежат в одежде на кроватях.

Где-то звучит гитара...

13.07.1969

Вчера была суббота. Работали до трех часов дня. Потом отдыхали. Я готовился в увольнение. Отпустили. В деревне встретился с Галей. С нею мы были три часа. Сначала танцевали в клубе, потом гуляли по улице. Она сказала, что во вторник уезжает и, возможно, надолго. У нее была такая красивая прическа, а в волосах — белый бант. Когда мы расставались, я взял этот бант на память до ее возвращения. И еще пообещал, что в воскресенье (сегодня) или в понедельник приду к ней в самоволку.

Сегодня утром после подъема не вставал до 9 часов и все равно не выспался.

Мне кажется, я здесь потерял способность писать стихи. В течение дня все время тянет ко сну, и в голове нет ни одной

светлой мысли. За целый месяц не написал ничего хорошего. То ли обстановка так влияет, то ли постоянная физическая усталость. Неужели так же будет и дальше?

14.07.1969

Вчера вечером почувствовал себя плохо. Появилась тошнота, ничего не мог есть, болел желудок и всю ночь знобило. Сегодня утром лучше не стало. Остался лежать в кровати и на работу не вышел.

15.07.1969

Вчера, в понедельник, я все еще чувствовал себя неважно, по-прежнему не было аппетита и болел желудок. После обеда заступил в наряд — на ночную охрану автотехники. Но сразу после этого старшина велел мне сменить постели офицерам. Я отказался и пошел помогать своим ребятам чистить картошку. Старшина рассвирепел, снял меня с ночного поста и поставил кочегаром на кухню.

Я знал, что во вторник должна была уехать Галка, и потому решил идти к ней в самоволку. Не дожидаясь вечерней проверки, я ушел.

Погода была пасмурная, надвигались тяжелые тучи и рано начало темнеть. Я спустился в овраг, намереваясь лесом укоротить путь, чтобы выйти на дорогу, ведущую к деревне. Но очень скоро стало совсем темно. Трава в этом густом лесу была так высока, что ее приходилось раздвигать руками, чтобы она не мешала продвигаться. Я спешил, натыкаясь в темноте на пни, на поваленные гнилые деревья, иногда падал, поднимался и пытался быстрее идти дальше.

В конце концов я, видимо, отклонился в сторону от дороги, углубился в лес и в темноте потерял ориентацию. Но продолжал идти и вышел на какое-то поле, долго бежал по нему, надеясь все же выскочить на дорогу. И вдруг, когда я уже перешел на шаг, пристально всматриваясь по сторонам во тьму и надеясь разглядеть знакомые очертания местности, я услышал вдалеке звук мотора, похожий на треск мотоцикла. Затем увидел свет фары. Я бросился в ту сторону, где промчался мотоцикл и, наконец, вышел на дорогу.

Успокоившись и сняв гимнастерку, я побежал к деревне. Но тут началась гроза и хлынул дождь. С каждой минутой он усиливался. Насквозь промокнув, я решил возвращаться, ведь до деревни оставалось еще километров пять, а прийти к Галке до нитки промокшим и продрогшим мне не хотелось.

Я побежал назад. Когда до нашей стройки оставалось где-то полкилометра, я вновь увидел свет фары движущегося мне

навстречу мотоцикла и тут же в несколько прыжков достиг ближайших кустов и скрылся за ними. Мотоцикл промчался мимо.

Весь мокрый и злой я вошел в палатку, когда солдаты еще не спали. Мне сказали, что старшина перед отбоем бегал, искал меня, кричал, чтобы я немедленно явился к нему. Но его сумели отвлечь каким-то другим скандалом, и он меня больше к себе не требовал. Я лег в постель и спал как убитый.

Сегодня весь день кочегарил в столовой. Болезнь вроде бы прошла. Вечером впервые за лето попробовал яблок — одному из ребят пришла посылка, а в ней — бутылка «Столичной». Оставили ее на следующий день.

16.07.1969

Пытался писать стихи. Получается с трудом.

18.07.1969

Работали с бетоном. Машины приходят и днем, и ночью, и нас не раз поднимали по ночам их разгружать. Спим и так плохо — донимают комары, а тут только уснешь — и тебя поднимают разгружать машины с бетоном.

Сегодня весь день бетонировали фундамент каких-то будущих корпусов, всё приходилось делать вручную. Обед перенесли на час позже. Пообедали — и тут же на работу, не отдыхали ни минуты.

После ужина сразу велели ложиться спать, потому что подъем будет в четыре часа утра.

Ноги еле таскаю. В самоволку уже давно не ходил. Стихи пишутся трудно, да и нет для них времени. Начались первые дожди этого лета, правда, недолгие. Может, скоро они будут идти чаще, и мы сможем хоть немного отдохнуть.

20.07.1969

Вчера работали с пяти утра до восьми часов вечера. Вымотались вконец. Еле вырвался в увольнение. А там случилось нечто непонятное и очень для меня неприятное.

Что-то странное происходит с Галей. Весь вечер она была надутой, не хотела со мной танцевать в клубе, не хотела идти на улицу и вообще отказывалась разговаривать со мной. Перед концом увольнения я все-таки вывел ее из клуба и спросил, что случилось. Она ничего определенного не ответила. Тогда я еще ее спросил: хочет ли она, чтобы я приходил к ней? Она опять не ответила и попыталась перевести разговор на звезды и на погоду. Мое настроение было испорчено.

Сегодня утром, в воскресенье, я написал ей письмо, где прямо сказал все то, что я думаю о наших отношениях. И еще написал, что не приду к ней, пока она не ответит. Потом ходил гулять в поле и сочинил несколько четверостиший. После обеда лег спать перед заступлением в наряд.

24.07.1969

22-го, во вторник, получил письмо от Гали, а в нем — всего пять слов: «Извини. Приходи. Жду!.. Твоя Галка». Но в тот день я работал 15 часов, и все время — таскали на носилках бетон. Закончили работу перед самым отбоем. Без всякой охоты поужинал и обессиленно рухнул на кровать. На самоволку сил не осталось.

Правда, целый день я думал о том, что обязательно увижусь с Галей, даже заранее побрился. Но в ту ночь никуда не пошел: лишь только добравшись до кровати, — уснул, как мертвый.

На следующий день, в среду, старался не перерабатывать, сохранял силы на ночь. И после вечерней проверки ушел в самоволку.

Один наш шофер сказал мне, что расстояние от палатки до деревни — девять километров двести метров, он засекал по спидометру. (Мои подсчеты оказались верными.) Я пробежал их за 35 минут.

По дороге около самой деревни пришлось прятаться от машины, в которой обычно ездит начальник стройки. Но самое неприятное ждало меня впереди. Оказывается, Галка-то утром этого дня уехала из Ястребова. Это меня ужасно огорчило, настроение опять испортилось, и я хотел уже было возвращаться назад. Но встретил там других солдат-самовольщиков, и мы пошли с девчонками в поле жечь костры. Возвратился в пять утра, спать уже не пришлось — в шесть подъем.

Сегодня весь день болели ноги и клонило в сон. Правда, после обеда я отвел душу, выспался на работе, так как офицера с нами почему-то не было.

28.07.1969

В субботу 26-го заступил в наряд дневальным. Перед ужином выпили водки. Затем ребята, которые вместе со мной находились в наряде, не дожидаясь отбоя, ушли в самоволку. Так я остался в наряде один — за двух дневальных и за ночного охранника автотехники. В три часа ночи самовольщики вернулись и передали мне, что в Ястребово приехала Галя, и что она просила, чтобы я завтра, в воскресенье, к ней не

приходил. Я, конечно, воспринял это как шутку, но на душе остался неприятный осадок.

27-го я все же готовился пойти в увольнение. Из списка майор меня не вычеркнул.

Перед ужином я выпил кружку водки, а после ужина нас повезли на машине в деревню. Приехали как раз перед началом фильма в клубе. Я увидел Галю — она со своими подружками заходила в клуб. Я сразу к ней подойти не решился, за что себя весь вечер ругал. Все зашли в клуб, и фильм начался. Ну а мы, солдаты, пошли гулять по деревне. Я подцепил двух девчонок лет по семнадцать и морочил им голову до конца киносеанса.

Когда Галя вышла из клуба, я тут же подошел к ней, и мы пошли к ее дому. Там, сидя на лавочке, мы долго проговорили. Она призналась, что ей не хотелось никуда уезжать, что уехать ее уговорила подруга и что она в шутку сказала, чтобы я не приходил. Но в то же время она отстраняла мои руки, когда я пытался ее обнять. А мне так хотелось хоть на миг прикоснуться к ее губам! Ведь всю эту неделю я ждал встречи с ней, попусту бегал за девять километров, скучал, мучился. И вот теперь — был удивлен и очень огорчен ее поведением.

Привезли нас в дивизион в три часа ночи. Вот так я почти не спал уже третью ночь.

Сегодня настроение было паршивое, думал о Галке, за что-то злился на нее и на себя. Наверное, в моем сердце возникло нечто похожее на любовь, но я не хочу никому в этом признаваться, даже себе. Ведь и Галя прекрасно понимает, что наши с нею отношения ненадолго, что я скоро уеду, и мы расстанемся навсегда, а ей нужно еще учиться. И ей я не хочу говорить о любви, хотя, кажется, я и вправду люблю ее.

Работали в дождь. Рыли котлован под пусковую установку.

31.07.1969

Я вновь побывал в деревне. Вчера вечером вместе со своим командиром отделения я побежал туда. Бежали довольно быстро, в одном темпе, не останавливаясь, и одолели расстояние за 30 минут. Прибежали, искупались в речке и, войдя в деревню, сразу встретили девушек. Среди них была и Галя.

Гуляли мы с ней до двух часов ночи. В этот вечер мне с нею было хорошо. Она мне казалась как никогда красивой, я не мог наглядеться на ее глаза, губы и волосы, которые хотелось без конца целовать и гладить, а черное трико замечательно подчеркивало ее фигуру.

Но главное для меня было не в этом, а в том, что мне хотелось услышать от нее важные, главные для нас слова. Нет, я

не услышал этих самых нужных мне слов, но она сказала, что очень ждала меня и что эта ночь — только для нас одних. А ночь была действительно прекрасна. Огромная сибирская луна висела в безоблачном темно-синем небе. Тихая звездная ночь, и ее бесподобные глаза, губы, щеки, волосы, которых я касался губами, и ее ласковый шепот...

Эти три часа нашего свидания пролетели, как несколько минут. Я чуть было не сказал, что люблю ее, сам не знаю, какая сила удержала меня от этого.

Сегодня работали на «горке» для локаторов. Стояла ужасная жара, градусов под сорок. Пот лил рекой с наших тел. На солнце нас так разморило, что перед обедом не было сил шевелить руками. После обеда весь взвод сидел в тени, в шалаше, и как ни кричал наш новый офицер «давай, давай!», на «горку» никто из нас уже не поднимался.

Сегодня мы мечтали о прохладе и о дождях. Интересно, о чем будем мечтать, когда это настанет?

9.08.1969.

С утра 6-го числа майор, начальник стройки, послал меня вместе с другими солдатами в тайгу за ягодами. До ягодных мест было километров двадцать, но дорога туда состояла из сплошных ухабов, ям и колдобин, и наш грузовой «газик» на них чуть не перевернулся. Но как только доехали до места, все дорожные неприятности сразу же забылись: войдя в лес, мы увидели, что он весь был усыпан ягодами. Всё вокруг было красным-красно от малины, бузины и смородины, которую здесь называют кислицей.

«Газик» уехал, а мы первым делом кинулись собирать малину. Быстро набрали по ведру, сами наелись досыта и завалились спать до прихода машины, благо, что в августе комары и мошкара уже почти не донимают. Но я, в отличие от остальных, почему-то не мог уснуть и пошел пройти по лесу вдоль дороги. Возшел на высокий холм, и передо мной открылось величественное море тайги (как в песне). Я просто застыл перед этой беспредельной, необычайной красотой: громадные вековые хвойные деревья и над ними — высоченные, устремленные ввысь остроконечные ели.

Тайга — это не наш подмосковный лес, по ней прогуляться не получится. Трава — с человеческий рост, сплошные заросли кустарников и на каждом шагу поваленные гниющие стволы. Одним словом — сибирские джунгли. Но хвойные деревья — благородные, громадные, некоторые в несколько обхватов, много кедра и пихты, которых я прежде почти и не

видел, разве что в Москве в ботаническом саду. Но и там такой громадности не было.

По пути назад офицер, сидевший в кабине «газика», по своим делам завез нас в дивизион, где мы служили до стройки, и там тайком за флягу водки мы продали другому знакомому офицеру полведра малины. И потом, сидя в кузове, пока ехали к себе на стройку, мы ее распили.

На следующий день я работал на строительстве подземного убежища — в глубоком котловане, на дне которого орудовал экскаватор, а мы выравнивали стенки котлована. Уже было не так жарко, как прежде, и к концу дня я почти не устал.

После отбоя пошел в самоволку. Вернее, как всегда, побегал. На этот раз я преодолел 9 км за 25 минут. Это был мой личный рекорд.

Галя оказалась дома. Знакомые девчонки позвали ее. Она вышла, накинув пальто на легкое платье. В эту ночь мы с ней гуляли долго. Бродили по всей деревне, сидели на разных скамейках и без конца о чем-то говорили. Как ни странно, на этот раз она не спешила домой. Ночь была теплая и яркозвездная, как это бывает здесь накануне осени. Падающие «звезды» то и дело прочерчивали небо красными полосами, а мы пытались успеть что-то загадать и не успевали.

Галя призналась, что иногда вела себя излишне холодно вато со мной и что вообще, как ей кажется, она может быть жестокой. Я сказал, что не знаю, как насчет жестокости, но вредной она бывает довольно часто. Это была, конечно, шутка, но в каждой шутке...

Я долго целовал ее перед расставанием. Лицо, руки, шею, плечи... И она сама прижималась ко мне и ласкала, как любимого... Я обещал, что приду завтра, в субботу, или в воскресенье. Расстались мы в два часа ночи. Назад я шел радостный и счастливый.

Перед подъемом мне удалось поспать всего два часа. Как только мы пришли на работу к котловану, я тут же нырнул в кусты, нашел укромное место и завалился спать. Наш офицер, лейтенант-необстрелок, который старше меня всего на год, через некоторое время сообразил, что среди работающих меня нет, походил кругом, поискал, но не нашел.

Когда я вернулся в котлован, он сразу кинулся ко мне с вопросом: где я был? Я сказал, что спал. Вечером он доложил об этом начальнику стройки, и тот пообещал мне, что я буду работать в воскресенье.

После обеда (всё же — суббота) мы не работали, но, как нарочно, надолго зарядил дождь, и бежать в деревню было

бессмысленно. Вот я и пишу эти строки в своем дневнике. Может, после ужина покажут какой-нибудь фильм, если привезут.

15.08.1969

Пятница. Вечер. Нахожусь в наряде на кухне. Весь день мыл посуду, наводил тут марафет и только что закончил чистить картошку. А ее нужно на 150 человек. На душе скверно.

Перед обедом была драка. Один дубоватый узбек за что-то ударил в лицо москвича Лаврухина (я в это время прилег вздремнуть ненадолго). Тот поднял меня, позвал дневального, тоже москвича, и мы пошли разбираться. К тому узбеку присоединились тоже два земляка. Но тот, первый, дуболом, оказался психованным — схватил топор и вновь бросился на Лаврухина. Мы с дневальным успели сбить его с ног и вырвали топор. Думали, что он остепенится, но не тут-то было. Он вскочил, побежал на кухню, где был поваром еще один его земляк, схватил огромный тесак и кинулся уже на меня. Я успел только крикнуть: «Брось нож!», но он ничего не соображал — летел на меня с дикими глазами и с тесаком в руке. И тут уже дневальный ударил его ногой в бедро, отчего он упал на колени. К нему подскочили два других узбека, вырвали тесак и стали успокаивать. Но он с озлобленной мордой достал из кармана другой, складной нож, однако обнажить лезвие не успел — мы с дневальным, быстро подскочив к нему, начали молотить его кулаками с двух сторон. Избили в кровь, а нож забрали. Его земляки — не вмешивались.

И вот сейчас сижу в столовой перед ужином, пишу, а настроение отвратительное, как будто меня и вправду ножом пырнули.

В прошедший понедельник был в самоволке. Полночи провел с Галей. Нам вновь было хорошо и радостно вдвоем.

Погода резко испортилась, то и дело идут дожди, ночи стали холодными. В нашей палатке все спят в одежде и под двумя-тремя одеялами, и все равно под утро такой колотун, что от дрожи уже никому не спится. Как говорят ребята, «потеет, дрожавши». Но после команды «Подъем!» встать не хочется — на воздухе еще холоднее. Старшина орет и всех стаскивает с кровати за ноги.

Что же будет в сентябре, когда выпадет снег?..

21.08.1969

О нашей драке с узбеком на следующий же день узнало начальство. Для нас никаких последствий не было, даже на

разговор не вызывали, а его со стройки увезли, и он сюда уже не вернулся.

Я снова в наряде — на ночном посту. Днем перед ночным нарядом мы отдыхаем, и я до обеда спал, а все работали, хоть и шел дождь. Мне было отчего отсыпаться — прошлой ночью я бегал в деревню к Галке. И до этого, 17-го, в субботу, тоже вечером был с ней. Тогда я ушел до вечерней проверки и попал на танцы. Из солдат я там оказался один, и другие девчонки с завистью смотрели, как мы танцевали с Галей. Вчера же допоздна сидели с ней на лавочке, пока не вышла ее мать. Через девять дней она уезжает в город, будет там продолжать учебу. Когда снова увидимся — неизвестно.

Зарядили дожди. Сапоги не просыхают. Работаем в грязи, в воде, роем новые котлованы — вручную. У руководства стройки семь пятниц на неделе, не работа, а дурдом какой-то. Одни начальники приказывают делать одно, приезжают другие и заставляют всё переделывать наоборот. А два дня назад начальник стройки за то, что мы в этой липкой глине долго возились с котлованом, лишил нас дополнительного пайка — 20 г масла на ужин.

Похоже, здесь я испортил желудок — постоянно чувствую боль. Боюсь, как бы не началась язва. Отсюда многие попали в госпиталь с испорченным желудком. Еда и впрямь плохая, грубая, селедка — ржавая, а мясо часто с неприятным запахом. Но в санчасть вряд ли меня отпустят.

28.08.10969

Всю прошедшую неделю работали под холодным мелким дождем и в липкой грязи. По ночам мерзли в своей палатке под тремя одеялами, а вечерами, если не моросил дождь, сидели у костра, пытались что-то напевать под гитару.

Кончается август, скоро осень, листья на деревьях уже начинают желтеть, а ночью на землю ложится густой темно-серый туман. Воздух сырой и знобкий. Сегодня среди ночи вышел из палатки — небо чистое, синее, и яркая огромная луна. Светло, как утром, и тихо. Деревья — не шелохнутся. Надолго запомню я эти светлые, тихие сибирские предосенние ночи. Написал стихотворение «Потянулись косые дожди...»

Слышал, что нас, дембелей, отпустят домой в ноябре. Осталось два месяца. Вроде бы совсем мало, но как их прожить...

31.08.1969

Лето закончилось. Жалко и грустно. Вроде бы впереди моя последняя осень в Сибири. Скоро я должен уехать отсюда. А

мне очень грустно. Может, потому, что здесь останется моя солдатская молодость и что этих молодых лет уже не вернуть. И еще потому, что скоро придется расстаться с Галей — навсегда. И думать об этом с каждым днем все грустней.

Моя милая Галя... Сколько счастливых минут она мне подарила! Сколько радости и сердечных переживаний доставила она простому солдату! И вот мы расстанемся... Не могу представить, как это произойдет...

Вчера, в субботу, с нашей стройки никого не отпустили в увольнение. После вечерней проверки я побежал в деревню. И там возле клуба увидел Галю. Ничего подобного я раньше не видел. Она была так красива, так необычна, что внутри у меня от удивления разлился какой-то жар...

Я уже писал, что она временно переезжает жить в город Ачинск — будет там заканчивать 10-й класс. А вчера они с подругами решили устроить проводы лета: у одной из них заранее накрыли стол и пригласили нас, трех солдат, с которыми они встречались.

Давно я не сидел за домашним столом. Выпили, потом танцевали, пели под гитару, я прочитал стихи. Галя приготовилась к моему приходу — сделала красивую прическу, подкрасила губы и глаза, на ней было облегающее короткое платье... Я не мог на нее налюбоваться — сидел рядом и, как жених, млел от удовольствия. Я пил водку, а она, понемногу, вино.

Потом пошли прогуляться по ночной деревне. Походив, сели на лавочку, и я, пьяный от выпитого и избытка чувств, сказал: «Я люблю тебя». Да, я сказал ей это. И еще не раз повторил: «Я люблю, люблю тебя...» Галя молчала и только сильнее прижималась ко мне. Она была безумно красива вчера и так ласкова, так нежна со мной, что ничего другого, кроме этих трех слов, я говорить был не способен.

Расстались мы утром, когда уже светало. Наши лица горели от поцелуев и ласки.

Назад я еле шел, качаясь и засыпая на ходу. Я машинально брел к своей палатке, и какое-то непонятное, тоскливое чувство сдавливало мне сердце и горло. Ужасно хотелось быть рядом с Галей, почувствовать ее всем собой, навсегда остаться с ней, но армия, но эта служба рушили все мои желания, стремления и надежды. 9 км я преодолел за два часа, в палатку вошел перед самым подъемом — обессиленный и подавленный. Лег на чужую кровать, потому что моя была занята кем-то из самовольщиков, вернувшихся раньше меня. На завтрак не встал, и ребята поставили мою порцию в тумбочку. Но в десять часов утра начальник стройки поднял всех нас (в воскресенье) и приказал идти на работу.

Я еле стоял на ногах. Ребята из нашей бригады сказали, чтобы я шел спать, а они справятся с нормой сами. От меня и впрямь толку было мало. Я взял два бушлата и ушел спать в лес, в шалаш. Перед обедом меня разбудили, и мы на четверых распилили бутылку «Российской», после чего я почувствовал душевное и физическое облегчение.

Я рассказал ребятам о вчерашнем вечере, и мне вновь стало грустно. Галя уже уехала в Ачинск на неделю. Вернется в деревню только в субботу. И так теперь будет постоянно. В будние дни мы не сможем уже видеться. В следующую субботу, если не дадут увольнение, вновь побегу к ней. Это какое-то сумасшествие. С моей душой что-то случилось — я не знаю, как доживу до нашей встречи...

Вечер. Снова ненастье. Начальник стройки пьян, и потому те солдаты, кого раньше он не отпускал в увольнение, сегодня были отпущены и на машине поехали в деревню. Мне ехать не к кому. Я сижу на кровати, пишу этот дневник, и мне холодно даже в ватном бушлате. В другом конце нашей огромной стоместной палатки кто-то брэнчит на гитаре, кто-то подпекает...

Я сижу один и тихо повторяю: «Моя милая, милая, хорошая... Как я люблю тебя, люблю...» Пробую говорить стихами. Но говорить стихами труднее, чем ими думать. Я часто думаю стихами, это не трудно. Я могу думать ими долго и непрерывно. Но вот как только пытаюсь вслух стихами заговорить — мне что-то начинает мешать, я задумываюсь и не могу сразу подобрать нужные слова.

Мне почему-то давно уже никто не пишет, кроме матери. Может, теперь начнет писать Галя... За лето от нее не было ни одного письма. А когда-то, сразу после знакомства, мы писали друг другу через день...

7.09.1969

Воскресенье. Шесть часов утра. Все еще спят, а я — дневальный. Вчера меня не пустили в увольнение, и я обругал лейтенанта. Тот написал на меня рапорт командиру дивизиона и отдал его на подпись майору, нашему начальнику стройки.

12.09.1969

Пятница. Дело с рапортом майор, кажется, замял. Он вызвал меня к себе и показал этот рапорт, в котором лейтенант просит ходатайства комдива о предании меня суду военного трибунала за оскорбление личности. Начальник стройки оказался нормальным мужиком, спросил: как это могло

получиться? Сказал, что всегда был обо мне хорошего мнения, и дал понять, что всё уладится. Да, надо быть осторожнее и сдерживать нервы. Осталось служить каких-то полтора месяца, а я чуть было не испортил себе всю жизнь.

Стало совсем холодно. Без бушлата на воздухе уже не посидишь. Хотя сидеть почти не приходится. Как и прежде, работаем помногу. Роем новый котлован. На нас пашут, как на лошадях. Начальник стройки поспорил с комдивом на ящик коньяка, что к концу месяца котлован будет сдан, и мы теперь этот спор должны отработать.

Утром не хочется вылезать из постели — в палатке холодно и сыро. Но я заставляю себя резко встать, пока все еще спят, и по пояс голый выбегаю из палатки, делаю зарядку, потом под душем обливаюсь холодной водой и растираюсь полотенцем. Вот так и согреваюсь.

Целый день роем глину. Летом она была твердая, как камень. Теперь же — сырая и размякшая, еле отрывается от земли и намертво прилипает к лопате. А у нас норма — один кубометр в час. За десять часов работы нужно вырыть 10 кубометров. Никто эту норму не выполняет, потому что это физически невозможно. Но от нас все равно требуют то, что положено сделать.

Сегодня вечером в лесу выкопали из земли тридцатилитровую флягу, в которой у нас бродила настойка из черемухи. Эту флягу мы закопали две недели назад. Сегодня решили попробовать, что получилось. Открыли, выпили по кружке — понравилось. Правда, слабовата, но зато запах и цвет чего стоят! Много пить не стали, закрыли и снова закопали в землю, пусть дальше настаивается.

Пишу — и мерзнут руки. Что же будет дальше?

4.10.1969

В самоволки не бегаю. Во-первых, холодно, дожди, ночью подмораживает, в сентябре уже не раз выпадал снег. А во-вторых, Галя в будни находится в Ачинске и приезжает в деревню только на выходные. Но в увольнение нас теперь не отпускают. Мне передали, что она уже спрашивала, почему я не прихожу. Да я и сам очень хочу ее увидеть, но в то же время не понимаю: почему она не может мне написать? Ведь я же сказал ей, что люблю ее. И никакой весточки от нее до сих пор не получил... Странно мне это. Хочет меня видеть — пусть черкнет пару строк...

К тому же перед дембелем не хочу новых проблем из-за самоволок. Осталось-то, наверное, всего ничего. А проколешься — и могут дембель задержать.

9.10.1969

Погода мерзкая. Дождь, грязь, слякоть. Сапоги не просыхают. И вот в мокрых, разбитых сапогах ходим каждый день на работу, от которой уже нет никакого толку. Месим грязь и глину.

Два дня болели зубы, причем совершенно здоровые. Распухли десны и лицо, жевать больно. Вчерашнюю ночь не мог спать — промучился с зубами. И без того спать холодно, а тут еще эта напасть. Видимо, от сырости и холода, а заодно и от плохой пищи. В палатке хоть и стоит буржуйка, но от нее проку мало. Рядом с ней еще можно согреться, но целыми днями и ночами — дрожим. Я не бреюсь вторую неделю, как и многие другие. Глядя на нас со стороны, не скажешь, что мы в армии.

Когда же, кончится такая жизнь? Осточертела. Не знаешь, как дотянуть до завтра.

Пришло письмо из дома. Там меня ждут не дождутся.

14.10.1969

Скоро отбой. Я сижу в столовой и при тусклом свете делаю запись в своей тетрадке.

Утром на разводе одного нашего парня посадили в холодную будку, вроде как на местную губу. Старшина раздел его до гимнастерки и затолкал туда, а там дуборно, как под открытым небом. Они не имели права это делать, и я высказался, заступился за парня, сказал, что это бесчеловечно. Капитан объявил мне пять нарядов на работу за разговор в строю. И это всё, чего я добился. Справедливость и человечность — это не для нас.

От начальства пошел слух, что через два дня наша работа должна закончиться. Мы напомнили капитану об обещанном ДП (дополнительном пайке), и он дал нам по банке тушенки на двоих.

Прошедшие дни занимались бестолковщиной — выкачивали воду из котлованов. Днем выкачивали, а ночью они опять наполнялись от дождей. Дурь какая-то — зачем выкачивать воду, если всех отсюда скоро увезут, выкачивать будет некому, и котлованы вновь переполнятся? Зимой их завалит снегом, а весной они превратятся в бассейны. Но, кажется, до начальства что-то дошло, и эта глупость была остановлена. Или, может, нас просто нечем было занять?..

Вчера привозили кинофильм, вторую серию «Войны и мира». Нужно, конечно, видеть нас со стороны — то, как мы смотрим кино!.. Это цирк! Нас самих можно снимать для фильма о Гражданской войне. Все взбираются на двухъярус-

---

ные койки. Кто сидит, кто лежит по несколько человек на кровати. Кто в чем, одни разутые, другие в рваном грязном бушлате, третьи в такой же шинели, а кто-то в замусоленной гимнастерке. У одного погоны курсантские, у другого солдатские, а у третьего их нет совсем. Небритые, с усами (что в армии запрещено), лохматые, и почти все курят. В палатке стоит смрад от папиросного или махорочного дыма, от коптящей буржуйки, от сохнувших портянок и сапог. Сплошная анархия.

Даже не верится, что когда-то это всё кончится.

16.10.1969

Ночью поднялся ураган. Ветер с таким остервенением рвал и расшатывал палатку, что, казалось, она вот-вот улетит. Утром подняли на работу. Глина замерзла, и грязи почти не было. Ветер пронизывал насквозь, было трудно дышать. Мы пытались разжечь костер, но ветер его задувал, и согреться было невозможно. Гудронировали убежище. Потом на гусеничном тягаче ездили в поле за сеном, подъезжали к скирдам и грузили в тягач, но ветер то и дело его срывал и уносил. И все равно мы упорно продолжали возить в убежище сено — как нам сказали, для утепления. В конце концов тягач сломался. Конечно, железо слабее человека. Мы легли в сено и ждали. Чего ждали — никто не знал, но уходить было нельзя: раньше времени возвращаться в палатку строго запрещено. И мы лежали в сене на страшном ветру, спрятав лица в бушлаты. Я невольно задремал. Когда же проснулся, то почувствовал, что весь дрожу и что ноги совсем окоченели. Мы вылезли из сена и побрели в палатку за час до обеда. Но палатка вся ходила ходуном и во многих местах порвалась от сумасшедшего ветра.

Столовая у нас без стен — пол, столы и крыша. Так что обедали тоже на ветру. Еда мгновенно стыла, и мы старались быстрее управиться с ней. Скоро, как всегда, у меня началась изжога и опять заболел желудок.

После обеда нас послали помогать другой бригаде. Накрывали соломой еще одно убежище. Солому возили с полей на КраЗе — можно сказать, воровали у совхоза. На одно убежище уходит до 20 КраЗов соломы. А тут четыре убежища. Так что мы свели на нет огромный труд работников совхоза. А ведь работа наша ненужная. За зиму с пустыми убежищами ничего бы не случилось.

Как обычно, вечером солдаты сидят возле печки и поют под гитару. Даже ветер и холод не портят их настроения. Впрочем, здесь больше нечем заняться. По транзистору сообще-

---

ли, как семь наших космонавтов летают в космосе. Но никто этого не слушал, и никого здесь это не волнует.

Вспомнил о комарах и летней жаре, в которой нам было так же плохо.

До ноября осталось каких-то полмесяца. «Каких-то»... Для меня это целая вечность. Нужно продержаться и, главное, не заболеть.

19.10.1969

Валит снег. Земля замерзла. В умывальнике вместо воды — лед. После подъема пошел на кухню, набрал в кружку воды из бочки, вышел на ветер и умылся. Но многие вообще перестали умываться по утрам. Капитан сказал, что сегодня — «последний аккорд» нашей работы на стройке. Но я сегодня дневальный.

Звонил в дивизион. Там завтра начинается полковая проверка. По всему дивизиону проводят шмон. На моей релейной станции ребята обещали перепрятать в кинобудку мои тетради и книги. Опасаюсь за свой чемодан с рукописями и письмами.

Все время мерзнут ноги и руки, согреваемся только у печки. Палатка продувается ветром, хоть она вся наглухо задрена и в ней стоит постоянный мрак. Живем как в пещере, натываемся друг на друга. Курсантов отсюда уже увезли. На ночь я укрываюсь пятью одеялами и еще сверху бушлатом.

Начальство говорит, что скоро отсюда съедем.

23.10.1969

Все еще нахожусь на стройке. С отъездом отсюда — тянут. Каждый день находят новую работу, говоря, что, мол, как только ее закончите, так сразу и уедете. И мы верим, работаем «аккордно».

Вчера уехали красноярцы. Когда они собирались в отъезд, мы, ачинцы, были на работе. Они перевернули вверх дном всю палатку и перетряхнули все тумбочки. У меня теперь нет ни мыла, ни зубной щетки с пастой, ни полотенца. Но эту тетрадь я прячу под наволочкой в подушке.

Мороз усилился. Для умывания воды нет совсем. Почти вся техника разъехалась, а мы остались. Из-за отсутствия воды вчера не было ужина, и нам выдали сухой паек. Сегодня старшина на вездеходе привез хлеб, махорку и почту. Мне было письмо от матери. Дома меня очень ждут.

Сегодня строили казарму, месили бетон, который на морозе схватывается, а вместе с ним «схватывались» и ноги в разбитых сапогах. Работали почти без перекуров и только по

очереди бегали по одному к костру, чтобы отогреть ноги. А вчера после отбоя ходили разгружать шлак.

Холод по ночам уже пробирает под пятью одеялами. Палатка раскачивается от ветра, канаты — звенят, а ходящие ходуном «стены» толкают кровать и обрывают сон.

Сегодня сюда приезжал зам. командира дивизии. Сказал, что нам нужно быстрее разъезжаться. Ну да, а то мы без него этого не знаем...

31.10.1969

Не помню, какой сегодня день недели. Кажется, четверг. Случилось то, чего я совершенно не ожидал и даже не предполагал, что это случится, что меня оставят здесь, в лесу, неизвестно на какой срок. Уже пятый день я живу в офицерской будке. 25-го я просил, чтобы меня здесь не оставляли, но начальство не хотело и слушать. Нас, трех рядовых и одного сержанта, отвезли на дивизион, там мы вымылись, выбрились, подстриглись, и тут же нас отвезли назад, на бывшую стройку. Всех остальных развезли по дивизионам. Нам оставили продукты, карабин без патронов и приказали следить за стройкой, уже заваленной снегом.

В первый день мы устраивали и утепляли свое жилье — офицерскую будку. Она тоненькая, летняя, быстро охлаждается, ее продувает ветром, а морозы уже стоят серьезные. Заготовливали дрова, ведь их надо будет много, чтобы нам не замерзнуть среди ночи. Работали все эти дни так, что некогда было домой написать и взяться за дневник. Рядовой Шубкин сходил в ближайший совхоз и принес бутылку «Московской». Приезжал капитан, привез яблок, печенья, конфет, но самого нужного не привез. Нам позарез нужен аккумулятор для света — ведь готовить ужин, да и ужинать приходится в полной темноте, на ощупь, нам не оставили даже керосиновой лампы. Нет лезвий, чтобы бриться, нет воды, чтобы готовить еду. Приходится на печке-буржуйке растапливать снег, от которого воды получается очень мало, и она совершенно обессоленная, противная, на нее уходит много соли.

Телефон молчит. Долго искали обрыв провода, пришлось залезать на столб без когтей, с помощью проволоки. Безрезультатно. На пятый день продукты оказались на исходе, а позвонить в дивизион было невозможно. Капитан сказал, что продукты будет привозить старшина. Но мы знаем этого старшину, которому всё по барабану. И еще капитан сказал, что после 7-го ноября начнут увольнять дембелей. Обещал, что меня уволят в первую очередь. Но верится плохо.

Только сегодня написал матери. Уже и не знаю, удастся ли вернуться домой к своему дню рождения...

Сержант Линкевич с рядовым Шубкиным ушли искать обрыв связи, по пути зайдут в совхоз, возьмут четыре бутылки «Московской» к празднику. А мы с рядовым Короленко работаем здесь, утепляем будку, готовим обед, расчищаем снег. Пока всё, надо идти работать.

1.11.1969

Вот уже и ноябрь. Я был уверен, что это последний месяц моей службы. Как я его ждал! Два с половиной года! Сколько всего пережил! Но будет ли он последним — уже и не знаю толком. Третий год идет, как я покинул родные места, и ни разу не побывал дома.

Да, я всё еще здесь, в Сибири, — живу в лесу. Сижу в нашей маленькой дощатой холодной халупе, где летом ночевали офицеры, возле самодельной печки-буржуйки, растопить которую — настоящее наказание для каждого из нас. Она дымит, гудит и пытит, как паровоз, и, разогревшись, отдает тепла ровно столько, сколько нужно, чтобы утром не проснуться с отмороженными носами. Правда, есть еще печь на кухне бывшей столовой. На ней мы и готовим себе еду.

Возле маленького окошка с одним треснутым стеклом стоит на столе купленная нами в деревне керосиновая лампа, рядом с которой по вечерам, когда воет вьюга, а наша несчастная буржуйка словно подвывает ей, в полумраке, прижавшись друг к другу, мы читаем книжки, пишем письма и даже «забиваем козла».

Часто в наше окошко заглядывает по-зимнему маленькая луна. Я долго смотрю на нее, сидя у дрожащего огня тусклой лампы, и, кутаясь в бушлат, мечтаю о чем-то очень далеком. В такие минуты я думаю о Гале.

Шубкин и Короленко ушли за водой в лес, на ручей. Это довольно далеко, надо по сугробам тащить сани с большими флягами. Давно пора варить обед, а их всё нет. И я для обеда растапливаю снег: кто их знает, когда они возвратятся? Линкевич утепляет стены будки, чтобы ее не продувал ветер. А снега вокруг навалило чуть ли не по пояс. Зима здесь начинается рано. Морозы ударили крепкие.

Сегодня суббота. Решил вечером сходить в деревню. Давно я там не был. Даже не представляю, как меня встретит Галя, будет ли рада...

Продукты не завезли. Надо чистить картошку. Может, про нас уже забыли?

2.11.1969

Вчера в семь часов вечера с сержантом Линкевичем мы ушли в деревню. Перед этим я в полутемноте приготовил обед, в полной темноте пообедали и поужинали одновременно, в полной темноте побрились, переоделись во всё теплое и пошли по сугробам и колдобинам в Ястребово, куда я всё лето бегал к Галке. 9 км прошли за полтора часа. По случаю воскресенья в клубе были танцы. Оказалась там и Галя. Увидев меня, она заметно заволновалась. Я подошел к ней. Окруженная подругами, она сидела с опущенными глазами. На лице отражалось смятение. Я перекинулся несколькими остротами с ее подругами и затем пригласил на танец. Во время танца она сказала, что лишь день назад узнала о том, что я до сих пор нахожусь в лесу.

«А ты похудел», — заметила она, ласково взглянув на меня. Похоже, Галя старалась скрыть свою радость от нашей встречи. Но я своей радостью не скрывал — танцевал с ней и открыто улыбался. Но стоило нашим взглядам сойтись — и она тоже не могла сдерживать улыбки.

После танцев мы долго гуляли по главной деревенской улице. Была тихая, прекрасная ночь. Галя несколько раз повторила, как ей хорошо сегодня. Она не мерзла, как обычно, и не спешила домой. Сказала, что со мной ей ничего не страшно, что одна она ни за что не пошла бы ночью по деревне.

Мы стояли у ее изгороди, прижавшись друг к другу и говоря о каких-то пустяках. Я поднял ее лисий воротник и опустил на него свое лицо. Потом долго и много ее целовал и, разволновавшись, вновь повторил слова, сказанные ей два месяца назад: «Я люблю тебя». И еще несколько раз произнес это. На прощание сказал, что каждый день буду думать о ней. Мы договорились встретиться в ее каникулы, которые начинаются завтра.

Оказывается, после каникул она будет жить и учиться в деревне Ключи, которая ближе к нашей стройке, но туда нет от нас дороги. Между нами — лес. Но я все равно этому обрадовался. На лыжах туда можно добираться быстрее. Надо только раздобыть лыжи.

У нас закончился хлеб. Завтракали и обедали без хлеба. Но самое главное — мы восстановили связь с дивизионом и сообщили, чтобы нам срочно привезли продукты. К нам на вездеходе едет старшина. Он заберет нас на дивизион, мы там помоемся в бане, заберем продукты и вернемся назад.

4.11.1969

Еще один вечер. Я сижу у керосиновой лампы и пишу. За темным окошком гудит ветер. И больше ни звука. Шубкин и Короленко ушли в Ключи. Линкевич, сидя напротив, читает книгу.

Вчера ночью, возвращаясь из Ключей, Шубкин обнаружил в своем самодельном капкане (оселке) зайца. Притащил он его, когда мы спали, большущего, белого, пушистого, а утром ошарашил нас своей добычей. Мы не могли нарадоваться, ведь у нас закончилось мясо. С утра начали разделывать этого зайца. Причем до этого никому не приходилось снимать шкурку. Но мы это сделали, правда, долго повозились, но сняли хорошо. Шкурка получилась прекрасная, мех чисто белый, густой, зимний. Может быть, я возьму эту шкурку домой на память. Теперь у нас будет мясо, мы его отложили до 7 ноября.

8.11.1969

Вчера мы решили устроить праздник. 6-го числа привезли нам продукты на девять дней, даже угощения. Но вдобавок ко всему — доставили сюда молодого лейтенанта. Призванный недавно на два года после института, он поначалу казался нам своим парнем. Весь вечер травил байки о своих похождениях на гражданке, пьянках, женщинах — и сразу вошел к нам в доверие.

С утра 7-го мы начали готовить праздничный обед. Зажарили зайца, наварили картошки, риса, открыли консервы. Лейтенант, похоже, заподозрил что-то неладное и угрюмыми глазами смотрел на то, как мы раскладываем закуску. В час дня стол был накрыт, все расселись, и Шубкин достал бутылку. Лейтенант недоуменно, даже как-то испуганно взглянул на нее. Ведь его прислали как раз для того, чтобы мы на праздник не напились и никуда не отлучались отсюда. А тут ему самому предлагают участвовать в выпивке при такой обалденной закуске.

— Меня увольте, — опустив голову, с грустью сказал он.

Шубкин разлил бутылку по стаканам на всех пятерых и достал вторую. Лейтенант побледнел.

— У вас их тут что, целая батарея? — испуганно удивился он.

— Это всё, больше нет, — слукавил я и, улыбаясь, добавил: — Товарищ лейтенант, при таком закусе вы не сможете отказаться...

— Ну, я не знаю... — заколебался он. — Мне не положено...

— Сегодня всем положено... Мы ведь тоже люди...

— Кто сегодня не выпьет? Мы тут в тайге. Чего боятся? — кидали мы свои убедительные доводы.

— Вечером приедет моя смена, а меня после выпитого всегда выдает краска. Я на это дело слабый, — начал приbedнаться он, быстро забыв о своих вчерашних байках.

— Товарищ лейтенант, — не отступал я, — да кто сюда придет в такой день?

— А вы луком заешьте, — посоветовал Шубкин.

— Вечером в дивизионе все офицеры будут пьяные, никто в эту тьму не поедет. Выспитесь до завтра, — добивал его Короленко.

— Ну, в общем, так, товарищ лейтенант, — вступил в дело сержант Линкевич, — пропустим по стаканчику, ничего не случится. В честь такого дня можно.

— А, черт с ним! — махнул рукой лейтенант и взял стакан.

Выпили. Хорошо закусили. Поболтали о какой-то ерунде.

— Разливай вторую, — не выдержал долгой паузы Линкевич.

— Не, вы, ребята, пейте, а мне хватит, — отказался лейтенант.

Мы больше не стали его уговаривать, видя, насколько он трусоват, и осушили свои стаканы. На столе остался только один наполненный стакан. Мы начали азартно поглощать еду. Зажаренный заяц, хоть и немного жестковатый, был очень вкусным. В голове почувствовалось опьянение.

Разговорились и всё рассказали лейтенанту: и о летних, и о нынешних наших самоволках в деревню... Он слушал, слушал, и вдруг выдохнул: «А, ладно...» Поднял свой стакан и выпил до дна.

За столом сидели до трех часов дня. Потом решили незаметно от лейтенанта потихоньку собираться в Ястребово, там ведь намечались танцы... Выходили из будки, договаривались шепотом, кто когда пойдет. Лейтенант, конечно, понял, что мы собираемся уходить. Он позвал сержанта и сказал, что командир дивизиона приказал ему никого никуда не отпускать. Они долго о чем-то говорили наедине, в конце концов был отпущен только один Короленко — на три часа и не в Ястребово, а в Ключи, в магазин. Дали ему денег, и он пошел. А мы, оставшиеся, с хмельными головами залегли в постели.

Через три часа лейтенант нас разбудил, потому что Короленко к этому времени не вернулся. Струсив, он собрался звонить комдиву о пропаже солдата. Мы уговаривали не делать этого, уверяя, что тот скоро придет. Но лейтенант снял трубку и позвонил в дивизион. Комдив, конечно же, как и положено, был в это время пьян, долго не мог понять, о чем идет речь, несколько раз заставлял лейтенанта всё заново

повторить, в чем-то обвинял его, отчего тот выходил из себя, доказывая, что он тут ни при чем.

Через пятнадцать минут после этого разговора вернулся Короленко, сильно качаясь, но держась на ногах.

— Где ты был столько времени?! — набросился лейтенант.

— Ходил проверять петли на зайцев...

Лейтенант доложил об этом в дивизион. Комдив решил ехать к нам для разбирательства. А Короленко, как нарочно, в тепле развезло, и он отрубился. Мы вытащили его на мороз, били по щекам, растирали снегом. Он начал что-то бубнить несуразное, но на ногах не держался. Мы оттащили его на холодную кухню. Там он постепенно входил в чувство.

Мы все почистили зубы, чтобы отбить запах водки, выпили крепко заваренного чая. Короленко наконец мог самостоятельно стоять на ногах. Когда нам позвонили, что комдив выехал, мы решили лечь в постель. Короленко, само собой, мгновенно захрапел.

Через час на взездехе прибыл подполковник, командир дивизиона. Мы все встали. С горем пополам удалось разбудить Короленко. Сначала он не мог понять, зачем его поднимают, но вскоре очухался и даже сам оделся.

Комдив построил нас в шеренгу и, хоть сам был пьяненький, пристально всех осмотрел. Мы держались нормально, даже виновник переполоха. Около двух часов шло выяснение, куда уходил Короленко. Сержант сказал, что он сам отпустил его проверить петли на зайцев, но не доложил об этом лейтенанту. Комдив поверил, тем более что лейтенант подтвердил сказанное и назвал свой звонок в дивизион ошибочным. Короленко во время беседы с подполковником держался стойко, лишь немного покачиваясь и порой закрывая глаза. Но я сбоку поддерживал его за ремень.

Комдив привез с собой замену нашему лейтенанту — другого, но внешне более серьезного. Когда взездеход ушел, мы с облегчением завалились спать. Но я долго ворочался и не мог уснуть до трех часов ночи. То ли от крепкого чая, то ли от сокрушения, что не удалось в этот вечер вырваться в деревню на танцы, где была Галя...

Я успел спросить комдива о моей демобилизации. Он сказал, что я буду отпущен в конце ноября. Обещание капитана о моем отъезде в первой партии сразу после праздника не сбылось.

14.11.1969

13-го был мой день рождения. Я никому об этом не сказал. Но у нас оставались две бутылки водки, и мы решили их распить. К счастью, соглядатель-офисера от нас забрали.

Мы вновь приготовили хороший обед, как в праздник 7-го, только без зайчатины. И лишь я один знал, что пью за свой день. Вечером все, кроме меня, ушли в Ключи. Я остался в нашей будке один и весь вечер писал стихи. В Ключи я идти не мог, потому что дал слово Гае. Ведь 12-го я уже был там. У нее. Но всё по порядку.

Мы отправились в Ключи после обеда вместе с Короленко. Стоял приличный мороз. Мне нужно было попасть на почту, чтобы отправить домой книги. Шли семь километров — по сугробам, лесом, болотом, потом полем. На почту попали перед самым закрытием, еле уговорили приемщицу принять бандероль. Потом долго бродили по деревне в поисках дома, где снимала комнату Галя. Спрашивали прохожих, но до самой темноты никто не мог подсказать. И все же, намерзшиеся, мы его нашли. Было совсем темно, когда я постучал в окно. Сначала вышел какой-то парень, я попросил позвать Гаю. Вскоре вышла на порог и она. Первое, что я ощутил рядом с ней, — аромат духов, отчего мне вдруг стало даже теплее. Она засмеялась, увидев меня, и пригласила в дом. Короленко пошел к своей девушке.

Парень, которого я увидел, был сыном хозяев дома, а их самих в это время не было. Галя провела меня в свою комнату, включила торшер и принесла для меня пачку папирос. Мы с ней долго сидели друг против друга. Я рассказывал ей о нашей жизни в лесу, о пойманном зайце, о трусливом лейтенанте, о пьяном Короленко, ходившем за водкой в Ключи... Она была весела и шутила вместе со мной. Так мы просидели три часа. В любую минуту могли вернуться хозяева дома. Я понимал, что пора уходить.

Галя вышла на крыльцо проститься со мной, без шапки, лишь накинув на себя шубку с большим лисьим воротником. Я поднял этот воротник, крепко обнял ее и поцеловал в губы. Потом спросил: «Скажи, ты меня не любишь?» Она не ответила. Ветер растрепал по лицу ее распущенные волосы, она их не убирала и стояла молча с опущенными глазами.

— Я пойду, — выдохнула она.

Снова сжав ее в своих руках, я настойчиво заговорил:

— Ответь что-нибудь. Я не отпущу тебя, пока не скажешь...

Я должен знать...

Она молчала.

— Галя?!

— Я не могу тебе сказать.

— Почему, Галя?

Я гладил ее волосы, отводил их с лица и целовал, целовал ее горячие щеки, глаза, губы...

— Потом, милый, не сейчас...

— Когда потом? У нас уже нет времени. Я пришел, чтобы услышать ответ...

Я крепче сжимал ее плечи, но она не отвечала.

— Давай так, я приду в другой раз, и ты мне всё прямо скажешь, — я попытался помочь ей.

— Сюда больше не приходи.

— А если приду?

— Я не выйду к тебе.

— Ну ладно, я приду в Ястребово, в субботу...

— В Ястребово приходи, а сюда не нужно.

— Я приду в эту субботу. И ты мне всё скажешь.

— Не знаю. Может быть...

— Я приду только чтобы услышать. Ну всё. Теперь иди.

Она немного постояла в нерешительности, словно и впрямь что-то хотела сказать, медленно повернулась и ушла в дом.

Возле клуба мы встретились с Короленко. При лунном свете, согреваясь быстрой ходьбой по своим в сугробах следам, путь назад мы преодолели без особых проблем.

16. 11.1969

Суббота. Вечером пришла машина с продуктами. После ее разгрузки я попросил шофера отъезжать от нас на тихой скорости. С Линкевичем мы ее догнали, залезли в кузов и легли на доски. Опасались, что офицер, сидевший в кабине, посмотрит в заднее окно и нас увидит. Но он ни разу не обернулся, и мы благополучно добрались до Ястребова. Там мы спрыгнули с машины и отправились в клуб. Вся деревенская молодежь была в сборе, а среди них — Галя.

Я был каким-то скованным, неразговорчивым. Мы с ней танцевали долго, но почти молча, словно предчувствуя что-то неизвестное. Наверное, и она догадывалась, что вот-вот закончится разлучный танец...

После танцев, хоть и было морозно на улице, мы все же решили пройтись. Она взяла меня за руку. Говорила о какой-то ерунде, о своей звезде, которую так и не показала... Гуляли до часу ночи, пока совсем не замерзли. Подошли к ее воротам, но они оказались запертыми изнутри. И ей нужно было, чтобы попасть в дом, заходить с обратной стороны.

Я понимал, что это, скорее всего, наш последний вечер. Дождаться ее ответа на мой прошлый вопрос я больше не мог.

— Скажи что-нибудь на прощанье, — выдавил я. — Мы ведь скоро разлучимся. Может, навсегда...

— Я не знаю, что сказать...

— Что-нибудь... Ты обещала...
— Не заставляй меня, — посерьезнела она. — Я никому этого не говорила.

— Гали, я не могу вот так просто с тобой расстаться...

— Зачем тебе это? Ты скоро уедешь...

Я обнял ее. Она прижалась щекой к моим губам. Потом сняла варежку и стала нежно гладить меня по щеке. Я вновь спросил:

— Всё, что было между нами, у тебя было просто так?

— Что ты, нет конечно... — ответила она.

— Ты могла бы меня полюбить?

— Да.

После некоторого молчания я поцеловал ее в губы и снова спросил:

— За этот наш прошедший год ты хотя бы раз думала о любви между нами?

Она посмотрела на меня умоляюще.

— Милый, хватит об этом... Ну зачем? Не спрашивай больше ни о чем.

— Пойми же, мы, может, никогда уже не встретимся.

Немного помолчав, она сказала:

— Если так, тогда к чему все эти вопросы?..

— Не знаю, как ты, но я не смогу тебя забыть...

Я видел, как она замерзла. Ей нужно было идти домой.

— Ну, прощай, моя дорогая Галка, — сказал я, напоследок отчаянно сильно обняв ее.

И мы расстались.

Всю обратную дорогу я думал только о ней и о том, что между нами всё кончилось. Стояла тихая морозная ночь. Я шел один по ночному снегу, и впереди расстилалась белая безжизненная равнина, а надо мной висело сибирское небо, усыпанное огромными звездами. Было ужасно грустно и тягостно на душе.

Прежде я не мог представить, как же это будет, когда мы в последний раз посмотрим в глаза друг другу... Но смогу ли я выдержать, чтобы еще раз не увидеть ее? Пусть, пусть она запретила, но я должен попасть в Ключи, чтобы хоть еще на мгновение сжать ее руку перед нашей окончательной разлукой...

21.11.1969

19-го переписывал стихи для Гали, которые хочу оставить ей на память. Вдруг зазвонил телефон, и нам передали, что уже выехал тягач, чтобы забрать нас в баню перед Днем артиллерии. Мы ведь как-никак артиллеристы...

В дивизионе мы с Шубкиным нашли в котельной старые лыжи и бросили их в кузов тягача. Вечером нас вернули назад. Ночью плохо спалось, сначала долго не мог заснуть, ворочался, думал о Гале, потом часто просыпался, дрожал от холода под двумя одеялами. Вставал растапливать печь.

Сегодня поднялся в 10 часов, вышел на мороз, сделал зарядку, облился по пояс холодной водой и обтер тело снегом, как я это делаю почти каждое утро. Завтрак заранее мы не приготовили, поэтому съели по банке рыбных консервов и сала. Потом я смастерил на лыжи крепления, лыжные палки и весь день катался по глубокому рыхлому снегу. К вечеру проложил лыжню до Ключей, вернулся уставший, но довольный. И вот снова сижу под тусклым светом свечи и пишу эти строки.

У меня созрел план. Если всё сложится нормально, я его постараюсь исполнить завтра.

23.11.1969

Впервые в жизни я ощутил дуновение смерти. Она догоняла меня, шла по пятам, была совсем рядом и когда до нашей избушки оставалось всего два километра, она уже тепло дышала мне в лицо...

Несколько дней я переписывал свои стихи специально для Гали. Перед возвращением домой я хотел сделать ей подарок, чтобы она всегда помнила о наших встречах и наших чувствах друг к другу. У меня не было более дорогого подарка, чем мои стихи. Галя была здесь для меня самым нежным, самым добрым и самым любимым человеком.

Мне стало известно, что в субботу, 22-го, десятиклассники проводят вечером «голубой огонек». Вот там-то я и собирался передать Гале сверток со стихами.

В тот день ребята меня отговаривали:

— Не стоит идти, сильный мороз, тьма, снегу навалило, назад не доберешься.

— Ничего, дело привычное, — ободрял я не столько их, сколько себя.

— Смотри, не вздумай отдыхать в дороге, замерзнешь. Тут лес ночью — не шутка, — предупреждали они. — Зря ты идешь один...

Я не хотел никого слушать, ведь не мог же я, испугавшись мороза, не исполнить своего последнего желания перед расставанием с Галей навсегда. Переоделся в теплое обмундирование и вышел из нашей избушки.

Тихий морозный вечер был похож на глубокую ночь. Яркая луна, словно желтое блюдце, медленно катилась по черным облакам и, казалось мне, готова была стать моим попутчиком.

Я встал на лыжи, затянул крепления на сапогах и отправился в путь.

По рыхлому снегу, наваленному за вчерашний день, лыжи скользили плохо. Сильно толкаясь палками, я шел вперед по знакомому мне маршруту. Проложенная прежде лыжня едва различалась. Я старался идти как можно быстрее, чтобы не замерзнуть до конца пути. Сначала мне и вправду было жарко, но в какой-то момент я почувствовал, что ноги начали уставать, и, самое странное, стали тяжелеть веки. Вспотевшее лицо покрылось инеем, брови и ресницы заледенели, отчего мне часто пришлось тереть глаза.

Вот я прошел через замерзшее болото, которое бывшим летом отталкивало нас топкими трясинами и жуткими криками каких-то ночных птиц. Вот миновал припорошенный снегом незамерзающий ручей с высокими крутыми берегами, куда мы несколько раз ходили за водой. Я часто поднимал голову и смотрел на небо, где над острыми верхушками елей и кедров плыла моя желтая спутница, придавая мне силы и успокаивая меня, отчего казалось, что я на самом деле в этом лесу не один.

И все же в деревню я пришел совершенно уставший. Спрятал лыжи в снег. В сырой от пота одежде и холодных сапогах я начал мерзнуть.

Школа находилась в центре деревни. На втором этаже в окнах горел свет, и оттуда доносилась танцевальная музыка. Я обошел школу кругом, но все двери оказались закрыты. Мороз одолевал меня, и мне хотелось во что бы то ни стало проникнуть внутрь школы, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Постучал в торцовую дверь. Никто не отозвался. Тогда я стал стучать сильнее. Наконец послышался девичий голос:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — сказал я, — мне очень нужно.

— Зачем?

— Я должен передать одну вещь.

Дверь открылась. Я увидел девушку в коротком белом платье с распущенными волосами. Она удивленно и вопросительно смотрела на меня и не могла понять, что нужно солдату здесь в такой мороз и в такое позднее время.

— Передайте, пожалуйста, вот это Гале, — сказал я, протягивая ей сверток.

— Какой Гале?

Я назвал фамилию.

— Может быть, ее позвать? — спросила девушка.

— Нет, нет, не надо, передайте и всё.

— А что ей сказать? От кого это?

— Ничего не говорите. Она сама всё поймет.

— Ладно, хорошо, — согласилась девушка и закрыла передо мной дверь.

Я отошел от школы к ограде и, сам не знаю почему, остановился. Уходить не хотелось. Я не собирался встречаться с Галей и был уверен, что, получив сверток, она поймет от кого это, но не выйдет ко мне. Однако я ошибся. Наверное, боясь, что я быстро уйду, она выбежала на улицу, как была, в легком платье, огляделась по сторонам и, увидев меня, в туфлях на высоком каблуке по снегу подошла ко мне.

— Зачем ты вышла? — первое, что сказал я.

— Здравствуй, — она протянула руку.

Я взял ее теплую руку, еле сдерживая себя, чтобы не обнять ее. Она была прекрасна.

— Ты откуда пришел?

— Откуда я всегда приходил.

Она опустила глаза и, покачав головой, улыбнулась.

— Ты когда уезжаешь? — Она казалась взволнованной.

— Не знаю... Зачем ты вышла? Замерзнешь...

— А что здесь? — она указала на сверток.

— Потом посмотришь...

— Ладно... Спасибо...

— Пожалуйста...

— Ну, когда ты уезжаешь?

— Не знаю, Галя, не говорят. Наверное, скоро.

Из школы вышла пожилая женщина, видимо, учительница, и позвала ее.

Галя хотела что-то еще сказать. Чувствовалось, что она замерзла.

— До свидания, — наконец выдавила она и снова протянула мне руку.

— Прощай.

Я сжал ее ладонь.

— Какая теплая рука... — сказал я.

Галя грустно посмотрела мне в глаза, повернулась и быстро пошла к освещенному подъезду школы.

Я вытащил из-под снега лыжи. Пальцы совсем окоченели. Отогрел их немного в карманах, вставил ноги в смерзшиеся крепления и двинулся назад, к себе. Ночь была по-пре-

---

жнему тихой и светлой, но мороз я уже чувствовал всем телом. Особенно мерзли руки и лицо.

Я сразу рванул что было сил, чтобы разогреться. Через несколько минут руки отошли, но пальцы на ногах я перестал ощущать. Лицо смерзлось и заледенело. Я чувствовал, как силы иссякали, и быстро двигаться на лыжах не получалось.

Пройдя с километр, я уже еле-еле переставлял ноги, глаза слиплись и начало клонить в сон. Но я шел вперед по рыхлому снегу, говоря себе: «Ничего, все будет нормально, главное, не останавливаться». Однако силы покидали меня каждую минуту, ноги становились ватными и не хотели слушаться. Во рту пересохло. Стоило мне остановиться и, облокотившись на палки, опустить голову, как в глазах становилось темно и приятный сон охватывал сознание. Но мысленно я еще владел собой, я понимал, что останавливаться нельзя, что нужно двигаться, иначе — уснешь и замерзнешь. «Только не спать, только не спать, не останавливаться и не спать», — внушал я себе всю дорогу.

Но не останавливаться я не мог. Нужно было растереть лицо снегом, чтобы отогнать сон, разодрать смерзшиеся ресницы и хоть чуть-чуть передохнуть. Очень хотелось пить, и я останавливался, чтобы положить в рот горсть снега. Но снег жажды не утолял, он лишь ее разжигал.

Вот я достиг болота. Кое-как проталкиваясь между высоких кочек, я не шел на лыжах, а тащил их вперед. Так я добрался до ручья. Вниз съехал благополучно, но, взбираясь наверх, всем телом уперся на одну из палок, она соскользнула, и я, не устояв, полетел назад. Упал возле самой воды. Снег на склоне был глубокий и обвалился вместе со мной. Одна лыжа слетела с ноги. Я с трудом встал, забросил соскочившую лыжу на берег и, упираясь палками и проваливаясь выше колена свободной ногой в снег, опять стал подниматься по крутому склону. Но уже на самом верху, когда оставалось сделать два шага, я оступился, нога вместе с обвалившимся снегом соскользнула, и я снова рухнул в сугроб.

Подниматься уже не хотелось. Мной овладели беспомощные чувства злобы и бессилия. Сделалось даже страшно от сознания того, что я здесь, в лесу, ночью — один, и никто мне ничем не поможет. Но я заставил себя подняться на ноги. Непослушными пальцами отстегнул вторую лыжу, забросил ее на берег и, собравшись с последними силами, карабкаясь голыми руками по снегу, с большим трудом вылез наверх. Только теперь, когда мороз казался невыносимым, когда хотелось плюнуть на всё, лечь на снег и уснуть, я до конца по-

---

нял то правило, что зимой, и тем более ночью, нельзя ходить в тайгу одному.

Я чувствовал, что всерьез замерзаю. Пальцы на руках бездействовали, застегнуть лыжные крепления я уже не мог, веки отяжелели и смерзлись, усы покрылись коркой льда. Желая пить, я то и дело облизывал губы. На теле, казалось, не было ни одного теплого места. Я засунул руки в карманы бушлата, воткнул ноги в ремни лыж и тронулся дальше.

«Нужно дойти... дойти... Я не должен тут замерзнуть...» — шептал я. И тут мне представилась наша теплая печка-буржуйка, потом, словно в прекрасном сне, перед глазами всплыла керосиновая лампа... Я потрянул головой, счастливые видения исчезли. Передо мной лежала серая равнина мертвого, пустынного поля, и только одинокая луна, как тусклая свечка, мерцала над ним. «Значит, болото и лес уже позади» — дошло до меня. Оставалось два километра пути, которые казались мне непреодолимыми, потому что сил у меня уже не оставалось. Впервые в жизни я ощутил дуновение смерти...

Я не знаю, как преодолел эти последние километры, откуда взялась во мне энергия, спасшая мне жизнь, и меня не нашли утром, уснувшего последним сном. Каким-то чудом я очнулся в овраге за двести метров до нашей избушки. Очнулся от того, что сильно ударился головой о дерево, когда съезжал на дно оврага. Какая-то внутренняя интуиция заставила меня, находившегося в бессознательной полудремоте, двигаться по собственной лыжне и привела к этому оврагу. Идя вниз, лыжня сворачивала в сторону от стоявшего впереди дерева, но я этого уже не видел и просто врезался в него. Тут я и пришел в себя, словно проснулся. Вижу — лежу на снегу. Болит лоб. Ни рук, ни ног, ни холода я уже не ощущал, все чувства притупились. Полежал немного, потом вдруг как-то сразу всё вспомнил — зачем и куда ходил и что нужно обязательно дойти до тепла. Приподнялся. Ноги тряслись, как только что пришитые. Холодными кулаками протер глаза: лыж рядом не было, и, проваливаясь по колено в снег, стал медленно подниматься наверх оврага.

Какаясь, точно пьяный, дошел до нашей избушки, два раза ударил в дверь и, не дожидаясь, когда мне откроют, уснул прямо на пороге. Как меня внесли в избу, как раздели и уложили в постель — я уже не слышал. Потом ребята мне рассказали, что я сквозь сон упорно повторял: «Не спать, не спать, только не спать...»

Поздним утром, закутанный в солдатские бушлаты, проснулся я от стука в дверь. Пришла машина с продуктами.

* * *

Ты во мне поселилась, милая...
Как теперь без тебя прожить?
Я прошу: ну попробуй, смилуйся,
слово ласковое скажи.
Ты пугаешься: «Нет, не спрашивай.
Ах, зачем это все, зачем?»
Позабудутся дни вчерашние,
мы расстанемся насовсем...
Не бывает в разлуке верности.
А слова... Что тебе от них?..»
Я смотрю, и никак не верится,
чтоб вот так мне любить других.
Я смотрю, и ничуть не жалко мне
для тебя самых сладких слов.
Ну хотя бы возьми, пожалуйста,
ты на память мою любовь...

* * *

Мне на голову звезды падают;
для чего — не пойму и сам...
Я бреду — и ничуть не радует
эта ночь, что светила нам.
И взираю на всё печально я,
и развеять печаль невмочь.
Всё последнее, всё прощальное:
эти звезды и эта ночь.
Этот снег, голубыми бликами
леденящий тепло очей,
и вот эта дорога длинная,
что меня выводила к ней...
Всё прощальное, всё последнее:
и сибирская эта луна,
и равнина ночная, бледная,
и тайга, что как тьма черна.
И ее поцелуи влажные,
и мои — столько раз подряд,
и последнее рук пожатие,
и последний прощальный взгляд.
Написать ей, наверно, надо бы,
охладев ко вчерашним дням...
А на голову звезды падают...
Отчего — не пойму и сам.

ПРОЩАНИЕ

Знаю: нужно сказать «до свидания»,
но никак не хватает голоса...
О, как хочется мне на прощание
целовать твои руки, волосы,
эти губы до блеска алые,
эти плечи твои любимые
и вот эти глаза лукавые,
в самом сердце моем хранимые.
В жизни так очень часто водится:
остается любовь одна.
Мы уходим, верней, расходимся,
только здесь ни при чем она.
Может, что-то тебе и вспомнится,
если встретишься с ней в пути.
Ты ее обогрей, бездомную,
а меня за нее прости.
Но на счастье в дорогу дальнюю
ты мне что-нибудь пожелай.
Я уже не скажу «до свидания».
Знаю: лучше сказать «прощай».

25.11.1969

Узнал, что 22-го из дивизиона уехала еще одна партия дембелей. Почти все — москвичи. Я в нее не попал. Ужасно обидно. Они уже дома, а я все еще здесь. А ведь мне нужно успеть поступить на подготовительные курсы в МГУ. Если отпустят поздно, я могу не успеть.

Здесь я ни на что не нужен, валяю тут дурака, ни черта полезного не делаю, сплю, немного читаю, играю в шахматы. Время проходит попусту. Сидим тут, как сурки, оторванные от жизни. Два с половиной года отдал службе, почти все школьные знания позабыл, надо всё заново восстанавливать. А что приобрел, кроме издерганных нервов и измученной души?.. Сам удивляюсь, как я всё это выдержал? Но все-таки выдержал. Правда, написал много стихов... Но я писал бы их где угодно.

Я не жалею о службе. Она укрепила мой характер, и физически я стал сильнее. Но я жалею вот об этих днях, когда мне давно пора быть дома, а меня всё не отпускают, всё чего-то тянут с моим увольнением. А ведь я здесь, в этом лесу, совершенно не нужен.

Еще один поздний вечер. Шубкин и Короленко играют в шахматы, из «Спидолы» доносится эстрадная музыка, на

столе горит керосиновая «настольная» лампа. В маленькое окошко нашей «избушки» светит луна. Грустно. Писать здесь стихи больше нет никакого желания. Чувство изоляции и тупой несвободы давит на душу и на сознание. Очень тягостно.

28.11.1969

Вчера была пурга. Ветер сбивал с ног. Весь день стояла тьма от метели. Но мы пилили деревья и заготавливали дрова. Чистая вода кончилась. На ручей ходить далеко, и снег уже глубокий. Варили еду в плохой воде, которую берем из пруда. Она мутная, и глядя на нее, у меня пропадает желание есть. И без того испорчен желудок, а тут еще эта вода... Хотя мы и растапливаем снег, но от него воды получается мало.

Сегодня тоже пилили деревья и рубили дрова. Устали. Настроение паршивое. Уже ничего не хочется делать, всё страшно надоело. В этом месяце, наверное, не будет новой дембельской партии. Теперь надежда на декабрь. А ведь меня ждали дома в ноябре. На душе мутно. Всё мне здесь осточертело. Даже в самоволку не тянет. Завтра суббота, но я никуда не пойду. Буду просто спать.

4.12.1969

Господи, вот она, потрясающая, невероятная новость! В полк пришла телефонограмма из штаба армии, в которой сказано, что до 7-го декабря все старослужащие должны быть уволены. Знакомый телефонист меня разбудил ночью и прокричал об этом в трубку. Само собой, спать я уже не мог.

Сегодня из дивизиона ушла еще одна партия дембелей в пять человек. А 6-го будут отправлены все остальные! Значит, и я! От радости можно сойти с ума. Слоняюсь вокруг нашей будки и места себе не нахожу.

Господи, неужели дождался?! Кончилась моя служба! Кончилась моя Сибирь! Завтра за мной приедет машина — и всё! Даже не знаю, как мне прожить здесь эти последние 24 часа. Хочется залезть на дерево и кричать что есть мочи.

Дожить! Дожить до завтра!..

20.12.1969

Итак, закончилась моя служба. Неделю назад я вернулся домой, в свой родной подмосковный город. Все эти дни я наслаждался свободой, домашним теплом, общением с друзьями и старался не думать, не вспоминать о недавних своих армейских тяготах и сердечных волнениях в Красноярском крае. Мне казалось, что все это позади, где-то далеко-далеко, что все это ушло в прошлое, рассеялось, как тягостный сон.

Но сегодня вдруг получил авиаписьмо. Судьба догоняла меня посланием из той самой деревни, где жила Галя. Это было письмо от нее, и оно говорило, что там, в Сибири, тоже продолжается жизнь, что все это было не сном, что там осталась та, кто помнит и думает обо мне.

Ее письмо было исполнено большой грусти и даже тоски. Она хотела не просто напомнить мне о себе, не просто укорить меня за то, что я отказался встретиться с ней перед демобилизацией, нет, она впервые сказала мне о своей любви.

Оказывается, узнав о том, что за несколько дней до увольнения в запас меня переправили в часть из той «избушки», где мы охраняли стройку, Галя тоже перебралась жить в свою деревню, в Ястребово, к родителям. Она надеялась, что перед отъездом домой я с ней обязательно увижусь. Но этого не случилось. И вот что я прочитал в ее письме:

«...Сейчас я, конечно, понимаю — мои ожидания, мои переживания были бессмысленными. Что дала бы нам эта встреча? И что сказали бы мы друг другу? Ведь мы оба должны были понимать неизбежность нашего разрыва навсегда. Но ничего с собой поделывать я не могла. Ты знаешь, я веду дневник. И я хочу поведать тебе, что было мной записано в нем после того вечера, когда я тебя ждала и ты не пришел. Пусть это останется не только со мной, но и с тобой. Вот эта запись:

«Я ждала. Я мучительно ждала сегодняшнего вечера. Я слышала, что завтра солдаты уезжают домой и среди них уезжает он. Он уезжает...

Конечно, сегодня они должны в последний раз прийти в увольнение. Я с утра готовилась к этому вечеру, я все думала: ЧТО я ему скажу, КАКИЕ слова? Да что слова, я скажу, КАК я его люблю, люблю!

О, я почему-то раньше не придавала значения нашей предстоящей разлуке и считала, что она будет совсем обычной, что мы расстанемся просто так и скоро забудем друг друга, как будто между нами ничего и не было. А действительно, ЧТО было?

Было, было! Он любил меня. «Но какая любовь может быть у солдата? — размышляла я. — Это лишь пустые слова, им, этим словам, нельзя верить». Но что же теперь? Что со мной случилось?

Теперь, когда он должен уехать, я поняла, как была глупа; я не могу с ним расстаться, я люблю его — вот что случилось теперь! Но когда это случилось? Не могла же я полюбить так вдруг, сегодня утром... Ну, конечно, я любила его давно, гораздо раньше — когда мы встречались, хотя и не могла или

боялась признаться в этом себе, или, вернее, я еще сама не понимала своего чувства, его возрастающей глубины, того чувства, которое молчало, когда мы были рядом, и казалось незаметным, но которое охватило и сдавило мое сердце, стало мучить меня и томить непонятым ожиданием и стремлением к близости с тем, с кем я должна теперь расстаться, может быть, навсегда. «Но нет, — решила я, — сегодня я ему всё скажу, всё, всё, всё».

Чем ближе время подходило к восьми часам вечера, тем сильнее охватывало меня волнение. Я боялась увидеть его. Казалось, за всю мою жизнь я ничего так жаростно не желала, как этой последней встречи, и вместе с тем страшно боялась, ведь до сих пор я была с ним слишком холодна, да, непростительно холодна, жестоко холодна, я мучила его, заигрывала с ним, дразнила и мучила. А он-то, он все равно приходил, за десять километров приходил ко мне. Зачем? Чтобы два часа побыть со мной наедине. И я принимала это как должное, как обычное. «Ведь многие же солдаты приходят к девчонкам, ну вот и ко мне приходит», — говорила я себе. И он приходил, да нет — прибегал, уставший, худой, взлохмаченный, в потертой гимнастерке и нежно сжимал мои руки в своих шершавых, мозолистых ладонях. Он гладил мне волосы, гладил и целовал, целовал долго и страстно мои глаза, мои губы, руки... Потом я спешила домой, а его просила уйти и приходиться только в увольнение, а не в самоволку. Но в увольнение он почему-то не приходил, а вот в самоволке был чуть ли не через день, вернее, через вечер. Я вела себя как легкомысленная девчонка, да я и есть девчонка!

«Ну что же это со мной происходит! До чего же медленно течет время!..» — ужасно нервничала я и, мечась по дому, ни минуты не могла посидеть спокойно, из рук все валилось, и я даже ничего не могла есть. Когда оставалось два часа до их увольнения, мне казалось, что я умру за эти два часа.

За окном уже было темно, в трубе завывал ветер, у окна раскачивались деревья, а я стояла перед окном и смотрела на дорогу, едва освещенную фонарями.

«А вдруг их не отпустят в такой мороз?» — думала я и тут же отгоняла эти мысли. «Они выйдут в половине восьмого и подойдут, наверное, к клубу. Хотя зачем к клубу, ведь сегодня не воскресенье и нет танцев. Так куда же они пойдут?..»

Теперь я уже не отходила от окна. Часы наконец показывали половину восьмого. Я оделась потеплее и вышла на улицу. Колючий ветер ударил мне в лицо. Я спрятала нос в воротник и пошла по дороге к клубу. Фонари слабо освещали дорогу, и вдали ничего не было видно. Я прошла мимо клуба,

---

затем повернула обратно к дому. Ветер пронизывал насквозь, у меня начали замерзать ноги. Но я сама хотела встретить его, встретить и броситься ему на шею, моему любимому, единственному.

Я снова медленно пошла по дороге, опять приблизилась к клубу, немного постояла, и вдруг... Да, я заметила в далеком свете фонарей темные силуэты, они раскачивались, приближались, шли, нет, как будто плыли, плыли мне навстречу.

Сердце мое лихорадочно заколотилось, так заколотилось, словно я шла на смерть. Но я бросилась бежать, да, я побежала к ним, и я уже не думала ни о чем. Может быть, это некрасиво выглядело со стороны, мне в эти минуты было на все наплевать, мне нужен был он, только он, один на всем свете. Я задышалась, кровь ударила в лицо, наверное, я вся покраснелась, казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

Наконец до них оставалось всего несколько шагов. Я остановилась и никак, ну никак не могла отдышаться, я дрожала всем телом, я искала глазами ЕГО. Их было немного, человек пять. Вот они уже совсем рядом, все мне хорошо знакомы, они часто приходили к нам на танцы вместе с ним, все улыбаются... Но где же, где же, Господи!..

— А, Галя, это ты, а мы гадаем, кто это бежит нам навстречу? Ну, здравствуй! Вот уезжаем завтра.

— Здравствуйте, — сказала я, а у самой спина похолодела.

— Ты, должно быть, своего ждешь? — спросил один из них.

— Я...

— А он не захотел идти...

Ноги у меня ослабли и сердце так сжалось, что, казалось, я сейчас упаду.

— Как? — отчаянно спросила я и, наверное, в эту минуту вся побледнела.

— Не знаю, — говорил все тот же солдат, — сначала он очень обрадовался, что нас отпустят в увольнение, но потом вдруг отчего-то раздумал, сказал, что нужно еще «на дембель» шинель подрезать, мундир подшить, ну, в общем, отказался идти.

— А может, он еще придет? — чуть не плача, глухим голосом через силу выдавила я.

— Нет, теперь уже вряд ли отпустят, — ответил он. — Ну ладно, мы пойдем... Хотя... — добавил он на ходу. — Вдруг вырвется, ты подожди.

И они заспешили в село. Там у них были девушки, с которыми они долго дружили и теперь должны проститься и в последний раз побыть наедине.

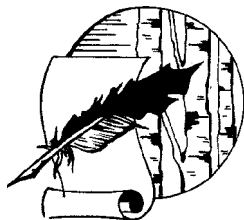

А я... я осталась на дороге одна. Я не могла идти, я никуда не хотела идти. «Этого не может быть! — еще твердила я сама себе. — Что же это, как же это! Ну почему, почему?!» Я была не в силах сдержать своих слез. Они текли, холодные, горькие, текли и застывали у меня на подбородке, скатывались за воротник, неприятные, противные. Я стирала их с лица шершавой варежкой, а они все текли и текли. Мне хотелось сейчас упасть в снег и уже не вставать, и плакать, плакать, пока не замерзну. И я заревела в голос, как ребенок, которого грубо и несправедливо обидели, которого ни за что сильно избили. Я ревела от бессилия что-нибудь исправить, чем-либо помочь своему горю. Никогда еще в жизни мне не было так горько, так страшно, как в этот вечер, который я ждала с самого утра.

Я шла и ревела, и боялась увидеть возле своего дома ту скамейку, где мы с ним просиживали до поздней ночи, ту соседскую ограду, из-за которой он доставал мне цветы, и наш забор, у которого он, прислонившись плечом, поджидал, когда я выйду из дома. Я шла и ревела, оттого что он так жестоко обошелся со мной. «Зачем, зачем так жестоко!» — бубнила я. Мне было обидно, очень обидно, что он так и не сумел за все время, ничуть не сумел меня понять...»

Это письмо я сохраню на всю жизнь как одно из самых дорогих сокровищ моего сердца.

Анатолий АВРУТИН

РОДНАЯ СТРАНА ШИРОКА...

* * *

Гудки паровозов... Проблем миллион...
Но я получал, хоть проказник,
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка полярный» — на праздник.

Пока из разрухи вставала страна,
Погибших запомнив едва ли,
Мой батя нарочно не ел допоздна,
Чтоб съели мы что-то вначале.

Все деньги у мамы... Но все-таки он
Твердил: «Без подарка негоже!..»
В кармане шинели — «Ромашка», «Цитрон»
И «Мишка...» — подавленный — тоже.

Всё помнится — эта большая рука
И килька с картошкой на ужин...
Мы знали — родная страна широка,
Нам берег турецкий не нужен...

Давно мое детство — не явь и не сон,
Но в память вошли благодарно
Конфеты «Ромашка», конфеты «Цитрон»
И «Мишка...» И «Мишка полярный»...

* * *

Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи,
В омут канула последняя звезда,
Это мне ли пред судьбиной неминучей
Всё считать-читать ущербные года?

Что-то грохнет-охнет-охнет в поднебесье,
За пригорком тропка в мокрое свернет,
И шальной седок умчится в редколесье,
Редко-редко, но улыбкою сверкнет.

В бурелом трава-травинушка не гнется,
Бурелом для трын-травинки — трын-трава.
Сизый селезень картова захлебнется,
И от мрака просветлеет голова.

А потом, когда устало-тало-тало
Небосвод повеселеет ввечеру,
Осенит — таких мгновений очень мало,
Когда Русь не призывают к топору.

Просто дождичек прошел в Руси великой,
И не нужно никому на смертный бой.
И Отчизна Несмеяной светлоликой
Просияла в красном красною красой.

Просто огненно теперь на белом свете,
Вновь пичугами затенькали сады.
Лады-лады-лады-ладушкины дети
Голосят на все веселые лады.

* * *

Морозец серебрит твоё дыханье,
Похожее на ветра колыханье,
Похожее на пёрышко лебёдки,
Летающее в озерную лазурь...
И ничего не знаю я, о Боже,
Что было б так на истину похоже,
Как это серебристое дыханье,
Что защитит от мрака и от бурь.

Всё размывает время-невидимка,
А ты всё смотришь, смотришь с фотоснимка,
И веет пятипалою сиренью
От старой фотографии резной,
Где ты одна — заря и непогода,
Где ты одна — и утро, и свобода,
Где жажда серебристого дыханья
Вовек не станет жаждою иной...

Есть острый взгляд... Но есть еще прозреньё,
Когда столетьем чудится мгновенье,
Когда поймешь в счастливую минуту,
Что до сих пор не понял ничего,
Что всё ушло — обиды, люди, лица...
Пусть только этот выдох серебрится,
Пушкой парит над узкою тропею
Пока еще тропу не замело...

* * *

Зое

Мы бредем... Проталинки
Весело искрятся.
Называю Заенькой,
Хоть тебе не двадцать.

Весь часок отведенный —
В праздных разговорах.
Принимаю к сведенью,
Что и мне не сорок...

Вьется тропка хилая
Да теней громада.
Мне ведь больше, милая,
Ничего не надо.

Знать — твой голос слышится,
Звёзды, будто чётки.
И листва колышется
В лад твоей походке.

* * *

За околицей женщина плачет,
От рябины чуток отойдя.
И ладони озябшие прячет
Под взъерошенной свиткой дождя.

Никого... Только влажные кроны
Наклоняются, боли вослед.
Да струится сквозь кроны зеленый,
Через муки просеянный свет.

За пригорочком тени теснятся
Под охриплый вороний бедлам,

И горячие руки боятся
Прикоснуться к озябшим рукам.

И случайный прохожий едва ли
Отличит, поспешив под навес,
Эту музыку женской печали
От печальной музыки небес.

ВДАЛИ ОТ РОССИИ...

Вдали от России
непросто быть русским поэтом,
Непросто Россию
вдали от России беречь.
Быть крови нерусской...
И русским являться при этом,
Катая под горлом великую русскую речь.

Вдали от России
и птицы летят по-другому —
Еще одиноче безрадостно тающий клин...
Вдали от России
труднее дороженька к дому
Среди потемневших,
среди поседевших долин.

Вдали от России...
Да что там — вдали от России,
Когда ты душою порой вдалеке от себя...
Дожди моросили...
Дожди, вы у нас не спросили,
Как жить вдалеке от России, Россию любя?..

Вдали от России
круты и пологие спуски,
Глухи алтари,
сколь ни падай в смятении ниц.
Но крикни: «Россия»...
И эхо ответит по-русски,
Ведь русское эхо нерусских не знает границ...

* * *

Вспоминается сумрачным часом,
Когда к горлу подкатит и жмет,

Птичий посвист в просторе безгласом,
Шёпот листьев, что птицам — в отлёт.
Мамин стон... Детский крик пуповинный,
Эта жажда идти до конца,
Это кресло в холодной гостиной,
Эта желть воскового лица...
И дорога, ползущая косо
Через память, раздумья, года
Вдоль заросшего ржавью откоса,
Над которым поникла звезда...

* * *

Я, конечно, понимаю — это зря
Повторять слова, но снова повторю...
Где колесами раздавлена заря,
Там любимая прошла по сентябрю.
Там любимая сняла цветную шаль,
Оглянулась озорно по сторонам...
Было ей зари раздавленной не жаль,
И не жаль сказать: «Колечко не отдам!»
Подарила то колечечко ручью
И спокойно зашагала напрямки...
Над ручьем склонившись, долго воду пью,
Ощущая стынь не поданной руки.
Тяжело встаю с обиженных колен,
И домой иду... И горблюсь на ходу...
Сам себе внушаю: чувство — это тлен!..
Больно много тлена в нынешнем году..
Ворочусь — налью и выпью ей назло,
Чтоб от хмеля запорхали небеса.
Где-то филин охнет-ухнет тяжело
И травинка заплетётся в волоса.
А когда промозглой полночью очнусь
С остывающей надеждою в крови,
Будет голос мне: «Приятель, это Русь...
Это женщина... Обратно не зови...»

* * *

То ли это судьба... То ли так, по наитью,
Я забрел в этот маленький камерный зал...
Помню женщину в белом... И мальчика Митю,
И оркестрик, что Моцарта тихо играл.

Крепко спал билетер... Никаких декораций.
Прямо в сердце со сцены лилась ворожба.
Мне казалось — вот так Ювенал и Гораций
Тоже звукам внимали, а муза ждала.

Я спешил... И ушел посреди перерыва,
Тихо вышел, прикрыв осторожную дверь.
И во след мне сквозь окна плыла сиротливо
Эта музыка частых разлук и потерь.

Есть предел... Но есть нечто еще за пределом,
И являются, если с душой не в ладу,
Этот камерный зал... Эта женщина в белом...
Этот стриженный мальчик в десятом ряду.

НЕМОЕ КИНО

«Варяг». Лаун-теннис. Немое кино.
Шаляпин. Меха для великой княгини.
Сочельник. В соборе народу полно.
В трактире «Бордо» подают к осетрине.

Участок. Напыщенный городской.
Есенин. Немое кино. Футуристы.
Свинцовый закат над свинцовой Невой.
Бордель. Гимназисточки. Кучер плечистый.

Распутин. «Аврора». Немое кино.
Горячая мимика Веры Холодной.
Троцкисты. Кронштадт. От бушлатов черно.
М.Горький насупленный, в шляпе немодной...

Ну, кто теперь помнит про крейсер «Варяг»,
Про Веры Холодной наивные страсти,
Когда и «Аврору»-то вспомнить — внапряг
И «мыло» киношное очи не застит?

Но где-то, задвинуты в угол, лежат
Немого кино скоротечные ленты.
Им снится тапёра восторженный взгляд,
Рыданья и долгие аплодисменты.

И молча кричат их герои о том,
Что жизнь — непонятная все-таки штука.

Ну как же такое случилось потом,
Что все онемело от этого звука?

* * *

И осень — не осень... И птица — не птица...
И плесень с обоев сползла на диван.
И только за стенкой кричит роженица,
Да седенький фельдшер с заутрени пьян.

В небесном просторе, послушные гуду
Высоких машин и высоких столпов,
Ослушники тайно прощают Иуду,
Послушники внемлют, что скажет Иов...

На капли расплескана, тысячелица,
Усталая вечность мешает вздохнуть.
И только за стенкой кричит роженица...
И суть непонятна... И тягостна суть.

А души вспорхнувшие — не улетели,
Подстреленной птицей упав на жнивье.
Нет выси в высоком, телесности — в теле,
И боги устали стоять за свое.

И вечность не чудится золотицей,
И кровь вместо пота сочится из пор...
И только за стенкой кричит роженица —
Умолкнет она, и умолкнет простор...

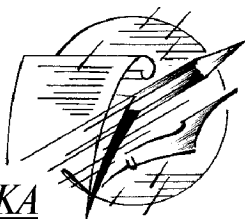
г. Минск

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ТАЙНЕ

«Ошибка» Юровского

Воспоминания убийцы Царской Семьи Якова Юровского, как известно, были взяты за основу официального расследования преступления в 1993 г. Конечным результатом следствия стало захоронение в 1998 году в Императорском Петропавловском Соборе екатеринбургских останков. «Наиболее объективными представляются воспоминания коменданта Дома особого назначения, Дома Ипатьева, Я.М. Юровского», — сообщал Генеральный прокурор РФ Ю.И. Скуратов в письме Патриарху Московскому и всея Руси Алексею II (Покаяние. Материалы правительственной комиссии. М., 1998. с. 271).

Однако до сих пор остается без объяснения поразительный факт расхождения важнейшего показания коменданта с выводами следствия: Юровский утверждал, что им и его подручными в ночь с 18 на 19 июля в Поросенковом Логу под Екатеринбургом было сожжено тело «фрейлины Демидовой». Но это не так, если верить генетической экспертизе, произведенной в рамках уголовного дела № 18/123 666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918—1919 годов».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

По заключению следователя Генпрокуратуры В. Соловьева, останки Демидовой находились в братской могиле в Порошенковом Логу и действию огня не подвергались. Отсутствовали в могиле останки Великой княжны Марии Николаевны и Цесаревича Алексея.

Криминалистика знает множество примеров, когда именно существенная деталь помогает восстановить подлинную картину преступления и собрать воедино разрозненные факты. «Ошибка» Юровского (в кавычках, потому что установить истину еще предстоит) позволяет вновь взглянуть на картину, нарисованную в «наиболее объективных воспоминаниях» убийцы Царской Семьи.

Из «ошибки» Юровского следует, что он не только не знал точно, чье тело сжигали его подручные, но не знал точно и кого хоронили рядом в общей могиле под его, как он утверждает, руководством! Согласно находке 2007 г., костер находился в 70 метрах от могилы. Юровский плохой памятью не страдал, никуда, по его воспоминаниям, в ночь с 18 на 19 июля с места захоронения и сжигания тел не отлучался, не дремал, не спал, ничем другим, кроме указаний, не занимался на протяжении 4 — 7 часов (по разным его же версиям времени). Ярко должен был гореть костер, поливаемый керосином: ведь «разгрузили, открыли бочки», как вспоминает Юровский.

Убийца, скончавшись в кремлевской больнице в 1938 году, заключения генетической экспертизы не читал (в отличие от хорошо изученных им трудов белого следователя Н. Соколова), и повторяет «ошибку» дважды, в двух основных своих свидетельствах.

В «Записке Юровского», написанной с участием историка М. Покровского в 1920 г. (дата со слов сына цареубийцы) содержится следующее признание: *«На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь, предварительно обезобразив их до неузнаваемости. Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну; по ошибке, вместо последней, с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания»* (Жук Ю.А. Исповедь цареубийц. Москва: «Вече», 2008, с. 287).

В 1934 г. спустя 16 лет после описываемых событий, в очень узком кругу старых большевиков Юровский повторил «ошибку». Время ничего не изменило в его памяти: *«Тут же развели костер и пока готовили могилу, сожгли два трупа — Алексея и вместо Александры Федоровны сожгли, очевидно, Демидову»* (там же, с. 331).

Еще одно упоминание о сожжении содержится в воспоминаниях 1922 года под названием «Последний царь нашел свое

место». Не называя имени жертвы, Юровский говорит о «пробе» на одном трупе. *«Разгрузили трупы. Открыли бочки. Положили один труп для пробы. Труп, однако, обгорал сравнительно быстро. Тогда я велел начать жечь Алексея. Жечь остальные трупы представлялось невозможным. Уже было под утро... Пришлось захоронить эти трупы в яме»* (там же, с. 299). Если верить воспоминаниям 1920 г. и 1934 г., то для «пробы» взяли тело «фрейлины». Но по какой-то причине «проба» в воспоминаниях безымянная, и она не помогла Юровскому уточнить имя жертвы в других рассказах.

Еще более существенно, что Юровский сам допускает, что может ошибаться: «сожгли, очевидно, Демидову». Было нечто, что мешало ему выразиться однозначно, существовало препятствие в опознании убитой. Это одно из тех признаний убийцы, в которых он говорит искренно. Возможность ошибки не пугала Юровского. В конце концов, это было не так важно — проверить сказанное не представлялось нужным и возможным, оно не меняло в картине захоронения главное — численность. В могиле находились девять тел. Отсутствие еще двух объяснялось их сожжением.

Но обстоятельства, которые мешали Юровскому опознать сжигаемое тело, как и тело, опущенное в могилу, способны полностью изменить всю нагроможденную им картину похорон. Генетика ответить на вопрос: почему «ошибся» Юровский, не в состоянии. Это область логики, психологии и даже психиатрии. Они, вкупе с достоверными фактами, могут объяснить, что мешало Юровскому опознавать тела убитых. Материалом для анализа являются опубликованные общеизвестные воспоминания Юровского 1920, 1922 и 1934 гг., которые, насколько нам известно, не были предметом исследования указанного противоречия показаний убийцы и выводов официального следствия.

17 июля, день первый.

Несомненно, Юровский лучше других знал, как выглядят члены Царской Семьи и их слуги. Красноармеец Сухоруков, единственный, кто подтверждает рассказ Юровского о сожжении только двух тел, тоже ошибся, утверждая, что «первым на жертвенник попал наследник, второй младшая дочь Анастасия» (там же, с. 459). Но с царскими детьми он знаком не был. Прибыв на шахту с отрядом на вторые сутки, чтобы с утра, по его утверждению, заняться извлечением тел из шахты (а не ночью, как утверждал Юровский), он мог опередить убитых только со слов товарищей.

Иное дело Юровский. За две недели до расправы он появился на посту коменданта Ипатьевского Дома и каждое утро, по его свидетельству, в 10 часов обходил комнаты, проверяя арес-

---

тованных «налицо». У него, бывшего фотографа, была хорошая память. Во время обучения в Берлине его учитель находил у своего ученика «особые способности на видение предмета». До революции Юровский держал в Екатеринбурге фотоателье.

После расстрела Царской Семьи и слуг Юровский добывал раненых: «По горькому опыту работы ЧК я знал, что когда людям доверяешь, то не достреляют» (там же, с. 312). Вспоминая, он методично перечислял: «Например, доктор Боткин... Одним выстрелом с ним покончил. Алексей, Анастасия и Ольга тоже были живы. Была жива еще и Демидова... Я вынужден был поочередно расстреливать каждого» (Воспоминания 1922 г., «Исповедь», с. 292). Проблем с опознанием жертв не возникало. Юровский, вероятно, определял и пульс расстрелянных. Он упоминает об этом, не называя себя, но другого врача не было. Единственный рассказ пулеметчика Кабанова о присутствии врача никем не подтвержден, а Юровский служил фельдшером в военном госпитале Екатеринбурга во время Первой мировой войны, выйдя оттуда депутатом от рабочих в 1914 г.

Согласно Юровскому 17 июля в лесу на руднике, куда вывезли тела, он лично обыскивал убитых в поисках драгоценностей (кроме тех, что были сняты им в подвале Ипатьевского Дома). Прибыл ли он на заброшенный рудник (Ганину Яму) ночью вместе с телами убитых (как он описывает) или появился позже, после полудня на лошади (график движения в лес автомобилей и верховых, составленный белогвардейским следствием, фиксирует 17 июля прибытие и убытие 2 верховых), или приезжал дважды (расстояние в 20 км на лошади или машине преодолевается за час и менее) в данном вопросе не меняет главное — 17 июля последний раз Юровский опознает убитых во время обыска драгоценностей, и опознание Великой княжны Марии трудностей не вызывает. Обыск возле шахты в 1922 г. описан им с подробностями.

«Я приступил к раздеванию трупов. Раздев труп одной из дочерей, я обнаружил корсет, в котором было что-то плотно зашито... Драгоценности оказались на Татьяне, Ольге и Анастасии. Здесь снова подтвердилось особое положение Марии в семье. Драгоценностей на ней не было» (там же, с. 297). Изуродованные, покрытые запекшейся кровью лица 17 июля какое-то время еще узнаваемы.

По утверждению Юровского, после 2 часов он уехал в Екатеринбург докладывать и «требовать помощи», оставив тела убитых на Петра Ермакова, и вновь вернулся в этот же день поздно ночью. «В 11.30 (вечера. — Авт.) мы поехали туда и занялись выволакиванием». Всю ночь с 17 на 18 июля, по его словам, доставали тела из шахты. В каком состоянии по воз-

---

вращении его из города и извлечении тел из шахты застал трупы Юровский, он свидетельств не оставил. Исключение составляют краткие упоминания об использовании бомб, гранат в первый день. Так, в 1934 г. Юровский вспоминал: «Когда обнаружилось, что их (тела убитых) оставлять нельзя, то ребята предложили: «Давайте взорвем бомбами и все это засыплется». Вот почему были обрывки тел» («Исповедь», с. 314).

В 1920 году в «Записке Юровского» он, называя себя комендантом, снова говорит об использовании взрывчатки: «При попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части» (там же, с. 287). Глухие взрывы гранат слышали 17 июля и крестьяне деревни Коптяки. Из упоминаний о бомбах следует вывод — возвратившись из Екатеринбурга поздно ночью с 17 на 18 июля Юровский мог видеть не только тела, но и «обрывки тел»: началось обезображивание и расчленение тел убитых. Но опознание тел, извлеченных из шахты, было еще возможно — если к этому времени (а не к ночи на 19 июля) относится упомянутое вскользь распоряжение жечь царевича вместе с матерью Александрой Федоровной. О том, когда и как принималось решение сжечь трупы, Юровский говорит дважды. В 1934 году вспоминал: «В исполкоме (17 июля. — **Авт.**) я доложил, что так оставлять нельзя. Был некто Полушин... Он предложил их сжечь. А как — никто не знает. Словом, буквально целый день до 11 с половиной часа я возился, чтобы организовать это дело. Войков послал записку, чтобы взять бочку бензина и серной кислоты». В 1920 году в «Записке Юровского» решение сжечь подано более неопределенно: «На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой» (там же, с. 287). О том, как выполнялось решение уничтожить трупы огнем и кислотой на второй день, на руднике, Юровский не написал ни единого слова. Но, например, помощнику Г. Никулину об этом он рассказывал устно, и свидетельство этого приближенного ему человека сохранилось.

18 июля, день второй.

Рассказ Юровского о втором дне после расстрела царской семьи, записанный с его слов М. Н. Покровским, отличается немногословием. Если для описания событий 17 июля ему понадобилось, не считая предлогов, около 1000 слов (из них 470 слов для описания убийства и вывоза тел), то 18 июля, начиная со слов «между тем рассвело, это уже был третий день (18-го)» и заканчивая фразой «смогли отправится в путь только в 9 вечера» (там же, с. 287), описано с помощью 101

слова, включая вписанные позже от руки предложения. В десять раз меньше слов потребовалось для описания второго дня после убийства. Еще меньше слов для описания этого дня в — 1934 году. Что стоит за этим немногословием? Отсутствие событий или что-то иное? Что скрывается за скудным перечислением двух событий, имевших место на руднике на второй день после убийства? За этот день Юровский вспоминает рытье ненужной ямы, которую засыпали из-за случайного свидетеля крестьянина, и свой отъезд в Екатеринбург «с докладом в Уралисполком». Когда он возвращался, «движущийся караван с трупами», по его выражению, уже тронулся в путь на новое место. (В 1934 году в воспоминаниях яма занимает половину текста, об отъезде вообще не упоминается, остальной текст касается несбывшихся планов захоронения). Временное отсутствие или желание что-то скрыть сделало Юровского немногословным, но есть установленные факты, которые разительно меняют безсобытийную картину 18 июля, изображенную комендантом.

День, сухо описанный Юровским, был невиданным по оживленности: никогда еще не было столько машин на железнодорожном переезде, на дороге, ведущей к заброшенному руднику, как 18 июля. В глухомань прибыла верхушка революционной власти Урала и появились машины с бочками керосина и бутылками с кислотой.

Белым следователем Соколовым установлен факт: начиная с 9 утра на рудник были привезены 40 пудов (640 кг) керосина и 11 пудов 14 фунтов (176 кг) серной кислоты. На каждого убитого приходилась внушительная цифра горючего и кислоты. Судя по количеству завезенного керосина и кислоты, было принято решение об уничтожении всех трупов; рассчитывали не на двух человек, один из которых был ребенок, и не на костюмы 11 человек — одежда была сожжена прежде, чем тела бросали в шахту. До сих пор нет объяснения, почему, после столь основательной подготовки к сожжению на руднике, большевики от этой мысли отказались, пробыв там почти сутки, вырыв и зарыв ненужную яму, разумеется, со слов Юровского. Белогвардейский следователь Соколов собрал доказательства, что сосуды с кислотой на руднике были открыты. Обгоревшие металлические части одежды и обуви, оплавленные пули, обожженные кости свидетельствовали о высокой температуре трех найденных кострищ. 36 пуль найдены оплавленными или целыми в кострах и возле них: в 1918—1919 гг. были найдены 27 пуль (в том числе 24 кусочка свинца, вытекшие из пуль). Еще 9 нашла группа Авдонины в 2000 году. Как попали пули в костры на руднике?

По расчетам современных криминалистов, при расстреле было выпущено порядка 59 пуль. Более половины оказалось на руднике вне тел. Как это могло случиться? Такое количество пуль не могло быть в сожженной одежде. Не могли задержать такое количество пуль и «бриллиантовые лифики» царских дочерей, упомянутые Юровским. Нелепо утверждать, что половина выстрелов пришлась на трех девушек. По утверждению криминалиста-эксперта Ю. Григорьева, «такое количество пуль не могло быть только в одежде. Пули подвергались действию огня и кислоты, находясь в тканях тела. Следовательно, факт расчленения тел, воздействия на них фрагментами кислоты и сожжением неоспорим» (Григорьев Ю. Последний император. С. 264). Повторим: если на костре сжигали одежду убитых, не обрабатывая кислотой (а кислоту привезли только на следующий день, для «обезображивания»), пули должны были быть целыми. Но исчезнувшие медные оболочки и вытекшие свинцовые сердечники свидетельствуют, что пули подверглись действию огня и кислоты — и не в одежде, которую сжигали в первый день, а в телах убитых. В материалах официального расследования вопрос о том, на что и как было использовано горючее, откуда взялись пули в кострах, не ставился.

Выезд большевистских деятелей на рудник походил на чрезвычайное совещание. Днём на легковой машине проследовал в лес глава уральских большевиков Шая Голощекин (по партийной кличке Филипп). Будучи Уральским Окружным военным комиссаром, Голощекин играл на Урале большую роль, чем Юровский, имел в своем распоряжении Интернациональный отряд в 400 человек и был связан личными отношениями с Председателем ВЦИК Я.М. Свердловым. Когда возникали проблемы, он отправлялся в Москву и все вопросы решались. Прибыл на рудник и председатель Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов А. Белобородов (Вайсбарт) с помощником Сафаровым. Приехал также занимавший очень высокую должность член исполкома Уральского облсовета комиссар по снабжению Пинхус Вайнер (Петр Войков, в честь которого москвичи якобы пожелали оставить название станции метро). Сафарова и Войкова 18 июля видели крестьяне в деревне Коптяки. Прибыли члены Уральской областной ЧК В.М. Горин и И.И. Родзинский. Голощекин с помощниками оставался на месте всю ночь, до утра 19 июля, в то время как караван телег с красноармейцами и грузовым автомобилем (и якобы с телами, по утверждению Юровского) покинул рудник в 9 вечера. Что держало Голощекина всю ночь на месте уничтожения убитых, если тела вывезли? Какой обряд побе-

---

ды над монархом праздновал этот «высокопоставленный извер», по выражению генерала Дитерихса? Можно только утверждать, что ночь была бессонная. Сторожиha на переезде № 803 Екатерина Привалова показала следствию А.Соколова: «В этот день (18 июля) прошел в Коптяки легкий автомобиль. В нём сидело три или четыре человека. Из них я разглядела только Голощекина. Я раньше его видела и в лицо знала. На другой день (19 июля) рано утром на зорьке, когда я корову выгоняла, этот автомобиль назад прошел. В нем опять сидели Голощекин с несколькими людьми, но этими или другими, не знаю. Он сидел в автомобиле и спал». Видели этот автомобиль и в Верх-Исетске, когда он возвращался в город. Свидетель Зубрицкая показывала: «В автомобиле были какие-то люди. Я ни костюмов их, ни наружности не разглядела. Они все сидели понурые, головы свесили, как бы пьяные или сонные, не выпались» (Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Баку, 1991, с. 305).

18 июля появлялся на руднике и Юровский. Его легковая машина привезла лопаты. Поскольку Юровский немногословен в рассказе о втором дне после убийства, необходимо дать слово и другим свидетелям и участникам преступления.

«Пепел был зарыт»

Петру Ермакову, бывшему каторжнику, начальнику боевой дружины и военному комиссару Верх-Исетска поручено было с самого начала захоронение убитых. Два дня он находился в Урочище. Ермаков оставил 2 свидетельства. В рукописном тексте, подготовленном для сборника материалов к 10-летию убийства Романовых, оставлено краткое описание «первого крематория»: *«В ночь на 17 июля все трупы были достаты из шахты для того, чтобы окончательно покончить с Романовыми и чтобы ихние друзья не думали создавать святых мощей. Все трупы с помощью серной кислоты и бензина были сожжены»* (Жук Ю.А. Исповедь цареубийц. С. 46).

В сохранившемся рукописном варианте 40—50-х годов под заголовком «Царь нашел свое место» сказано следующее: *«С 17 на 18 я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту... кода всех вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой, трупы горели до пепла и пепел был зарыт. Все это происходило в 12 часов ночи с 17 на 18 июля»* (там же, с. 111).

Бывший чекист Исайя Родзинский, хоть и жаловался на память, но подробности вспомнил. Отвечая на вопросы спу-

---

стя 46 лет, из которых отсидел в сталинских лагерях 15 лет, он вспоминал 15 мая 1964 г. в Комитете по радиовещанию и телевидению: *«Но вот помню, Николай сожжен был, был этот самый Боткин... я сейчас не могу вам точно сказать, вот уж память. Сколько мы сожгли, то ли четырех, то ли пять, то ли шесть человек сожгли. Кого точно, это я уже не помню. Вот Николая точно сожгли, помню Боткина и, по-моему, Алексея. Долго жгли их. Поливали керосином. Лили еще что-то такое сильнодействующее, дерево подкладывали. Долго возились с этим делом. Я даже вот пока горели, съездил, доложил в город. Съездил и потом снова приехал. Уже ночью было. Приехал на легковой машине, которая принадлежала Берзину. Вот так, собственноручно говоря, захоронили»* (там же, с. 426).

Г.П. Никулин, помощник коменданта, пользовавшийся его особым расположением, участник расстрела Царской Семьи и слуг, вспоминал: *«Как мне Юровский рассказывал... доставили несколько бутылей серной кислоты. Разожгли такие громадные костры и начали эти трупы сжигать: часть серной кислотой, часть — кострами»* (Жук Ю.А. Исповедь цареубийц. С. 214).

Комиссар снабжения П. Войков, по воспоминаниям дипломата Г.З. Беседовского (впоследствии невозвращенца), подвыпив, рассказывал ему в канун 1927 г. в Варшаве, как *«он должен был приготовить все необходимое для уничтожения трупов. Для этой работы были выделены 15 ответственных работников екатеринбургской и верхисетской партийных организаций. Они были снабжены новыми остроконечными топорами, такими, какими пользуются в мясных лавках для разрубания туш. Помимо того, Войков приготовил серную кислоту и бензин. Уничтожение трупов началось на следующий же день и велось под наблюдением Голощекина и Белобородова, несколько раз приезжавших из Екатеринбурга в лес. Самая тяжелая работа состояла в разрубании трупов. Войков вспоминал эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что когда эта работа была закончена, возле шахты лежала громадная кровавая масса человеческих обрубков, рук, ног, туловищ и голов. Эту кровавую массу поливали бензином и серной кислотой и тут же жгли двое суток подряд. Взятых запасов бензина и серной кислоты не хватило. Пришлось несколько раз подвозить из Екатеринбурга новые запасы и сидеть все время в атмосфере горелого человеческого мяса, в дыму, пахнущем кровью... Это была ужасная картина. Мы все участники сжигания были подавлены этим кошмаром. Даже Юровский и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще таких несколько дней — и он сошел бы с ума»* (Беседовский Г.З. На пути к термидору. М., 1997, с. 111—116).

Через три дня после похорон останков пьяные красноармейцы хвалились коптыковским крестьянам: «Мы вашего Николку и всех там пожгли». О сожжении говорил крупный большевистский деятель Валек, за три часа до расстрела допрошенный Соколовым. Он показал, что после беседы с Белобородовым у него сложилось впечатление, что тела убитых сожгли.

Каждое из свидетельств требует особого анализа, в связи с той личностью, которой оно принадлежит. События и даты прошлого мешались в сознании убийц не только по давности лет, но и по желанию скрыть нечто важное. На вопрос, кто участвовал в расстреле царской семьи, Родзинский отвечает спустя 46 лет кратко — не помню. Не помнить ни одного имени было для бывшего сотрудника ЧК безопаснее и спустя десятилетия. В вещах второстепенных Родзинский многословен и помнит многое. Петр Ермаков всячески стремится доказать свои заслуги, всё руководство похоронами приписывает себе. Но все так или иначе рассказывают об уничтожении тел убитых огнем и кислотой. В отличие от многочисленных свидетелей, Юровский с красноармейцем Сухарковым остаются единственной парой, которая утверждает, что тела девяти человек были захоронены в общей могиле в Поросенковом Логу. Но у Юровского, казалось бы, неоспоримое вещественное доказательство: могила с размерами, указанными с точностью до аршина!

Оговорка

Есть в воспоминаниях Юровского странная оговорка. «Кто-то из после прибывших красногвардейцев принес мне довольно большой бриллиант весом каратов 8 и говорит, что вот, возьмите камень, я нашел там, где сжигали трупы» (Жук Ю.А. Исповедь цареубийц. С. 287). Это написано в 1922 году в Москве, в бумагах, сохранившихся в машинописном варианте с рукописной правкой. О каком сжигании трупов говорил красноармеец, если, по рассказам Юровского, на руднике сжигали только одежду? Но записано и не исправлено. Лжец мешает правду с ложью и увязает в собственной лжи. Для Юровского, сына человека, державшего ювелирную лавку, одно воспоминание блеска бриллианта в 8 каратов заставило позабыть об осторожности. Драгоценности, обогранные кровью, позволили ему впоследствии в Кремле получить должность председателя отдела по реализации ценностей Гохрана НКФ РСФСР. Оговорку в машинописном тексте с рукописной правкой никто не решился исправить, и она дошла до наших дней, как и ошибка с Демидовой — как свидетельство убийцы против себя.

Тяга коменданта к сокровищам не была тайной для находившегося в заточении Императора. Личную вещь царской семьи — шкатулку с царскими драгоценностями Юровский проверял каждое утро. По его же признанию, он предлагал изъять ее еще при жизни царя, но не получил согласия «товарищей». По утрам арестованный царь встречал его словами: «Шкатулка на месте», читая алчную душу, как раскрытую книгу. Если бы понадобился портрет, выражающий сущность Юровского, то он оставлен в воспоминаниях П. Медведева: «Трупы лежали на полу в кошмарных позах, с обезображенными от ужаса и крови лицами. Пол сделался совершенно скользким. Спокоен был один Юровский. Он хладнокровно осматривал трупы, снимая с них драгоценности».

Все дни, связанные с убийством и уничтожением тел, Юровский находился на подъеме. Его необычайная энергия, отмеченная товарищами, поистине была дьявольской. Хладнокровное убийство 13-летнего цесаревича Алексея и раненых сестер говорит о садистических наклонностях личности. Склонность «давить людей» отмечали и его родственники. После двух дней постоянных разъездов и двух бессонных ночей 19 июля Юровский появился на сцене местного театра, «напялив», по его выражению, мундир убитого царя, глумясь над убитым, «чтоб поднять настроение публики», ожидавшей наступления белых. Желание унижить и самому сыграть роль императора в дьявольском спектакле говорит о маниакальном тщеславии. Вечером 19 июля с чемоданами с отобранными драгоценностями, сбрав бороду, под фамилией Орлова он спешно убыл в Москву. Психологический портрет Юровского однозначен: садист, лжец, алчный, завистливый, хитрый и верный пес inferнальных хозяев. Именно он стал главным суфлером в 1993—1998 гг. в спектакле захоронения «екатеринбургских останков»!

Тайна государственной важности

Если согласиться с фактом сожжения тел членов Царской Семьи и их слуг, становится объяснимой «ошибка» Юровского, которая была всего лишь констатацией трудности опознания трупов, которые начали обезображивать всеми доступными способами. Начиная с утра 18 июля, когда на рудник были доставлены бензин и кислота, Юровский эпизодически наблюдал и процесс сожжения, находясь в разъездах — этим занимались Ермаков, Голощекин и Белобородов. Возвращаясь из Екатеринбурга, он видел обезображенные огнем, кислотой, топорами трупы. Если он и ошибался в их

опознании, то добросовестно. Для быстрейшего уничтожения были разведены три костра, давались команды, какие группы тел на них располагать. Не исключено, что Юровский хотел символически сжечь мать с сыном. Отрывочные эпизоды («были открыты бочки с керосином») использованы Юровским в рассказах, но с перенесением места действия в Поросенков Лог. К 9 вечера 18 июля обоз из телег и автомобиля, уходивший с рудника и встреченный Юровским, который в очередной раз возвращался из Екатеринбурга, мог везти только остатки обожженных костей и пепла. Неслучайно версия о том, что тела двух человек, о которых говорит Юровский, были сожжены не в Поросенковом Логу, а предварительно на руднике, высказана и официальным участником расследования — геологом Авдониным, группа которого занималась раскопами екатеринбургских останков (в Поросенковом Логу для сожжения просто не было времени).

Внезапная смерть в Париже следователя Н.А. Соколова и пропажа документов его следствия лучше всего свидетельствуют о том, что существовала тайна гибели Царской Семьи, которую раскрыл Соколов, и существовали могущественные силы, заинтересованные в сокрытии этой тайны. Сам факт убийства Царской Семьи уже не был тайной и признан большевистской властью. Что же должно было оставаться тайной? Это, конечно, имена высоких организаторов и вдохновителей расправы с Царской Семьей, которым верно служил Юровский. С исполнителями, к которым он принадлежал, было проще. Убийца, с болезненной жадностью, желанием остаться в истории, пусть даже искупавшись в крови невинных, приписывал себе главную роль, как и главный его соперник за право называться цареубийцей Петр Ермаков, с его рассказами на встречах с рабочими и подарком в музей револьвера — орудия убийства. Многие красноармейцы-похоронщики погибли в Гражданскую войну. Другие были готовы умереть, но сохранить «государственную тайну». В 1928 году бывшего красноармейца инвалида Г.И. Сухорукова, который искренне написал, что «никак не представлял, что придется через одиннадцать лет воскресить эти факты в своей памяти», попросили написать воспоминания. Юровский в это время занимал ответственный пост председателя отдела реализации ценностей Гохрана НКФ РСФСР. Сухоруков написал — подтвердил двумя фразами захоронение убитых в Поросенковом Логу и сжигание двух тел. Но вспомнил и клятву: «Приблизительно 18 или 19 июля из отряда отбирают нас 12 человек и говорят: «Товарищи, вам ввернется тайна государственной важности. С этой тайной вы

должны умереть, и горе будет тому, кто не оправдает нашего доверия». Мы говорим, что мы добровольцы... готовы на всё» (там же, с. 458).

Кроме имен подлинных организаторов, тайной должно было остаться еще нечто, о чем говорил Войков: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». Что, кроме факта расстрела, объявленного советской властью, имело такое значение, что должно было оставаться тайной для целого мира? Не ответив на этот вопрос, мы не поймем, почему до конца жизни лгал Юровский и в чём он лгал. Причина заключается в слове, которое постоянно всплывает в воспоминаниях похоронщиков. Это слово: «**мощи**». Здесь мы переходим из земных реалий в область духовных предметов. О мощах рассуждали и тёмные, безграмотные ермаковы и сухоруковы, и полуобразованные юровские и знающие несколько языков войковы. Проводники и служители врага рода человеческого, убийцы и лжеца по определению, они на подсознательном уровне знали, что в будущем неизбежно почитание убиенного Царя и его близких. И неизбежное сбылось. Крестные ходы в память прославленного Царя-мученика и его семьи с 2000 года пошли по всей России. В 2015 году почтить память Царственных Мучеников в Екатеринбурге собралось 60 тысяч человек. В ночь на 17 июля паломники прошли 20 км крестным ходом из Храма-на-Крови, воздвигнутого на месте расстрела, на Ганину Яму, где уничтожались тела убитых. Среди паломников из 10 стран выделялась группа самураев в боевых доспехах — их предки принимали цесаревича Николая во время его путешествия на Восток.

Уничтожить возможные **мощи** было, несомненно, одной из целей преступников. Сооружение же ложной царской могилы с трупами — есть подлинно дьявольская хитрость. Она решала две задачи: лишить верующих подлинных святых мощей и скрыть ритуальный каббалистический обряд с головой врага. Соколов был убежден, что тела членов Царской Семьи были обезглавлены. Древнейший оккультно-масонский обряд был совершен адептами врага рода человеческого. Могила, в которой сохранены черепа убитых, но в которой нет мощей, — такая ложь стоила того, чтобы лгать Юровскому до конца его дней. Спустя почти 100 лет после описываемых событий правда о екатеринбургских останках стала мерилom духовной зрелости православного русского народа. Тот, кто прикасается к делу об убийстве Царской Семьи, не может не ощущать великого напряжения борьбы, которая выливается в изощренную схватку лжи и истины — не только на просторах России, но и за ее пределами.

ХОЗЯИН

РАССКАЗ

В России имя Николай особенно популярно. Кажется, половину мужиков зовут так — хотя бы по отчеству. Посмотри в лицо любому славянину, прикинь, как могут его звать. И первое, что приходит в голову, — Николай, Коля. А потом уже, приглядевшись повнимательнее, решишь: нет, наверное, Дмитрий. Или Алексей. А потом выяснится, что действительно Коля. И дни Николы зимнего и Николы летнего в народе считаются настоящими праздниками.

Колька Мологин работает на заводе давно. Почти всю жизнь, если не считать детского сада и восьми классов школы. Теперь ему уж за пятьдесят, голова вся седая, а он по-прежнему трудится в том же цеху, на том же прессе, что и в первый день. Он не хочет, чтобы что-то вокруг менялось. Если какой-то рабочий вдруг увольняется, найдя место, где платят больше или лучше условия, Колька считает это почти предательством. Он вычёркивает такого человека из списка своих знакомых и при встрече не подаёт руки.

Перестройка и последующие реформы никак не повлияли на тру-

ПРОЗА

довой распорядок Кольки. Он приходит в цех часом раньше остальных, переодевается, медленно движется по центральному проходу, оглядывая всё вокруг. (Его тяжёлый профиль механически поворачивается из стороны в сторону. Отвесный лоб, прямой древнеримский нос рождают впечатление какого-то мощного волжского утёса, возможно, того самого, на который забирался в своё время Стенька Разин. Зато сразу под носом следует провал, нижняя челюсть у Кольки втянута слишком внутрь, и мужики посмеиваются над ним, не понимая, как же он ест — пища обязательно должна вываливаться обратно в тарелку, или на живот, или ещё куда-нибудь. За такой необычный профиль Колька получил на заводе прозвище Колун.)

Станки, выпущенные в первой половине двадцатого века, тяжкими молчаливыми громадами теснятся вокруг. Пахнет маслом, сигаретным пеплом, горелой ветошью. Иногда в толстую подошву кирзового сапога втыкается красивая радужная стружка. Где-то тихо шипит сжатый воздух. (Впрочем, этого Колька не слышит, ибо от рождения глух, как добросовестный пионер в лагерной столовой. Говорить его научили в специнтернате.)

Семьи у него нет, не сложилось. Квартира Кольки, полученная в давние советские времена, стояла почти пустой, он не знал, чем можно её заполнить, и не очень-то любил сидеть там вечерами. (Он даже и в отпуск толком не ходил. Каждый раз задолго начинал объяснять мужикам: вот, дескать, наконец-то отдохну как следует, надоело всё, устал как собака. Но уже через неделю безделья робко проникал на завод и приступал к своим обязанностям.) По углам квартиры громоздились кипы старых газет — Колун интересовался политикой, много читал и имел свои рецепты решения мировых проблем, только никому не мог толком рассказать о них.

Иногда он вовсе не уходил с завода, ночевал на бушлатах, удобно сложенных на трубах парового отопления. В полутьме огромного помещения, где скоро всё начнёт гремять, сверкать и двигаться, было тепло, уютно.

Колька проверял, всё ли находится на своих местах, всё ли в порядке. Ничто не укрывалось от его внимания. Он заглядывал даже в мусорные вёдра, укоризненно покачивал головой, если видел, что уборщица поленилась вчера вынести их, брал и выносил сам.

В его нестриженной голове с торчащими во все стороны вихрами сидела крамольная мысль, что именно он, Николай Мологин, является хозяином этого завода, а не тот красивый, сытый мужичок, что сидит в кабинете на третьем этаже и зак-

---

лючает контракты. Он хозяин у себя в кабинете, а здесь, в цеху, несёт ответственность за предприятие Николай. И потому он считал своим долгом делать иногда обходы, ревизии.

Любил посреди рабочего дня подойти, например, к какому-нибудь токарю, заложить руки за спину и внимательно наблюдать, как тот трудится. Токарь в конце концов не выдерживал, начинал ругаться, гнать Мологина ко всем чертям, но Николай уходил степенно, как человек, решающий некий сложный вопрос, касающийся дальнейшей судьбы токаря, и уже почти решивший его.

Или он вылавливал идущего с обеда директора, мягко брал за руку и вёл показать отвалившийся от стены кусок штукатурки, при этом много жестикулировал и быстро-быстро говорил на своём странном языке. Язык этот представлял собою полувнятное лопотание, где особо выделялись гласные, а согласные почти все сливались в один общий, приблизительный звук. Директор кивал головою, подтверждая, что имеет место непорядок.

— Пора бы вообще полностью оштукатурить да покрасить, как думаешь, Коля? Решено, будем заниматься...

Директор был человек славный, в меру демократ, знал по именам всех рабочих, был хорошо осведомлён и о странностях этого Мологина, но считал, что свой юридический нужен в любой конторе, работа дураков любит, да и польза от Николая была несомненная, так что пусть его.

Директор не пропускал плывущие в руки деньги, мечтал оставить своим детям в наследство процветающий заводик. У него уже почти был контрольный пакет, оставалось совсем немного до идеала.

Но тут пришли более крутые московские ребята с деньгами и всё купили. Через два месяца собрание акционеров избрало в директора другого человека, а прежний от стыда и досады уволился, хотя ему и предлагали какую-то почётную синекуру. Вот такие кипят теперь у нас мексиканские страсти. Ещё сегодня ты был велик и силен, назавтра о тебе никто и не вспоминает.

Изменения в руководстве почти не коснулись рабочих. Прежнего директора проводили кто добрым, кто каким словом. И зажили вроде бы по-новому.

Очередной любимый руководитель был человек молодой, но быстро шагающий вверх по карьерной лестнице. Он был уже из совсем другого поколения и гордо говорил о себе: я менеджер. У него были мягкие усики, заботливо выращенные для солидности, словно укроп в теплице. Директор часто расчёсывал их специальной щёткой.

Усатые люди (у которых усики мягкие, нежные, кошачьи) часто бывают глупы какой-то особой, нутряной глупостью, почти не проявляющейся внешне. Такой человек может быть даже очень успешен в работе, но если бы кто заглянул в потёмки его души, то увидел бы — дурак дураком... Вот и этот был из их числа.

Первым делом он повесил у себя в кабинете на стену самурайский меч. Все сразу поняли: шутить не будет. Нет, этот дурак не просто так, этот идейный. А значит, дело плохо.

У директора было громадье планов — обновить предприятие во всех смыслах: оборудование, станки, компьютеры, коллектив. Уволить нерадивых, сократить ненужных, а нужным платить больше за счёт уволенных. Провести общую ревизию... подсчитать, сколько чего ещё не успели растащить... и так далее.

Всё это было, конечно, хорошо в теории, но на практике почти невыполнимо, в чём вскоре новый директор и убедился.

Коллектив, на словах дружно голосующий за все принимаемые решения, отчаянно сопротивлялся переменам. Каждый знал, что если начать выбрасывать ненужное старьё, то через месяц оборудование нечем станет ремонтировать, завод ляжет на бок, денег не будет. Все это знали, кроме директора. И реформы застряли намертво.

Директор уволил всех, кто перешагнул пенсионный порог, это было процента три от общего количества работающих. Естественно, никакого серьёзного прибавления в зарплате остальные не почувствовали, да никто на самом деле и не собирался ничего прибавлять. Народ слегка возмутился — впрочем, даже с пониманием и саркастическими шутками. Такого поведения ждали.

Это было на руку начальству, особо недовольных тоже стали увольнять.

Как раз на это тяжёлое время пришлась круглая дата: десятилетие фирмы. Событие решили отпраздновать в одном из больших концертных залов города, пригласили артистов, музыкантов... У директора возникла мысль как-то примирить с помощью этого концерта взбудораженных людей. Десяти лучшим работникам были назначены премии, ещё десяти — ценные призы. Имена счастливиц должны были выясниться на концерте, прямо в зале.

И вот пришёл великий день. Концерт был хорош. Его почти не испортили выступления главного инженера, бухгалтера и других функционеров. Один из новых замов директора под гитару пел песни Высоцкого. Самодельный поэт из

рабочих читал праздничные поздравительные стихи, ужасные, полные лести. Звучала музыка, мелькали цветные огни. Атмосфера сочилась тёплой карамелью.

Наконец пришло время раздачи призов. Зал притих в ожидании. Каждый надеялся, что ему что-нибудь да перепадёт.

Директор не отказал себе в удовольствии вручать призы лично. Он называл имя по бумажке, вызывал человека на сцену и выдавал деньги в конверте или документы на какую-нибудь бытовую технику.

Где-то в середине раздачи в зале поднялся недоумённый ропот. Все призы доставались обитателям второго этажа, то есть заводууправлению. Только в конце были названы трое простых рабочих «снизу». В конце концов ропот был услышан и на сцене. Директор, не понимавший, в чём, собственно, дело (а разве не так должно быть?), успокоительно подвигал в воздухе ладонями, словно совершая некие магические пассы.

Зал притих, думая, что это ещё не всё. И директор объявил, что торжественная часть закончена. Кто хочет, может пройти в буфет и продолжать празднование, ну а в общем и целом финита ля комедия.

Работяги, бурля негодованием, хлынули в буфет, надеясь на дармовое угощение, за это могли бы многое простить — и уж тут-то возмутились по-настоящему, когда увидели аккуратные ценнички на всех закусках. Цены были праздничные — вдвое выше, чем в любой городской забегаловке...

На следующий день директор, явившись на работу, был ошарашен. Прямо на доске объявлений висело гневное стихотворение, обличавшее начальство, которое зажралось и ни о чём не думает, а только выписывает себе тайные гигантские премии да развлекается в ресторанах, а рабочим пожалели дать хоть по двести рублей на каждого, и они были бы до пупа довольны. Авторство не вызывало сомнений — стихи написал тот вчерашний поэт, читавший медоточивое поздравление на концерте.

Колька Мологин взбунтовался совершенно неожиданно для всех. Он, такой всегда тихий и готовый помочь любому, явился на работу пьяным и бродил по цеху, что-то полувнятное бормоча на каждом углу, цеплялся к людям, публично плакал от обиды. Его, разумеется, обошли наградами. А ведь сколько времени он работал здесь, ничего не прося!.. Горе, хоть и пьяное, было неподдельно, обида безгранична. Самый настоящий бунт, когда хочется, плюнув на всё, пойти в барские комнаты, и ударить шапкой оземь, и рвануть рубаху на груди, а там будь что будет.

Директор, на беду, как раз стремительно шёл со свитой по центральному проходу. Он тоже был в гневе. Вот, пожалуйста, и пьяными уже в открытую шляются! Это что же дальше будет?

— Как фамилия? — резко бросил он, остановившись напротив Мологина. Колька не успел прочитать по губам, о чём спрашивает его директор, и только сощурил глаза, глядя ему в рот. Директор вскипел.

— Уволить! — приказал он стоявшему тут же начальнику цеха. — А вас лишаю премии на пятьдесят процентов — почему у вас пьяные по цеху шляются? Здесь производство или бордель?

Мологин посмотрел в спину директору и взглядом спросил мужиков: что случилось?

— Уволить тебя хочет, — с идиотским лошадиным смехом сказал молодой слесарь Заварзин, вытирая грязные руки ветошью. — Доигрался, Колун! Нашёл время забастовку устраивать...

— Чего ржёшь, дурак, — оборвал его другой слесарь, Панкратов, человек предпенсионного возраста. И, обращаясь к Мологину, ласково добавил: — Ничего, Коля, мы тебя отстоим.

Однако отстоять Мологина не удалось. Директор решил проявить твёрдость и на обращение профсоюза не отреагировал. Не помог огромный беспорочный трудовой стаж Мологина и всем известное его трудолюбие; директор погружался всё глубже в пучину конфликта со своим коллективом.

У него даже стало пошаливать сердце, и жена капала ему корвалол вперемешку со слезами — такой молодой, и вот на тебе!

Нельзя давать слабину, убеждал себя директор, иначе они быстро сядут на шею. Раз сказал — уволить, значит, уволить. Пусть знают и хорошенько думают в другой раз...

А Мологин, оцепенев и ничего не соображая, сидел целыми днями в своей полупустой квартире. Он почти не ел, сидел в кресле и без всякого выражения смотрел в телевизор. В углах квартиры скучно пылились кипы старых газет с нерешёнными мировыми проблемами. Запах старости и разложения постепенно пропитывал всё вокруг.

Мологину было ясно, что всё кончено.

Его уволили по позорной тридцать третьей статье с того самого предприятия, которому он отдал всю жизнь. У него отобрали пропуск, он не имеет права приходить на завод и заниматься делами. Новая охрана и близко не подпустит его к проходной. И он в силу естественных причин даже не мог позвонить — перекинуться парой слов с друзьями.

Что ему оставалось делать? Что ему делать теперь?

Он пробовал пить. Не помогло.

Через две недели он не выдержал этой пытки, явился к началу смены на проходную и сумасшедшими глазами смотрел, как мимо него молча идут люди с опущенными головами — им было стыдно. Не столько за директора, сколько за своё собственное бессилие.

Когда все прошли и даже пробежали опоздавшие, а Колька один остался глупо торчать у турникета, неповоротливый приземистый охранник в толстой куртке медленно прокосолапил к нему.

— Давай отсюда, дядя. Нечего, раз пропуска нет. А то подкрепление вызову, по шее накостыляем.

Колька повернулся и медленно зашагал вдоль забора, толком не соображая, куда. И лишь минут через пять понял, что идёт к лазу.

На каждом заводе есть свой лаз, иногда даже не один. Охрана может сколько угодно натягивать поверху забора колючую проволоку и устраивать патрулирование территории — рабочие всегда имеют возможность пройти на завод и выйти с него окольным путём. Только не все об этом знают.

Колька знал на родном предприятии каждую мелочь. Правда, последний раз он пользовался лазом лет тридцать назад, в далёкой весёлой молодости. Что делать, такие пришли теперь времена...

Через десять минут он был уже внутри. Стараясь не привлекать к себе внимания, пряча глаза в поднятом воротнике, он проскользнул в цех, махнул приветственно рукой мужикам. Спрятался в своём излюбленном месте, в тёмном углу на трубах, куда начальство никогда не заглядывало. Переоделся здесь же, запасных спецовок у него было припрятано несколько. Улёгся подумать, что ему делать дальше.

Подошли мужики, поздоровались. Ничем помочь ему они не могли, но и мешать, конечно, не собирались. Валяй, Колун, это ведь твой завод.

Мологин немного успокоился, повеселел. В обед он даже осмелился сходить в столовую, прячась в толпе мужиков. Его самочувствие улучшалось с каждой минутой.

А вечером, когда начальство ушло домой, он смог выйти из своего убежища. Мастер, который оставался за старшего на этот вечер, был давним его знакомым. Они посидели в кандейке, покурили, поговорили о том о сём... Потом Мологин, оттеснив штамповщика, встал к родному прессу и часа три без перерыва работал. Штамповщик несколько раз пробовал сказать ему, что хватит уже, но Мологин поворачивал

к нему свой топоробразный, жаждущий крови клюв, кидал опасные взгляды, и тот в конце концов отступился. Мологин быстро выполнил всю его норму, мужику оставалось только помыться и идти домой.

Это было так прекрасно — работать, заниматься своим делом... Вокруг была знакомая обстановка, знакомые лица. Теперь Мологин понял, что уходить ему отсюда нельзя, иначе он умрёт. Здесь его место. Как там раньше писали газеты: жизненная позиция должна быть активной!

Теперь распорядок Колуна стал таким: днём он отдыхал дома, а вечером шёл на завод. Протискивался через лаз, передевался на трубах (со временем мужики вернули ему его ящик в раздевалке, занятый было кем-то из новых рабочих) и шёл работать. Всё было почти как раньше, просто он теперь работал постоянно в вечернюю смену. И ещё ему не платили денег. Но это было неважно. В столовой ему всегда оставляли поесть...

Уже почти весь завод знал, что подпольщик Колун вернулся, и это создавало у людей какое-то удивительное настроение. Оказывается, при большом желании можно сопротивляться! Можно делать то, что хочешь, даже если тебе мешают высокопоставленные дураки! Весёлое брожение вновь началось в коллективе.

Считается, что революции вспыхивают вовсе не тогда, когда нечего есть. Перевероты происходят в довольно благополучные времена, просто общество устаёт от прежней власти, а она этого не понимает, продолжая тупо гнуть свою линию. И тогда всё резко меняется.

Одна из молодых женщин-мастеров, которую по каким-то неизвестным причинам собирались двигать наверх, на второй этаж, до того пребывавшая в полном неведении относительно нелегального существования Колуна на заводе, однажды задержалась дольше обычного после смены — и вдруг обнаружила его мирно работающим на своём прессе.

На следующий день об этом было известно директору.

С любимым руководителем от ярости едва не случился сердечный приступ. Но, немного успокоившись и обдумав ситуацию, директор решил: будем брать живьём. Он созвал на планёрку нескольких своих особо приближённых, строго потребовал сохранения полной тайны информации. Вместе они разработали план захвата Колуна.

Была устроена настоящая засада. С этой целью вечером всё руководство сделало вид, что разъезжается на своих служебных машинах, как обычно. А потом они по одному вернулись пешком через запасной ход и сели в засаде — терпеливые, как буддийские монахи, ждущие просветления.

Их планам не суждено было сбыться. Уборщица видела их, о чём-то догадалась по нескольким случайно брошенным хищно-весёлым репликам, и мгновенно весть об этом дошла до Колуна, спокойно переодевавшегося на работу. Через три минуты его не было на территории завода, а директор зря прождал весь вечер и уже не поехал домой, прикрнувшись на узеньком диванчике в своей приёмной. Иногда его щёку начинал бить лёгкий тик, усики дёргались, и тоненькая струйка голодной слюны сохла в уголке рта. Над его головой висел бесполезный японский меч.

С тех пор на Колуна была официально объявлена охота. И что интересно: директор даже не понимал, как глупо он выглядит. Его авторитет падал всё ниже, тем более что Колун на родном заводе никогда не попадался — не мог попасться в принципе. У него в агентах был весь трудовой коллектив. А всех, как известно, не перестреляешь.

И, наверное, это так и продолжалось бы ещё какое-то время, но Колуну совсем не хотелось бегать и прятаться. Что он, мальчишка, лазающий в чужой сад за грушами? Он тоже разозлился. Комедию пора было прекращать.

И однажды он явился на завод посреди рабочего дня. Неожиданно появился в цеху, спокойный и деловитый, встал к станку... Народ поначалу даже не слишком обратил на это внимание, так привычна была картина: Николай Мологин у своего штамповочного пресса. Но постепенно по цеху пролетела радостная новость — Колун здесь! Что-то будет...

Возле Николая медленно росла толпа. Поднимался ропот недовольства. В последние месяцы завод ухнул в экономическую яму, и рабочим начали задерживать зарплату. Да и вообще...

Образовалось что-то вроде стихийного митинга — без трибуны, без назначенных ораторов. Все сначала говорили вразнобой, потом начали перекрикивать друг друга. Подтягивался народ из соседних цехов. Работу остановили, отрубили электричество.

И в центре всех этих событий стоял Колун, как символ и знамя протеста. Он поворачивался из стороны в сторону, стараясь не упустить ничего из того, что говорили рабочие. Он кивал, тоже лаял что-то невнятное в общем шуме, размахивал руками. Градус возмущения нарастал.

В этот момент, как нельзя более некстати, появилось руководство. Впереди своей отставшей свиты бежал директор, бледный от ненависти, с длинной, стильной резьбы деревянной указкой в руке. Новость о стачке застала его в тот момент, когда он наглядно объяснял возможным инвесторам

преимущества капиталовложений в свой завод. За этими людьми он, унижаясь, тщательно ухаживал последние месяцы. Инвесторы мгновенно исчезли, а они были уже почти последней его надеждой.

Такого развития событий он просто не ждал — словно удар в спину, неожиданный и подлый. Тем более жарко пылал гнев в его сердце. Помахивая указкой, словно лёгкой шпагой, директор устремился в атаку.

Увидев приближающееся на полном скаку руководство, народ попритих и слегка отступил от Колуна. Противники, как и положено, остались один на один, и от их схватки, видимо, зависела и судьба всего побоища.

Директор трясся от ярости, стоя напротив Мологина. Вот он, этот мелкий человечиска, олицетворение всех его неприятностей! Смотрит дерзко, осанку имеет до глупости внушительную, словно он здесь хозяин! Ладно бы ещё те прошлые дела, но теперь он сорвал почти готовый контракт, и заводу теперь крышка, и этот дурачок даже не подозревает об этом!

Вскипев ненавистью, директор размахнулся и впечатал длинную деревянную указку в щёку Мологина. Колун от неожиданности упал.

Народ, если до сих пор ещё и имел какие-то сомнения насчёт своего руководства, теперь понял всё. Толпа взъярилась. На голову директора посыпался трёхэтажный мат, люди двинулись вперёд, потрясая кулаками.

Директор испугался, оглянулся назад, ища поддержки. Но свита его уже рассосалась, он был один. Только в руке его была деревянная палочка, вовсе не похожая на благородный японский меч.

Колун, вне себя от благородного негодования, слегка опомнившись, пошарил вокруг и поднял первое, на что наткнулась рука. Резьба зажимного болта весом в пару килограммов привычно легла в ладонь. Колун встал, выпрямился и взглянул в глаза директору.

За его спиной стояли люди и молчали.

— Держите его! — слабо крикнул директор, косясь на стальной болт. Было ясно, кто победит в соревновании болта и указки.

Они молчали, как пустыня молчит перед ураганом. Они молчали, как молчит космос, сквозь который несётся пылающая комета. Они молчали, как молчит камень возле дороги — тысячу лет лежит и молчит. Они не просто молчали — они безмолвствовали.

Колун стоял на острие людского клина и не сводил с директора глаз, а тот всё больше съёживался под его взглядом.

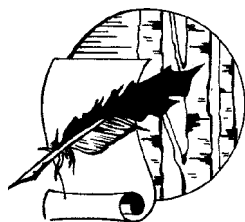
И вот он начал отступать — сперва медленно, а потом, бросив указку и закрыв лицо руками, в истерике побежал. И тогда молчание закончилось. Вслед ему захохотала огромная толпа, высказав настолько глубокое презрение, что даже менеджеры высокого класса стало понятно: дальше здесь оставаться нет смысла. И если бы директор в действительности исповедовал самурайские принципы, ему оставался бы лишь один путь... Но он, конечно, не подумал об этом.

Профсоюз вскоре подал на него в суд за рукоприкладство, но Мологин сам отозвал исковое заявление, он простил глупому мальчишке эту выходку. Не дожидаясь нового собрания акционеров, на котором его должны были уволить за плохие экономические показатели, директор ушёл по собственному желанию. Новый директор, третий по счёту за год, ничего не знал обо всех этих перипетиях и просто взялся вытаскивать завод из ямы.

Но самое важное — Мологина приняли на работу. В отделе кадров ему тайно сделали новую трудовую книжку, в которой содержится лишь запись о приёме на работу тридцать пять лет назад да несколько пометок о повышении квалификации. Стаж его, как прежде, девственно непрерывен.

И Николай снова приходит в цех раньше остальных, делает свои генеральные инспекции, передвигает что-то кранбалкой, выносит мусор, ездит на склад помимо своей основной работы... Как прежде, никто не платит ему за это ни копейки.

Но он всё равно счастлив.

Эмма МЕНЬШИКОВА

ВСЕ ОКНА ИЗБА ПРОГЛЯДЕЛА

* * *

Душа моя Россия...
Ты свыше мне дана.
И никакою силой
Не отлучить меня
От усманских просторов
И добровских твердынь...
Намоленных соборов,
Восставших из руин
В Ельце и Лебедяни,
По всей Руси святой —
И в деревеньке дальней
Теперь есть купол свой.
И колокольным звоном,
Вздымаясь до небес,
Над лесом и над Доном
Плывёт благая весть...
Не отлучить мне сердце
От милости такой —
От церкви по соседству
С избушкой вековой,
От праведного слова,
Взыскующих икон...
От поля Куликова,
Где ставили на кон
Судьбу и волю нашу,
Где кровь лилась рекой...
Ужель всего за «Рашу»
Дружину вёл Донской?
Нет, это от бессилья
Они возводят ложь...
Ведь ты душа, Россия,
А душу не убьёшь...

---

* * *

Зимует изба без хозяйки —
Её приютила родня.
И хатке от холода зябко,
И бабке покоя — ни дня.

В удобных хоромах тоскует
Она по застывшей избе,
И днюет она и ночует,
Вздыхая о трудной судьбе.

Да, голод и холод, а всё же
То был её собственный крест.
Тепла и уюта дороже
Ей воля отеческих мест...

И здесь — без забот и без дела —
Живёт, не любя свой покой.
А где-то в деревне глухой
Все окна изба проглядела...

* * *

«Жили и в войну..» Теперь я верю —
Жили: Бог терпел и нам велел.
Но была ты, Русь святая, твердью,
И тебя никто не одолел.

Жили и в войну.. Теперь я знаю,
Как живут, когда война идёт.
Когда сердце мечется, стеная,
От того, что гибнет твой народ,

От того, что дети на прицеле,
От того, что рушатся дома...
Семьи без отцов осиротели,
Косит всех фашистская чума...

Жили и в войну.. Теперь и вправду
Начинаю это понимать.
День и ночь, который месяц кряду,
Защищает русскую Гренаду
Добровольцев доблестная рать.

Жили и в войну — как на Донбассе...
А когда подпишут лживый мир,
На крови поставят церковь Спаса,
На костях устроят шумный пир.

Русь Святая, край обетованный,
Страшной может быть его цена:
После медных труб и целований
Наступают казней времена —
Это будет та ещё война.

* * *

Сиреневые сумерки, зима...
Но вечер тает, свечкой оплывая, —
И повисает над землёю тьма,
И кажется, ей нет конца и края.

Так пламенной свечой и жизнь сама
Сгорит — и канет, как на дно колодца.
За нами только ночь — слепа, нема,
А кажется, что свет ещё прольётся.

* * *

Уже и дождь устал о землю биться,
А в небесах всю ночь рвались зарницы
И гром гремел до самого утра,
Раскатываясь грозными «ура»...

Пойдём и мы грозой на вражьи силы,
Не одолеть им матушку Россию,
Щитом ей в Небесах — Бессмертный полк,
Покровом — Божьей Матери платок,

Порукой — предков славные победы:
Забыли их французы, немцы, шведы,
Зато у русских память на ура...
Лишь тронь её, когда придёт пора...

* * *

А где-то там — война, война, война...
Земля изранена, огнём опалена.

А тут светло, и праздник для души —
Зима, одетая в шуршащий крепдешин.

Как безмятежна красота её.
Продли ей, Господи, земное бытие.

Продли нам радость этих мирных нег,
Когда зима, и сколько видишь — снег и снег..

Когда всему так белое идёт:
Накидкой дымчатой подёрнут небосвод,

В шелках лилейных лес, поля, дома.
Какая прелесть — эта белая зима.

Так отчего же всё неймётся мне —
В деревне нашей благодать, и свет в окне,

А взрывы громахают «где-то там»...
Но ближе грохот, громче плач по сыновьям.

* * *

А мне и далеко ходить не надо —
Вся Русь в моём окне как на ладони:
Неторопливой речки перекаты,
И церковки над ней, и колокольни...

Ночных небес серебряная россыпь,
Лампадкой восходящее светило.
И череда избышек низкорослых,
В которых жизнь ещё я захватила...

Там вязы ввысь свои крыла возносят,
Но слишком глубоко вросли их корни,
Так и душа, полёта вечно просит,
А сердце о земном твердит упорно.

А сердце радо этому раздолью,
И лесу, и лугам за старым руслом,
И дышащему тёплым паром полю,
И солнцу, восстающему над Русью.

Такая ширь, что не хватает взгляда,
Глядела бы — и спать бы не ложилась.
Ужель душа взметнётся ввысь когда-то —
И словно не было всего, чем сердце жило...

* * *

С Крещения — и дни светлее,
И ночи — белые почти:
Метель им снежные постели
Уже успела намести.

Искрится небо серебристо,
Искрится снег, куда ни глянь...
О Русь, моя земная пристань,
Космическая глухомань.

Твоё сияние — от Бога,
И тишь твоя — как строгий пост,
Когда светло и одиноко,
И путь земной куда как прост.

В окно глядишь — и видишь ясно
В снегах затерянную даль,
Куда спешить уже напрасно,
И не спешить как будто жаль...

ЗИМА В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Заснеженная тишь, писательская пустынь.
В угрюмом полусне склонились деревья.
Ни шороха вокруг, ни палой ветки хруста,
Лишь стайками шуршат слова, слова, слова...

Испуганно вспорхнут они меж сосен парка,
Легко взметнутся ввысь у дома, где живут
По кельям-номерам одни старухи-парки
И словно нить судьбы в безмолвии прядут...

Их время утекло, слова их позабыты,
Да и зачем слова, когда им грош цена.
А те, кто на словах стал присно знаменитым,
Так нынче все они — лишь лики на стенах...

Заснеженная тишь. Писательская пустынь.
Белым-бела земля, и свет над головой...
В аллеях ни души, а мир высок и грустен,
И стайки чьих-то строк витают над тобой...

* * *

Алле Линёвой

А жизнь окажется недолгой —
Ты сердце бедное не рви.
В свой срок пойдёшь своей дорогой
В обитель света и любви.

Все встречи наши, расставанья
На этом свете и на том —
Не нашего ума и званья,
И что положено — найдём.

Всё сбудется по Божьей воле,
А в знанье — многая печаль.
Шепчи молитовку от боли,
Вяжи себе от горя шаль...

А жизнь окажется недолгой.
Дрожат дождейки на стекле.
И меркнет свет во тьме продроглой,
И длится, длится свет во мгле...

* * *

Настанет миг — и все отринув страсти,
Рванусь навстречь иному бытию.
Послушная одной лишь Божьей власти,
Взмолюсь: прими, Господь, рабу Твою...

О том, что оставляю за спиною,
Подумать не успею, не смогу.
Что ж нынче так болит во мне — земное?
Что ж словно перед всеми я в долгу?

Зачем я душу рву — по каждой зорьке,
По звёздам в небе, по цветам в садах?

Зачем я в жизнь так вглядываюсь зорко,
Как будто я ещё вернусь сюда,

Чтоб вспомнить отчий дом, цветы, дорогу
И всех, кого любила на Земле...
Но замаячит впереди дорога к Богу —
И канет всё прошедшее во мгле.

Не оглянусь, не вспомню, не успею,
Рванусь навстречь иному бытию...
И душу настезь распахну скорее:
О Господи, прими рабу Твою!

* * *

Великое таинство слова!
Сближает оно и роднит.
Казалось бы: что в нём такого?
А манит оно как магнит.

И сердце, и руки остынут,
А слово любви — никогда!
Лелеешь его, как святыню
И ждёшь его, как благодать...

Связует оно крепче крови,
Поит слаще ласковых уст...
И длится в негаснувшем слове
Сияние вспыхнувших чувств.

И зов, и безмолвие даже
Лишь слову — хранить и спасать.
Оно и сквозь небыть расскажет
О том, что сейчас не сказать.

* * *

Ты гордынею обуян.
Я в гордыне, как в узле.
Ну и как тебе среди буден
Без меня на сей Земле?

Как без вечера душевной?
Сердце просто ли согреть?

Как без тени искушенья —
Искушённым будешь впредь?

Ах, не надо про другую,
Я одна на всей Земле.
Отстрадаю, отгоскую,
Отгорю свечой во мгле...

* * *

Сколько дней и ночей — без стихов...
Изболелось усталое сердце
От унылых житейских грехов
И постылого самоедства.

А стихи, как о них ни тужи,
Тихо-тихо слетают к нам свыше.
Дай мне, Господи, слуха души,
Чтобы песни небесные слышать...

г. Липецк

ПРАВОСЛАВНЫХ БАНДЕРОВЦЕВ НЕ БЫВАЕТ

Человеческое сознание инерционно. Оно, как правило, не поспевает за быстро меняющейся действительностью. Вещи и явления, давно отошедшие в прошлое, продолжают жить в глубоко укоренившихся стереотипах. Это касается как вопросов общих, относящихся к большим группам людей, так и частных, касающихся лишь отдельных личностей. Люди зачастую совершают поступки, сообразуясь со своими давно устаревшими представлениями. Двадцатипятилетний оболтус ведет себя как ребенок. Ничего удивительного! Престарелые родители дают советы о вещах, в которых когда-то хорошо разбирались, но с тех пор всё изменилось.

На уровне стран и народов многие представления также являются не более чем фантомами прошлого. Наш самый главный национальный фантом, представление одновременно и широко распространенное, и не соответствующее реальной действительности, — убеждение в том, что Россия до сих пор является империей. В споре на эту тему можно сломать немало копий, однако есть простые критерии и известные всем факты.

Велик ли процент русского населения в России? По последней переписи 2010 года он

РУССКИЙ МИР

составляет более 80%. Много ли в России территорий, на которых русское население практически не проживает? Нет. Их можно пересчитать по пальцам одной руки: Чечня, Ингушетия, Дагестан. Во всех остальных субъектах федерации процент русского населения значителен, и живет оно там давно, в некоторых случаях не меньше «коренных» этносов, и уж во всяком случае не является пришлым.

Однако главные вопросы не эти. Много ли русских компактно проживает на сопредельных территориях вне границ России? — Да. Несмотря на остервенелые усилия некоторых стран по выдавливанию и ассимиляции наших соотечественников, таких людей многие миллионы. Шире ли территория проживания русского народа границ современной РФ? — Да, безусловно! За границами России, компактно, на своей земле живут многие миллионы русских. Десятки миллионов.

Эти факты известны всем. И означают они, между прочим, то, что даже до критериев полноценного национального государства Россия сейчас, в целом, не дотягивает. Об империи и говорить нечего. Хороша была бы в свое время Британская империя, если бы миллионы англичан составляли угнетённые меньшинства вне ее границ, и даже часть ее ядра оказалась бы в пределах других государств, а колоний бы практически не осталось? Это больше напоминало бы обрубок, а не империю.

Но в то время как Россия, утратив значительные территории своего ядра и многие миллионы населения, фактически империей быть перестала, вокруг нее образовалось несколько государств, пытающихся вести себя как своеобразные маленькие «империи». Одно из таких государств — Украина.

Территория Украины значительно шире этнических границ титульного народа. На Донбассе нет и 5% «свидомых» украинцев, сторонников хунты. В Крыму такой процент был на грани статистической погрешности. Их доля была буквально как англичан в Индии XIX века. Ядро этой странной для нашего представления о мире «нетрадиционной» мини-империи совсем невелико. «Эталонные» национально-свидомые, почитающие Бандеру и прочих «хероев», говорящие исключительно по-украински люди составляют население Галиции. То, что ареал распространения их убеждений, идеологии и языка за последние десятилетия сильно расширился, не должно никого вводить в заблуждение. Просто чуждое для нас галицийское ядро украинской «империи» обросло колониями, возникшими, кстати, из обломков нашей бывшей национальной территории, как тот же Донбасс.

Часть ее колоний вполне лояльна и готова даже воевать за своих нынешних господ. Тем не менее это образование ни в

коей мере не является национальным государством. Его власть над многими территориями держится лишь на голом насилии. Политика украинского государства в отношении таких земель является не чем иным как **колониальной политикой** в полном смысле этого слова.

Язык населения восточных колоний находится в угнетенном положении и, как правило, даже не изучается в школах. Партии, ранее их представлявшие, запрещены. Историческая память населения восточных колоний систематически выкорчевывается. Ресурсы подвергаются разграблению. Названия городов и улиц стираются, памятники сносятся, символы как советские, так и дореволюционные, запрещаются. Церковь подвергается гонениям. Представление о каком-то «братстве» со свидомыми украинцами, сторонниками хунты, давным-давно устарело, равно и представление о «единоверности». Там, извините, православных днем с огнем не сыщешь. Среди них есть раскольники, униаты, сектанты, кто угодно. **Православных бандеровцев нет.** Есть те, кто крещены в Православии, но верующих нет.

Война на Донбассе (Восточной Новороссии) является самой настоящей колониальной войной. То, что ее ведут граждане одной и той же страны, не должно вводить в заблуждение. Восстания болгар или греков против османского владычества и последующие войны также велись гражданами одного и того же государства. Однако это совсем не значит, что это была «гражданская война в Османской империи». Там не было никакой гражданской войны, как нет ее теперь и на Украине. Со стороны балканских славян и греков эти войны были национально-освободительными. Со стороны османов — колониальными. Точно так же и теперь. Даже немцы во время Великой Отечественной по возможности старались склонить население оккупированных территорий на свою сторону. Церкви позволяли открывать и пр. Украина же на Донбассе за сердца и умы местного населения даже не думает бороться. Только страх и террор, обстрелы, аресты, запугивание и грабеж. Высказывания о неполноценности населения Донбасса и всей Новороссии, нашей культуры, языка и исторической памяти стали в украинских СМИ общим местом. Война, которая ведется методами колониальной войны и ощущается теми, кто ее ведет со стороны Украины, как война против туземцев-недочеловеков, на самом деле и является самой настоящей колониальной войной.

Соответственно и с противоположной стороны. Почему мы сочувствуем Донбассу? Совсем не потому, что это одна из сторон чьей-то чужой «гражданской войны». Для Донбасса

эта война национально-освободительная, и войну эту ведет наш народ. Толкование природы этого конфликта как «чужой гражданской войны» приводит только ко лжи, позору и ползанию на брюхе. Так, например, власти РФ после долгого перерыва запретили въезд на территорию России по паспортам ДНР. Это, конечно, обрадовало «киевских партнеров», но в свободной части Донбасса за эти годы достигло совершеннолетия немало людей, которым украинский паспорт не выдавался вовсе. Многие паспорта были отняты или испорчены на украинских блокпостах. Достаточно косога взгляда или «не той» обложки, скажем старой, с гербом СССР, и твой паспорт насаживается на кусок арматуры, торчащей из бетонного блока.

Дело не только в Донбассе. Правильное понимание вопроса отлично объясняет, что же произошло и с Украиной. Многие переживают по ее поводу, мол, «как же так, мы ведь так хорошо жили вместе, братский народ» и пр. Центральная Украина (она же Малороссия) стала **лояльной** колонией глобальной империи с центром в США. Причины этой лояльности — отдельный вопрос. Это напоминает матрешку. Малая матрешка бандеровской «империи» (со своими колониями в Новороссии) находится внутри большой матрешки — глобальной империи США.

Рецепт против этого один: демонтаж этой «украинской» мини-империи как единственный достойный ответ на превращение народа Новороссии в объект колониального угнетения. На вопрос о том, возможно ли дальнейшее сосуществование с тем, что сейчас является центральной Украиной, также есть ответ, и он утвердительный. Необходимым условием этого как раз и является разрушение целостности бандеровской империи. Лишь в таком случае Малороссия может перестать быть ее частью. Больше того, ее демонтаж необходим и для выживания Православия на этих землях. В противном случае, укрепившись, т.н. «единокровные братья», бандеровцы, загонят Церковь в катакомбы похлестче любых турок-османов. Эти планы они уже строят вовсю.

Задача эта конечно не из простых, так как за малой бандеровской империей стоит империя большая, западная. К счастью или к сожалению, пути назад нет. Просто так поднять руки вверх уже не получится. Поражение национально-освободительного восстания (подавление силой или принуждение к сдаче) автоматически приведет к тому, что противостояние будет перенесено на территорию самой РФ. На том же Кавказе или в Поволжье нашими «партнерами» заложено немало «фитильков». Есть еще взрывоопасные Средняя Азия

и Закавказье. О том, сколько «фитильков» в Москве, в верхах российской власти и в олигархии, лучше даже не думать. Наша проблема в том, что нынешняя Россия перестала быть империей не только в территориальном смысле, но и в смысле политическом. Зависимость от «партнеров» экономическая, идеологическая и даже кадровая очень велика. Баскаки глобальной Орды чувствуют себя в Москве вполне спокойно. Их немало и в СМИ, и среди олигархов, и во властных кабинетах. Для них что Донбасс, что Россия — всё пустой звук.

Каждый год мы празднуем День Великой Победы. Правда, тем не менее, заключается и в том, что за Победой 45-го было страшное, разрушительное поражение 91-го. Не будем обманывать себя. Мы — страна-победитель только благодаря победе дедов, результаты которой были во многом пушены по ветру. Создание на наших границах бандеровской, галицийской мини-империи и возрождение в ней фашизма — лучшее тому свидетельство. Без стремления к победе над сегодняшним фашизмом все громкие слова — не более чем лицемерие и проявление устаревших стереотипов.

Для того чтобы быть великой державой, России недостаточно прошлого величия и прошлых побед.

Мирослав РУДЕНКО,
депутат Народного Совета ДНР

ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ДНР И ЛНР

Рассматривая комплекс задач, которые на современном этапе стоят перед исторической наукой и историками Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Новороссии в целом, хотелось бы сразу выделить два контура.

К первому относятся очевидные текущие прикладные задачи по созданию курсов объективной, очищенной от влияния идеологических установок украинского национализма, а также более ранних советских идеологов, рассматривающих

Донбасс исключительно как восточную часть УССР. Необходимо рассмотрение истории Донецкого и Луганского регионов и Новороссии (бывшего Юго-Востока Украины) как уникальных, но вместе с тем органичных частей Русского мира.

В идеале данное направление требует усилий не только учёных, но и государства. Нужно сформировать государственный заказ на глубокое изучение истории Донецкого края, нужно создавать специализированные научные учреждения, для начала — Институт истории Донбасса, нужно всячески содействовать подготовке и изданию многотомных фундаментальных исторических исследований региона, имеющих всесторонний, академический характер. Сюда же можно отнести крайне актуальную задачу — дать чёткое научное определение и характеристику целому ряду взаимосвязанных событий, явлений и процессов, которыми был насыщен последний двухгодичный период новейшей истории Донбасса.

Необходимо выяснить причины, дать периодизацию этапов, изучить развитие, ход и результаты: «Русской Весны», Донбасского восстания в марте 2014 г., Апрельской Революции (2014), Национально-освободительной войны за Новороссию 2014—2016 гг.

Многие недавние события в массовом сознании воспринимаются «по живому», некоторые, начавшиеся весной 2014 г. процессы, ещё не завершены и тесно переплетаются с современными общественными отношениями и политическими реалиями, складывающимися на территории Народных Республик. Наверное, всё это только усложняет работу исследователя и мешает формированию отстранённого ретроспективного взгляда на вещи. Но вместе с тем нельзя откладывать эту работу «в долгий ящик». Иначе кто-нибудь сделает её за нас, и далеко не факт, что выданные на-гора результаты будут хоть сколько-нибудь объективными.

Как отмечают П.Л. Морозов и О.М. Смирнова в статье «Общественные дисциплины» из сборника «Педагогическая сокровищница Донетчины» (2015, №1): «Содержание обществоведческого образования всегда было и остаётся предметом пристального внимания государства, поскольку дисциплины этого цикла формируют общечеловеческие и гражданские ценности. Особенно это актуально сегодня, когда обществоведческие дисциплины призваны формировать идеологическую основу образования молодой республики».

Именно история является основной обществоведческой дисциплиной, поэтому так важна задача по созданию новых учебных программ и пособий по отечественной истории для организаций среднего, средне-специального и высшего образования

на территории ЛДНР. От её решения зависит идейная направленность, содержание и качество преподавания соответствующего предмета в образовательных организациях республик.

Автору известен определённый опыт и практические шаги, которые были предприняты в этом направлении на территории Донецкой Народной Республики. Так, в январе 2015 г. на базе Министерства образования и науки была создана рабочая группа по разработке Концепции преподавания истории в учреждениях образования ДНР. В состав группы вошли специалисты министерства, сотрудники Института последипломного педагогического образования, представители исторического факультета Донецкого национального университета, ученые-историки ведущих вузов, педагоги-практики из общеобразовательных школ, представители методических объединений и депутаты Комитета по образованию, науке и культуре Народного Совета Республики. На заседаниях рабочей группы обсуждались и прорабатывались примерные программы, предложенные учёными истфака ДонНУ, методические рекомендации по изучению предметов, имеющих идеологическую направленность, во II семестре учебного года, подготовленные Институтом последипломного педагогического образования. Итогом работы группы стало появление учебных программ по истории на II семестр 2014/2015 учебного года по курсу «История Отечества» для 7—11-х классов общеобразовательных учебных заведений, а также рабочей программы для студентов вузов непрофильных специальностей по курсу «Отечественная история». В программе по общеобразовательному курсу «История Отечества» внимание акцентировалось на местном компоненте истории, в программе по курсу для студентов вузов «Отечественная история» упор делался на изучение развития общества на землях Донбасса в контексте истории России.

Летом 2015 г. работа над учебными программами была продолжена на базе Донецкого республиканского института дополнительного педагогического образования. К началу 2015/2016 учебного года была подготовлена новая примерная Программа исторического образования.

На ступени основного общего образования она предполагает изучение пропедевтического курса «Введение в историю Донецкого края» в 5-м классе. Как указывают П.Л. Морозов и О.М. Смирнова, цель данного курса: «...формирование у школьников самоидентичности и чувства собственного достоинства на основе осмысления социального и морального опыта предшествующих поколений жителей родного края, посредством

изучения истории Донецкого региона, его культуры, исторических памятников и личностей, прославивших наш край».

В соответствии с Примерной программой исторического образования в 6—9-х классах и 10—11-х классах изучаются два курса — «Всемирная история» и «История Отечества». При этом «История Отечества» является интегрированным курсом, представленным двумя составляющими — «История России» и «История Донетчины» с приоритетом последней.

Как видно, вопросу создания новых учебных программ по истории в ДНР уделялось значительное внимание; однако пока вся образовательная отрасль ДНР находится в состоянии переходного периода, пока программы по истории не приобрели устоявшийся характер, пока не напечатаны качественные учебные пособия по этим программам, нельзя сказать, что данная задача решена окончательно.

Переходя к анализу второго контура задач, нужно отметить, что все они замыкаются на решении одной сверхзадачи, которая видится автору в следующем. Историки ЛДНР, опираясь на исторический опыт Донбасса и Новороссии, а также критику несостоятельного националистического концепта истории Украины, сегодня имеют все основания выступить в научной среде инициаторами академической дискуссии относительно необходимости глубинного переосмысления собственно российской истории и тем самым подтолкнуть своих российских коллег к этой перспективной тематике. К этому подталкивает сама логика начавшейся в 2014 г. Русской Ирреденты, — нового этапа борьбы за воссоединение народа и земель исторической Руси-России в рамках единого национального и государственного организма, сравнимого по историческим масштабам с событиями, приведшими к Переяславской раде 1654 г.

Всё острее чувствуется необходимость создания новой концепции общерусской истории. Ведь ни взятый на вооружение украинской исторической школой концепт Грушевского — «Украина как единственная наследница Киевской Руси», ни даже советский концепт «трёх братских восточнославянских народов, вышедших из колыбели древнерусской народности», не могут объяснить воли народа Донбасса и шире — Новороссии к воссоединению единого цивилизационно-культурного пространства с Россией. Возможно, в нынешних условиях для описания этнической истории необходимо актуализировать термин «русский суперэтнос» из теории этногенеза Льва Гумилёва.

Вот что говорят о единстве восточнославянских народов донецкие учёные Л.А. Крутова и О.Б. Пенькова в статье «Совре-

---

менные подходы к изучению истории Донбасса», опубликованной в выпускаемом на историческом факультете ДонНУ «Журнале исторических, политологических и международных исследований» (2015, №1): «Сегодня этнология определяет восточнославянские народы как устойчивую мегаэтническую общность или единый суперэтнос». Как тут не вспомнить термин «русские славяне», введённый в научный оборот знаменитым историком XIX в., автором нашумевшей в своё время статьи «Две русские народности» Н.И. Костомаровым?

Изучение отечественной истории сквозь призму единого суперэтноса вызывает необходимость пересмотра сложившихся в XX в. подходов к истории Древней Руси, России, Новороссии, Украины, Донбасса; пересмотра подходов к восточнославянской этнической истории и в особенности — восточнославянской этнической терминологии.

К сожалению, большинство исторических исследований и учебных пособий по истории России и Украины, опубликованных в XX в., содержат примеры необоснованного, зачастую идеологически ангажированного переноса понятий и характеристик восточнославянских этнических общностей века XX на восточнославянские этнические общности и явления XVI, XVII, XVIII вв. В плане пересмотра восточнославянской этнической терминологии будет полезно обращение к опыту российской дореволюционной историографии. В частности, к концепции триединого русского народа, общности, состоящей из трёх равнозначных ветвей-народностей: великороссов, малороссов и белорусов.

При этом Донбасс и Новороссия в целом представляются плодом исторического творчества во многом именно великороссийской и малороссийской народностей, а также того общерусского государственного организма, в державном облике как Российской империи, так и Советского Союза, который положил начало феномену, далеко вышедшему за чисто этнические рамки, — многонациональной Русской цивилизации.

Конечно, кому-то может показаться, что новое прочтение общерусской истории задача слишком большая, сложная и вообще ненужная. Но, как уже отмечалось выше, историки Донецкой и Луганской Народных Республик самим вызовом времени поставлены перед острой необходимостью её решения. На самом деле тот же, может быть, ещё до конца не осознанный вызов стоит и перед нашими российскими коллегами.

В качестве иллюстрации необходимости создания новой исторической концепции в России напрашивается пример явной экстраполяции при описании этнических процессов XVII в. в новейшей российской учебной литературе. Речь пой-

---

дёт о вышедшем в этом году в московском издании «Просвещение» учебном пособии, по которому обучаются в том числе и школьники ДНР — «История России. 7 класс. Учебник для общеобразовательных организаций» в 2-х частях под редакцией А.В. Торкунова. Глава вторая второй части данного учебника под названием «Смутное время. Россия при первых Романовых» содержит важный в идеологическом плане параграф под номером 23 с характерным названием: «Под рукой» российского государя: вхождение Украины в состав России». Причём, что интересно, в первом разделе этого параграфа речь идёт о «Западнорусских землях в составе Речи Посполитой», а вот во втором разделе, как видно из названия «Вхождение Украины в состав России», описанные выше оккупированные поляками западнорусские земли уже чудесным образом трансформируются в «Украину».

Ни у кого из взрослых не должно возникать иллюзий насчёт того, что в большинстве случаев сознание современного ученика 7-го класса (особенно на территории ЛДНР) будет воспринимать ту, во многом для него абстрактную территорию XVII в., условно названную в учебнике «Украина», как некий аналог нынешнего государства Украина. В том же втором разделе содержится и крайне любопытное предложение: «В 1663 г. для управления Левобережной Украиной в Москве был создан Малороссийский приказ». Любопытный ученик может задаться вопросом: почему же орган, созданный для управления «Украиной», называется «Малороссийским приказом»? Почему не «украинским»? А потому, что в учебнике произошёл перенос современного нам понятия «Украина» на используемое в исторических документах того периода для обозначения данной территории наименование «Малороссия».

В материалах для самостоятельной работы и проектной деятельности учащихся — «Народы России в XVII в.» и «Повседневная жизнь народов Украины, Поволжья, Сибири и Северного Кавказа в XVII в.» ученики также сталкиваются с употреблением термина «украинцы» в качестве этнонима. А ведь данный этноним совершенно не характерен для этнической ситуации в Малороссии XVII в. Так дети со школьной скамьи получают искажённые представления о прошлом своей Родины и истории своего народа. Может быть, для российских школьников эта терминологическая путаница и не так важна в настоящее время, но для учеников из Донбасса подобные нюансы в используемой терминологии могут иметь важное значение и далеко идущие последствия как для становления основ самосознания, так и для формирования позиции гражданина и патриота своего государства.

Как видится, при описании в учебных пособиях по курсу отечественной истории процесса вхождения Малороссии в состав Русского государства в XVII в. и при характеристике этнической ситуации, возникает вопрос обоснованности и правомерности использования этнических терминов, характерных для того периода — «казаки», «русины», «малороссы», «черкасы». Упоминая автономное образование запорожских казаков после Переяславской рады, вместо термина «Левобережная Украина», предлагается употреблять его исторические названия — «Войско Запорожское», «Украина Малороссийская», «Малая Россия», «Малороссия».

При изучении истории Южной и Юго-Западной Руси XVII в. необходимо разъяснять учащимся, что под термином «Украина» (причём с ударением на «а» — «УкрАина») в то время подразумевалась пограничная земля, пространство, территория, но никак не государство, а под термином «украинец» («укрАинец») — житель данной территории, но никак не представитель этноса, отдельного от русского народа.

В завершении данной работы ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что упомянутая выше терминологическая «революция» возможна лишь при создании новой концепции общерусской истории или хотя бы наличии академической дискуссии в научной среде на данную тему.

Григорий МИРОНОВ

ЕЩЕ ОДИН УРОК ДЛЯ НАС

В Херсонской области современной Украины, особенно на ее юге, идет неприкрытый процесс захвата территории со стороны той радикальной части крымско-татарского народа, которая выступает со стороны исламских радикалов. Для решения тактических интересов киевских властей туда свозятся националисты и исламисты из многих стран мира. Особую остроту данной проблеме добавляет преобладание в среде приезжих сторонников концепции пантюркизма, на-

---

прямую поддерживаемых Турцией. В последнее время в область начинают попадать и боевики террористического «Исламского государства», которые воевали в Сирии и Ираке. Прежде абсолютно славянский регион при попустительстве и согласии официального Киева постепенно превращается в область нестабильности и страха, где в будущем возможны даже военные действия. Попробуем разобраться в этой проблеме, понять, кому это выгодно и зачем власти Украины содействуют замещению населения с исконно славянского на мусульманское и тюркское.

С чего все начиналось. Желание властей в Киеве иметь военизированные формирования, состоящие из крымских татар, в составе ВСУ заставило их организовать на границе с Крымом лагерь подготовки боевиков. Ни для кого не секрет, что использовать их планируют на Донбассе и даже в Крыму. И об этом говорится совершенно открыто, особо не скрывается даже то, что целью их создания является совершение террористических актов в разных точках мира.

Получив минимальные гарантии со стороны властей, турки-крымцы сразу же предложили Украине организовать в Геническом районе Херсонщины компактный национальный район с центром в городе Геничеськ, абсолютно не обращая внимания на мнение возмущенных жителей. Там, по планам меджлиса крымско-татарского народа, у татар должны быть свои органы власти, музеи, университет и прочее. По мнению активистов, сам этот факт покажет татарам непосредственно на Крымском полуострове, что Украина заботится о соотечественниках, предоставляет им долгожданные права, и те, возможно, ответят благодарностью — начнут работу по обострению ситуации. Пока что речь идет о Крыме.

Ученые выделяют четыре стратегии культурной адаптации мигрантов. Когда индивиды не хотят поддерживать свою культурную идентификацию и постоянно стремятся к тесному контакту с другими культурами, этот процесс связывается с выбором мигрантами стратегии ассимиляции. Напротив, когда мининациональная группа считает ценным поддерживать только собственную культуру и в то же время хочет избежать взаимодействия с другими, этот процесс определяется как сепарационная альтернатива. Когда же обе группы заинтересованы в поддержании собственной культуры и общении с другими группами, этот процесс называется интеграцией. И, наконец, когда существует незначительный интерес к собственной культуре и также невысокий интерес к поддержанию отношений с другими культурами, этот про-

---

цесс называется маргинализацией. На Херсонщине татары взяли курс именно на сепаратизм.

Постепенно переселенцы стали устанавливать свои порядки. В самом Херсоне свободно действуют татарские организации, проповедующие радикальные взгляды, например, приверженцы турецкой пантюркистской секты Нурджулар. Они активно распространяют и свои интерпретации истории, по которым не только Крым, но и вся Херсонщина — это якобы исконная крымско-татарская земля с 1000-летней традицией, а Херсон и многие другие населенные пункты основали именно их ханы. В последнее время начинают всё сильнее звучать заявления на историческое право крымцев на эти земли. Татаризация идет полным ходом. Кроме того, недавно в Херсонской области стали появляться надписи на домах, весьма радикального содержания: «Здесь турецкая земля», «Здесь начинается халифат» и «Османская империя возрождается».

Деятели меджлиса постоянно требуют у руководства области переименовать советские и славянские названия улиц в честь своих «исторических» личностей, а от одноплеменников требуют селиться компактно в одном месте, просят не расплываться и не уезжать в другие области страны и Киев.

С момента начала всех событий в 2014 г. на Украину попало уже около 20 тысяч переселенцев. Многие эксперты утверждают, что при продолжении такой миграции и большей рождаемости крымских татар в сравнении с местным населением, с каждым годом их будет становиться всё больше. Украинская культура однозначно воспринимается мигрантами-татарами как «фемининная» (женская), тогда как своя собственная — маскулинная (мужская). Это неизбежно приводит к выработке соответствующего поведения, основанного на превосходстве одной группы над другой.

Не до соборности. Интересна и реакция на все это со стороны украинских националистов. Они не устают заявлять о «соборности Украины», выступают якобы против сепаратизма, но совершенно спокойно смотрят на то, что один из пока еще украинских регионов отдается официальным Киевом на откуп исламистам и пантюркистам, в далеко идущих планах которых — воссоздание Османской империи. Видимо, здешнее коренное население никто спрашивать не собирается, считая их гражданами второго сорта. Об этом говорит и тот факт, что активисты «Правого сектора» вместе с крымскими татарами осуществляли и осуществляют экономическую и энергетическую блокаду Крыма, взрывали опоры ЛЭП, досматривают и терроризируют водителей и простых жителей,

---

выставляют портреты Степана Бандеры возле дороги, что жутко и чуждо коренному населению Херсонской области.

Действительно, среди населения этого русскоязычного субъекта много людей с пророссийскими взглядами, которым не доверяют украинские власти и их крымско-татарские союзники. Скорее всего, для украинских властей легче сделать из региона мусульманскую автономию и переселить туда тысячи мусульман и террористов, чем допустить, что в будущем эта область может войти в состав Новороссии. Иначе к чему отдавать границу с Крымом под контроль вооруженных формирований крымских татар и украинских националистов?

Жители Херсонщины рассказывают, что активисты «блокады» Крыма держат в страхе всю приграничную территорию. Постоянная стрельба и многочисленные учения пугают мирное население. Против пришельцев даже взбунтовался целый поселок под названием Каланчак, там начали создавать свое народное ополчение с целью охранять порядок и защищать жителей от таких вот чуждых им «активистов».

Однако эта инициатива была незамедлительно подавлена — для новых киевских властей народное ополчение из числа местных жителей намного опаснее вооруженных и организованных, прошедших школу ИГИЛ исламистов. Местным милиционерам дано указание не вмешиваться в конфликтные ситуации, возникающие между крымскими татарами и местным населением области, не препятствовать самозахвату крымскими татарами земель и строений, а также пресекать деятельность отрядов самообороны, создающихся из числа местных.

Дестабилизация и мусульманский анклав. Кроме Киева в нестабильности в Крыму и на его границах заинтересованы и турки. Они открыто поддерживают все начинания своих собратьев и, что уж скрывать, поддерживали их раньше. В самой Турции, по некоторым оценкам, живут миллионы крымских татар, которых государственная пропаганда усиленно готовит и агитирует, настраивая на то, что их историческая родина на самом деле Крым, и они в ближайшее время туда вернуться. Это наверняка делается для поднятия вопроса репатриации этнических крымских татар Турции на северный берег Черного моря. Активно насаждаются воззрения околорелигиозных сект и организаций, распространяющих идеи пантюркизма среди соотечественников в Крыму. А в последнее время растет и число сторонников исламского фундаментализма. Превратить весь крымско-татарский народ в противников славян у турецких властей не получилось, теперь они начинают использовать исламский фактор.

Официальная Анкара не скрывает, что финансирует сегодня все акции и проекты с целью противостояния России, а создание вооруженных формирований под своим негласным контролем отвечает турецким планам. Крымско-татарский русофоб Ленур Ислямов вообще заявил, что Минобороны Турции уже начало оказывать военную помощь создаваемому крымско-татарскому батальону имени Номана Челебиджихана. А многолетний лидер антироссийского лагеря Мустафа Джемилев встречался с турецким президентом Тайипом Эрдоганом, который заверил его в том, что Турция будет оказывать им всестороннюю поддержку. Кроме крымских татар в такие формирования планируются привлекать и другие национальности: кавказцев, выходцев из Средней Азии, арабов и прочих. Особенно будут ценить тех, у кого есть военная подготовка и опыт боевых действий. Боевики ИГИЛ для них — «то, что нужно», тем более многие из них давно опекаются Турцией.

В конечном итоге. Ситуация на юге Херсонской области сегодня вызывает серьезные опасения. Она требует глубокого осмысления. Украинские власти надеются, что руками крымских татар и приезжих боевиков ИГИЛ они смогут дестабилизировать ситуацию в Крыму, сделать Херсонскую область менее пророссийской, мигранты помогут разбавить возможный сепаратизм. Но на самом деле всё наоборот, именно крымско-татарские лидеры пытаются использовать украинские власти в своих целях, создав для себя мусульманский анклав и свои собственные вооруженные отряды на границе с российским Крымом. С этим осиным роем будет очень сложно разобраться в будущем и заставить его сложить оружие. При малейшей волне дестабилизации на Украине эти военизированные отряды будут иметь решающее значение в создании государственного образования крымских татар уже на этой территории, со всеми вытекающими последствиями для местного населения. Исламисты неизбежно предпримут (или уже предпринимаяют) попытку реализовать сепарацию. Разве призывают селиться компактно, когда хотят интегрироваться? А они специально обособляются своей общиной от окружающего общества.

В Херсонской области может наступить момент, когда будет пройдена точка невозврата: при накоплении критической массы мигрантов и продолжительного периода их пребывания на территории они станут считать регион своим, и контроль властей над процессом расселения будет утерян, коренные жители будут уезжать под давлением приезжих. Если обычно такой процесс может занимать несколько деся-

---

тилетий, а то и веков, то захват Херсонщины исламистами произойдет в разы быстрее. Пример: миллионов мигрантов, заполонивших Европу. При этом в отличие от других мигрантов эти пользуются поддержкой не только киевских властей, но и влиятельной в регионе Турции. Нет никакого сомнения, что турки вместе с татарами обманут украинцев. Делая вид, что работают против общего врага, они только используют Киев. Если эти миграционные и политические процессы будут продолжены в ближайшем будущем, мы станем очевидцами появления еще одного очага межнационального конфликта на постсоветском пространстве.

И это — урок для России.

Валерий СКРИПКО

УКРАИНСКАЯ ФАМИЛИЯ

В этот южный украинский город я приехал из Сибири в конце восьмидесятых годов. Осень. На набережной вижу памятник-пушку, которая смотрит дулом в сторону Днепра. Вспоминаю своего знакомого фронтовика — Василия Тимофеевича, который дрался здесь с фашистами и форсировал Днепр в этом самом месте.

Зима. Ну, какая тут зима? Одно название. В шашлычной среди каштанов шустрый парень поджигает древесные щепки и мелко наколотые полешки. Рядом, за столиками — молодёжь в лёгких куртках. К набережной врассыпную бегут дети, и звенит во влажном воздухе непривычный для сибирского слуха украинский говор.

Администратор соседней с набережной гостиницы, куда я обратился по приезду, отлучилась, как мне сказали, часа на полтора. И я брожу с сумкой, в зимнем пальто и унтах, обходя лужи. На меня смотрят, как смотрели бы, наверно, на снежного человека, случайно попавшего в эти края!

Я брожу вдоль набережной, и пронзительная грусть покалывает моё нутро, словно пузырьки какого-то небесного шампанского, которое в меня вливает божественный верховный поводырь этого мира. А грусть от того, что здесь не ос-

---

талось почти ничего от духовной атмосферы тех подвигов, которые здесь совершали наши отцы и деды и мой сибирский знакомый Василий Тимофеевич.

Мысленно представляю, как идут в атаку Василий и его товарищи. Вот здесь, у клумбы, они залегли, а там — на пригорке — бросились в штыковую...

Но сейчас на пригорке — столики, и сидят раскормленные парни с подругами. Дымятся шампуры с шашлыком. Один из парней платочком вытирает жир с губ своей возлюбленной.

Тому поколению, к которому принадлежал Василий Тимофеевич, Господь дал право решать: быть ли всем нам под немецким рабством или умереть. А нынешнему поколению позволил наслаждаться миром без всяких условий. Они так это и поняли.

Но Василий Тимофеевич, оставшись в живых, ничего не приобрёл от благ мира сего: он живёт в старом доме, курит дешёвые сигареты, у него маленькая пенсия.

Администраторша гостиницы уже открывает окошко и всматривается в гостя.

Женщине лет сорок. Она вопросительно смотрит на меня:

— Я издалека, мне бы место, пожалуйста! — говорю я на чисто русском языке, который еще встречается в Сибири.

— Мист нэма, — сурово говорит администраторша и отворачивается.

Как приговорённый к казни, лихорадочно ищу выход, расхаживая по паркетному полу. Унты мои порядочно намокли и оставляют на паркете мокрые следы. В пальто мне жарко, в мокрых унтах ногам мерзко!

Хочется есть, хочется поваляться на кровати после долгого пути.

Администраторша, забыв обо мне, смотрит телевизор. На минутку, по каким-то делам, выскочив в холл гостиницы, замечает мои унты.

— Ты що отак вырядывся?

И тут меня понесло.

— Так я ж из Сибири. А сам украинец. Первый раз на родину приехал к маме. Она в больнице, а я к тетке идти не хочу. Знаете, как я долго о своей родине мечтал! Как песню украинскую услышу, чуть не плачу. У меня дома вышиванки лежат как память от батьки. И вот видишь, как родина встречает! — с глубоким вздохом заканчиваю я.

Где-то в глубине души я чувствую, что немного перегнул. Я своего отца-украинца конечно любил, но нынче, когда к

бабушке ехал, ни о чём таком высоком не думал... Но вижу, что администраторша потеплела и размагчилась.

— Шо так долго не йихав? — спрашивает она.

— Та жисть такая: то учеба, то работа!

Женщина молча протянула ко мне руку, чтобы взять паспорт. Прочитав мою украинскую фамилию, она окончательно принимает меня за своего и заботливо спрашивает: на каком этаже я хотел бы поселиться? Я прошу с видом на набережную. И она поселяет меня в прекрасный двухместный номер с горячей водой и душем.

Сосед по номеру — украинец, тоже принимает меня за своего, и я незаметно для самого себя начинаю использовать в речи украинские обороты. Сосед едет продавать овощи москалям. Взял липовую справку о том, что он работает в колхозе. Без этого торговать не дадут. Сам давно живёт отдельно и от колхоза, и от государства, и от Москвы, и всех нас! Я мысленно представляю хутора, усадьбы в Запорожской степи, в густых лесах Закарпатья. Сидят там зрелые, заматерелые частники, как сычи! Вроде наши и не наши! Говорят и думают на своём языке. И о своём. А наш москальский социализм им, как инструкция о жизни на Марсе.

После душа я стою в халате у окна и смотрю на памятник-пушку. Воевавший здесь Василий Тимофеевич служил в пехоте. Но, может, это пушка их полка?

Эх, Василий Тимофеевич, тебя бы с твоей русской фамилией в эту украинскую гостиницу точно бы не пустили. Да и врать про родину, как я, ты бы не стал. Почему же между близкими народами началось такое отчуждение?

За что русскому человеку кара такая?

Освобождал, погибал, а всё в немилости. Как нелюбимый муж. Другой и пьёт и бьёт, а лучше его нет.

Как немцы сейчас — уважаемые люди среди славян. Когда-то такие же немцы размазывали их предков по земле гусеницами танков. Но потомки жертв — зла не помнят! А за добро, за спасение — на своих же братьев всё чаще смотрят косо! Что за порода такая? Скажи, Матерь Божья?

...Мимо гостиницы несутся автомобили, бойко идёт торговля в киосках. Мне грустно. Мне хочется многое в этой жизни изменить. Но я не знаю как. И потому я иду на набережную есть шашлыки и запивать их сухим вином...

Как ни удивительно, но у этой подлинной истории было вполне подлинное продолжение. Я вернулся домой, на Крайний Север, написал этот практически документальный рассказ и напечатал его в нашей городской газете.

Через неделю случайно зашёл в редакцию. Одна из сотрудниц, родом из Украины, закричала на меня:

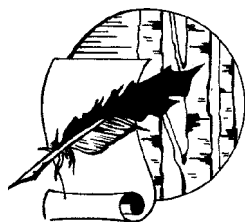
— Зачем вы это написали? Не может такого быть! Не верю!

Она сильно расстроилась. Своим рассказом я словно сообщил некий сигнал, который говорил о будущей величайшей трагедии её народа.

— Да как не может быть?! — вскричал я. — Мне уборщица до прихода администратора сказала, что мест свободных навалом! Это за что такой отказ? За что мордой по земле возили?! За то, что я русский? А если бы ветеран войны из Сибири приехал?

Она с ненавистью посмотрела на меня. И я кое-что начал понимать...

Сотрудница потом уехала на Украину.

ПОЭЗИЯ ИЗГНАНИЯ

Стихи поэтов Донбасса, покинувших родину

Виктор МОСТОВОЙ

* * *

Всё уже не может быть, как прежде.
Смолкли прошлой жизни голоса.
Взорванной, расстрелянной надежде
Выпала дорога в небеса.

«До» и «после» — страхи и тревоги,
Как у деда, позже — у отца...
Тень войны — у самого порога.
Тень беды — с начала до конца.

* * *

Ох, метель! Ветер с бешенством
Хлопья крутит и вертит.
Я в России, я беженец,
Жил я в шаге от смерти.
Я уехал из ада,
Где под залпы орудий
И разрывы снарядов
К жизни тянутся люди,
Где дома, как скелеты,
Окна — чёрные дыры...
Сам не ведаешь, где ты —
Ни страны, ни квартиры.
И опять ветер с бешенством
Хлопья крутит и вертит,
А на Родине беженцы
Уезжают от смерти.

---

* * *

Я Родину свою не предал,
Не превращал Донбасс в руины.
Не скоро я домой приеду..
Нет больше в сердце Украины.

Нас власти оградили стенкой,
Смертельное устроив шоу.
Была мне Украина ненькой,
А стала стороной чужою.

г. Стаханов, ЛНР

Елизавета ХАПЛАНОВА

* * *

Тоскуем не о прошлом, а о будущем...
Глотаем боль отравленного времени.
Мы не живём, а ожидаем случая...
В земле — металл. В ней нет живого семени!

В заплатах каждый дом и сердце каждое.
Холодный ветер лязгает снарядами.
Лишь тишиной напиться нынче жаждем мы!
Увидеть солнце утром будем рады мы...

Меж залпом и разрывом жизнь протянется,
Как будто нить в отверстие игольное...
А после... Мы не знаем, кто останется,
И кто услышит пение престольное.

Нет в настоящем будней или праздников —
Всё полосой сплошной сквозь судьбы сущие.
И лишь Всевышний день стирает ластиком,
Сокрыв от нас и прошлое, и будущее...

* * *

То ли сон, то ли явь, но летят на Восток
Отчизны снаряды.
И снайперы метят вам точно в висок...
Держитесь, ребята!

Достанет вам сил, чтобы встать и стоять
До полной победы!
Донбасс и Россия — славянская рать,
Здесь общие беды.

Плечо подставляют Самара и Брянск,
Ростов и Саратов...
Держитесь Славянск, и Донецк, и Луганск!
Держитесь, так надо...

Орёл и Казань, Краснодар и Сургут
Молитвы читают.
...Но сердце Донбасса взрывают и бьют,
Пошады не зная.

Российское братство стремится помочь —
Спасибо, что рядом!
Наступит рассвет, канет в прошлое ночь...
Держитесь, ребята!

* * *

Ничего не поделаешь. Время диктует своё...
Только память суровая мысли уносит к проспектам,
Где кормила с ладони голубушек и воробьёв,
Где в сезоне любом душу грело беспечное лето.

Вырастаем из крыльев. Уходим из белого сна...
Не остаться ребёнком, когда наши дети взрослеют
Не от прожитых лет — от картин, что дарила война.
Раньше срока взрослеют... А мы — раньше срока седем.

Ничего не поделаешь... Жизнь нам дана только раз!
По весенним дорогам идти хоть немного, но легче
В край любимый с красивым звучаньем — Донбасс.
Пусть уже не рассвет. Но еще далеко и не вечер...

Значит, время придёт собирать не беду, а росу.
Строить новую жизнь на вчерашнего счастья обломках.
С терриконов тянуться, чтоб в небо плеснуть бирюзу.
Ставить в землю кресты. И латать меж крестами воронки...

г. Макеевка, ДНР

Иван НЕЧИПОРУК

* * *

В такие ночи люди умирают.
Зачем же я, дурак, ещё живу?
Б. Чичибабин

В такие ночи люди погибают
Под вероломным яростным огнём.
Людские жизни словно свечи тают...
А мы, счастливицы, надо же, живём!

Мы просыпаемся. Шатаясь, на работу
Идём и оживляем города,
И снова дышат шахты и заводы...
А кто-то в Лету канул. Навсегда!

Мы будем жить назло друзьям вчерашним!
Снарядами летят сомненья прочь...
Обязаны, как ни было б нам страшно,
Жить за себя и за ушедших в ночь!

* * *

Здесь небо неумно-синее,
Черёмухи вовсю пьянят.
А где-то там цветут робинии,
Но, к сожаленью, без меня.

И позабыв про все приличия,
Тоскую над чужой рекой.
Ведь где-то там цветут гледичии
Непостижимо далеко.

Впадая на ходу в прострацию,
Я полон боли и огня.
Ведь в Горловке цветут акации,
Но без меня. Но без меня.

г. Горловка, ДНР

Анна ВОИНОВА

* * *

Вокруг — вода,
В глазах — беда,
Внутри —
Ни боли, ни стыда,
Ни светлых снов,
Ни нужных слов,
А только
Множество оков.
Ни тени рук,
Ни тени ног,
Да на лице
Следы сапог,
И стыд, и срам,
И мне, и вам,
За то, что
Верили словам.

г. Горловка, ДНР

Марианна СУВОРОВА (Недзвецкая)

* * *

За целостность карманов богатеев,
А думал, что за целостность страны,
Повсюду за собой беду посеяв,
Погиб солдат придуманной войны.

Придуманной давно, за океаном,
И он — с программкой, вживленную в лоб
Скакал с толпой зомби на майдане,
Ну, а теперь не скачет — тесен гроб.

Зачем с мечом пришёл, куда не звали?
Не знал, не ведал, узок кругозор?
Ни славы, ни почёта, ни медали,
И смертью не смываемый позор.

Кого пришёл расстреливать, вояка?
Людей, что защищают отчий дом?
Тебе сулили денежные знаки,
За то, что ты воинственно «свидом»?

Какие-то условные границы
Тебя подвигли зверски убивать.
Ты мог бы жить, любить, мечтать, трудиться,
Ну а теперь твоя рыдает мать.

Что скажет после маленькому внуку? —
Что папа «вбивця диток и жинок»?
Он обрекал легко людей на муку
За что? Да он и сам понять не смог.

Повсюду за собой беду посеяв,
Погиб солдат придуманной войны,
За целостность карманов богатеев,
Каким плевать на целостность страны.

г. Макеевка, ДНР

Руслан ГОНЧАРОВ

* * *

Когда вы доделите всё, как вам надо,
И каждый объявит победу своей,
Отпразднуйте вашу победу парадом,
Парадом убитых детей.

Дорезав укроп, добавив колорадов,
Продвинув во власть подлецов всех мастей,
Отпразднуйте вашу победу парадом,
Парадом убитых детей.

Когда же в безжалостной вечности ада,
Спасенья не будете знать от страстей,
Единственной пусть вам послужат отрадой
Лишь слёзы убитых детей.

г. Горловка, ДНР

Анастасия КЛИМЕНКО

ВЗРЫВНАЯ ВОЛНА

Взрывная волна
забросила нас на берег
для новых надежд, для первых шагов вне дома,

оставила нам
на пищу немного денег,
сезонных одежд, привычку бояться грома.

Нам было с кормы
непросто, в дыму прощаний,
разглядывать дом — покинутого младенца...
Со временем мы
и здесь обростём вещами,
но счастье в другом, для счастья хватает сердца.

И всё б хорошо:
мы в этот мечтали город
однажды войти и свой заложить фундамент,
а значит, грешно
ворчать на судьбу, коль скоро
хотя бы песок и море — у нас под ногами.

УТРО И ЧАЙ В ПОДСТАКАННИКЕ...

я хочу, чтоб утро и чай в подстаканнике,
чтоб куда-то ехать, чтобы где-то ждали,
чтоб на окне запотевшем — сердечки и смайлики,
чтоб, выходя, от дождя укрываться щитами,

чтоб через лужи — с маршруток на остановки,
чтоб город вращался глобусом многоликим,
чтоб ничего не бояться, кроме — неловким
прыжком над потоком воды промочить ботинки,

чтоб там, куда едешь, уже накрывали стол,
кипятили воду и сыпали чай в заварник,
чтоб там, куда едешь, не было блокпостов,
не было никогда
ни бойцов, ни армий...

с. Зоряное Донецкой обл.

Александр МОРОЗОВ

* * *

Сегодня продолжается война.
Крушит и тех, кто был прочнее стали.
Запомнят ли, забудут имена?
Не только дети — взрослые устали
От бесконечных взрывов и атак.

Они ужасно действует на нервы.
Поэтому в Донбассе любят так,
Как будто каждый миг у нас последний.
Пройдут бои, наступит мир в стране,
Сожрут друг друга бешеные звери.
Я расскажу внучатам о войне.
И пусть детишки деду не поверят.

* * *

Сидим по хатам,
как мыши в норах.
Но стережёт нас
совсем не кот.
Земля трясётся,
и за забором
Стреляют пушка
и пулемёт.
Настало утро,
ещё с рассвета
Нас оглушают
в который раз.
Здесь вам не стрелы
из арбалета —
Опять ровняют
с землёй Донбасс.
Шмаляют, суки,
прицельно рядом,
Ложится кучно
вокруг снаряд.
А мне сейчас бы
осенних яблоч...
Но оборвал их
в округе «Град».
Стреляют гады,
стреляют рьяно.
В руинах город
в осколках — жизнь...
Прогрохотало
из «Ураганов».
Держитесь, люди,
Донбасс — держись!

г. Дебальцево, ДНР

Наталья РОМАНОВА

КИЕВ, ЛИКУЙ!

Какой палач обезглавил тебя, мой город?
Крылья расправил и прилетел голод...
Вишню взорвал, сливу взорвал, грушу.
Киев, оставь, слышишь, оставь душу.

Какая мать родила желторотых нищих?
Их Каин поил, и Каин вскормил пищей.
Их пушки детьми, живыми детьми стреляли.
Столица, ликуй! Свободных людей распяли.

Какое окно откроет теперь мой город?
Под стоны ветров поёт по ночам холод.
Ревёт самолёт, стирается грань с адом —
По улицам бьёт каштановый лёд с градом.

УХОДЯТ ДОМА...

У меня на руке — почерневшая дробь из черники.
Не растёт на лугах эта страшная спелая дробь.
Вот опять Петербург дал ночлег переходной калике,
И Луганку мою заменила холодная топь...

Как трамваи, дома уходили и прятались в дыме.
Их съедал этот дым, как последнюю пищу иуд.
Я оттуда ушла, ведь на площади Горького ныне
Только травы, как свечи, и свечи, как травы, растут...

г. Луганск, ЛНР

СВЕТЛАНА ШЕМЯКИНА

БУФЕРНАЯ ЗОНА

Здесь страх и дрожь —
источник слёз и стона.
Здесь жизни — грош.
Здесь — буферная зона...
Здесь житель — враг —
решила Украина —
своих вояк
на смерть благословила.

Здесь серый цвет
преобладает с «хаки».
Здесь мира нет
и не было.
Вояки
здесь правят бал,
и Правда — вне закона.
Страстей накал
за грани вышел.
Зона
здесь смерти. Ад
страшит людей всё меньше.
Здесь стар и млад
завидуют умершим...
...Здесь страх и дрожь,
здесь люди вне закона,
здесь боль и ложь.
Здесь — буферная зона...

г. Дзержинск, ДНР

Александр ТОВБЕРГ

* * *

Тени чёрные, тени злые
Над страной зажгли пожар.
Роковые сороковые —
Реют вороны в жажде жатв.

Счёта нет человеческим жертвам,
Смерть грабаркой гребёт навар,
Перемалывая нас в жерлах
Войн и распрей, и вражд, и свар.

Птицы смерти — страда и пир им —
Горы трупов в полях лежат.
Притязаниям их вампирным
Всё равно, чей погиб солдат.

Сумасшествие машет флагом —
старым, выстиранным в крови.
Сколько жизней в могилы лягут,
Чтобы бойню остановить?..

г. Красноармейск, ДНР

ЧУЖИЕ СТЕНЫ

Тем, у кого отняли дом...

Пока я сплю, меня здесь просто нет,
Я в яви той, что нынче за пределом:
Вхожу в свой дом, включаю всюду свет,
Ведь жутко как-то в доме опустелом.

И кажется, что он уже не мой,
Ведь стены в доме будто из картона.
Уже не крепость он, снаряд шальной
Сильнее и надёжнее бетона.

Но я поставлю чайник и найду
Любимое варенье из клубники.
Мой дом живёт сегодня, как в аду,
От взрывов содрогаясь в нервном тике.

Стираю пыль и паутину рву,
Клянусь ему, что не было измены,
Что я вернусь однажды наяву.
Проснулась, а вокруг — чужие стены.

* * *

Городок совершенно чужой у реки всем известной,
Как-то быстро меня подхватил, закрутил и понёс.
Хоть на чьи-то вопросы в ответ представляюсь не местной,
Узнаю я всё лучше его и на новый вопрос

«Как куда-то проехать, пройти?» — мне ответить всё легче.
Городок небольшой, чьей-то жизни цветной лоскуток,
Мне становится ближе, хоть часто уныло на плечи
Грусть ложится, как старый изъеденный молью платок.

Узнаю я всё больше его уголков, где так мило,
И листок провожаю глазами, что ветер понёс...
Я такой же листок, что оторван неведомой силой
От огромного дерева — города детства и грёз.

Может, станет родным, может — памяти яркой страницей.
Строишь планы, а кто-то стирает их все в порошок.
Просыпаюсь я в городе «эн», поднимаю ресницы
И, как мантру, твержу: будет всё у меня хорошо...

г. Донецк, ДНР

Владимир СПЕКТОР

* * *

Добро и зло меняются местами.
Не разобрать, кто прав, кто виноват...
Из ненависти облако над нами,
Из облака — не дождь на ниву — *град*.
Откуда эти бешенство и злоба?
И гибельный, безжалостный сквозняк?
Толпятся, забывая крышку гроба,
Добро и зло, и бывший другом враг.

* * *

Не подсказываю никому,
Потому что и сам не знаю.
Не пойму ничего. Не пойму.
Начинается жизнь другая.
Может, время стихов ушло,
Время прозы суровой настало?
Жизнь, как птица с одним крылом,
Бьётся в каменной клетке квартала...

* * *

Всё уже не может быть, как прежде.
Смолкли прошлой жизни голоса.
Взорванной, расстрелянной надежде
Выпала дорога в небеса.

«До» и «после» — страхи и тревоги,
Как у деда, позже — у отца...
Тень войны — у самого порога.
Тень беды — с начала до конца.

г. Луганск, ЛНР

ЧУБАЙС И ЕГО ВОРОВСКИЕ НАНОТЕХНОЛОГИИ

Счётная палата Российской Федерации по итогам проверки корпорации РОСНАНО заявила о «финансовой недобросовестности» её руководства, включая Анатолия Чубайса.

Счётная палата посмотрела ролик, где самодовольный Чубайс перед камерой на всю страну хвастается, что у него денег — или, как выражаются российские либералы, бабок, бабла — вот сколько хочешь, столько и есть. Счётная палата проверила — и да, удивительная вещь! — оказалось, что с именем Чубайса связан не новый сорт нанопива и не какое-нибудь нанорастение, открытое в российской тундре, а с именем Чубайса связана, вы не поверите, «финансовая недобросовестность».

Я даже не знаю, что может быть смешнее, чем очередные пережёвывания того, что вот Чубайсу опять доверили деньги и с этими деньгами опять «что-то пошло не так»... Я понимаю, что можно один раз назначить педофила — причём не просто педофила, а ещё и эксгибициониста, который всё это делает публично, — директором детского садика. Но после того, как он всем всё показал, нужно ли делать его директором другого детского

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

садика или начальной школы? Господа, «ваучеру» уже двадцать два года. А вы всё это время даёте деньги Чубайсу и всё время по-детски удивляетесь результату: «Ой!» Но с него всё — как с гуся вода. Вы с ним не в доле, случайно?

Правда, в этом случае «АнЧутка» (сокращение от «Анатоллий Чубайс») по степени наглости действительно превзошёл сам себя. Мы знаем, что он руководит компанией РОСНАНО. И вот вдруг выясняется, если я правильно понял, что в штате компании РОСНАНО значится один (!) — один-единственный на всю Россию человек, а 270 с лишним сотрудников работают в безупречно частной Управляющей компании РОСНАНО, которая управляет деятельностью государственной компании РОСНАНО, состоящей из 1 — прописью: ОДНОГО — человека. Понятно, да? Государственной компании РОСНАНО хотя бы теоретически нужно перед кем-то за что-то отчитываться, а Управляющая компания РОСНАНО — частная лавочка, которая всех в гробу видала, у нее своя атмосфера, коммерческая тайна, отвайтесь!

Когда эту Управляющую компанию создавали, никто ничего не скрывал, все описывали внятно и конкретно, как это будет и что они будут делать. И вдруг: о, ужас! 8 миллиардов рублей бюджетных средств ушло на вознаграждение сотрудникам Управляющей компании, чуть ли не по миллиону триста тысяч ежемесячно в среднем, извините, «на рыло». Когда по стране зарплата меньше 30 тысяч рублей, это как-то странно и непонятно — тем более что наногвардейцы Чубайса эти свои деньги получают не из прибылей от внедрения новых технологий, а просто из госбюджета, несмотря на десятки, если не сотни миллиардов рублей убытка от своей деятельности.

Всё это было бы очень смешным анекдотом, если бы эти деньги фирма Чубайса «Нанорога и нанокопыта» вытаскивала из воздуха. Но она их тащит из бюджета страны, и ради того, чтобы она могла получать «свои» миллиарды, у нас закрываются больницы и школы, у нас отменяются индексации пенсионерам — потому что у нас «нехватка бюджетных средств». Конечно, «нехватка» — и не потому что Запад ввёл против нас санкции и нефть подешевела, а потому что у нашего правительства два приоритета: накормить Чубайсов и вывести деньги за границу. Правительство, если судить по его бюджетной политике, считает своей главной задачей сделать так, чтобы в стране оставалось как можно меньше российских денег, а у тех государств, которые ведут против нас «гибридную войну» на уничтожение, у США и их сателлитов по ЕС и НАТО, было наших денег как можно больше.

Вице-премьер Дворкович даже сказал как-то: Россия должна платить за финансовую стабильность США. О больных детях и о детях, которые недоедают, правительство Медведева не говорит. Им Россия ничего не должна. Россия должна платить за финансовую стабильность США. И Россия должна платить, с точки зрения правительства Медведева, за таких людей, как Чубайс. Они — наше национальное достоиние. И с их головы не должен упасть ни один волос, сколько бы они ни вытащили миллиардов из госбюджета. Каждая минута нахождения этих людей в должности означает не просто миллиарды, перекачанные в карманы наших врагов за рубежом и в карманы людей типа Чубайса здесь. Каждая минута, проведённая этими людьми во власти, с моей точки зрения, означает смерть российских граждан. В том числе — детей и стариков.

Инна СИМОНОВА,
кандидат исторических наук

«ПОБЕДА» ДЖАМАЛЫ...

Считаю нужным высказаться по поводу итогов вырожденческого конкурса «попсы» «Англовиение» (песни там из года в год почему-то исполняются исключительно на английском языке), популяризирующего сексуальную вседозволенность и разжигающего политические страсти.

Смотрела вполглаза завершающий день этого беспрецедентно разрекламированного события. Финальная расстановка сил была заранее predetermined, ибо такова сегодняшняя повестка дня на международной арене. Сначала допустили к конкурсу произведение с явно выраженным политическим подтекстом, что строжайше запрещено многолетними правилами самих же организаторов, — песню «1944» в исполнении украинской певицы с крымско-татарскими и армянскими корнями Джамалы (Сусанны Алимовны Джамаладиновой) о насильственной депортации Сталиным крымских татар. А затем путём никак объективно не прове-

---

ряемых плутовских голосований некоего «профессионального жюри» и телефонных звонков зрителей вывели представительницу Украины с её угрюмой песней-плачем на первое место. И всё для того, чтобы сделать ещё горячее противостояние России и Украины, сфокусировав его на ситуации в Крыму.

Ещё задолго до начала конкурса читала заявления в прессе, что в случае победы Джамалы Украина будет настаивать на проведении конкурса в столице Крымской автономии — в Симферополе, а то и в Ялте и даже в Севастополе. Партитура «Третья мировая война: Апокалипсис» разыгрывается блестяще. И мы этих «высоких зрелищ» зрители. А пока брэнд «Евровидение-2016» зашкаливает по шкале смысловой абсурдности и оплеух традиционной морали и нравственности: ныне заокеанская Австралия — в лидерах у анонимного жюри, американец Джастин Тимберлейк в роли почётного гостя, дающего европейцам уроки певческого и танцевального мастерства, посланница целомудренной Армении, в которой ещё недавно на публике нельзя было встретить женщину в брюках, беззастенчиво поёт в трусах...

Джамала в одном из интервью призналась: «Эта песня («1944») об истории нашей страны, в частности, о трагедии крымских татар, которые были репрессированы. Несмотря на название, которое отправляет нас в далекий 1944 год, песня о том, что нужно помнить прошлое, чтобы не повторять ошибок в будущем. Без прошлого нет страны и культуры».

Что касается моего личного мнения, то я за игнорирование впредь такого не музыкального и творческого, а коммерчески и политически ангажированного конкурса как «Евровидение», съедающего впустую огромные бюджетные средства. Но если всё же участия в этой буффонаде в дальнейшем не избежать, предлагаю представителю от России в следующем году спеть песню о засевшей в генетической памяти нашего народа трагедии 300-летнего татаро-монгольского ига.

Паче чаяния тенденция расширения географии участников «Евровидения» продолжится и, кроме представителей таких отнюдь не европейских стран, как Австралия и Израиль, появится американский конкурсант, то дерзну предложить делегировать не стопроцентного янки, а американца — потомка тех японцев, которые пережили в годы Второй мировой войны депортацию, и назвать композицию «1942». Ведь именно в этот год в США — самой цивилизованной и демократической стране мира, находившейся за морями-океанами от театра военных действий, 120 000 японцев по постановлению Верховного суда США были лишены гражданских прав и помещены в концентрационные лагеря.

Как-то на одном из семинаров в нью-йоркском Колумбийском университете канадским, с украинскими корнями, кинодокументалистом был показан фильм о его личной семейной драме. В начале 1990-х годов на чердаке своего дома он обнаружил тщательно припрятанные бумаги, из которых явствовало, что его дед, карпаторосс, в 1910 году вместе со своими земляками решивший попытать счастья в Канаде, в годы Первой мировой войны был интернирован, находился в заключении, а после освобождения несколько лет вынужден был еженедельно отмечаться в полицейском участке. Найденные документы повергли внука в шок, так как любимый дедушка, пока был жив, никогда об этих трагических страницах в своей биографии не распространялся. Режиссёр отправился в библиотеки и архивы и выяснил, что, оказывается, с 1914-го по 1920-й год более 8 тысяч галичан и русинов, граждан Австро-Венгрии, приехавших накануне Первой мировой в Канаду на заработки, были арестованы, лишены собственности и имущества как потенциальные внутренние враги, помещены за колючую проволоку и использовались на тяжелых физических работах... Так, может, на следующем конкурсе «Евровидения» какой-нибудь певун-канадец из многочисленной украинской диаспоры представит нам песню о депортации украинцев под названием «1914—1920»?.. Уж коли решили политизировать песенный конкурс, надо быть последовательными.

Валерий ФИЛИМОНОВ

ПОСЛЕ НАС ХОТЬ... ПУСТЫНЯ

Как-то незаметно для представителей депутатского корпуса и широких кругов общественности прошли в начале многочисленные сообщения СМИ о планах Минсельхоза РФ по переброске пресной воды из России в Китай. Об этом заявил журналистам глава Минсельхоза Александр Ткачев: «Мы готовы предложить проект по переброске пресной воды

из Алтайского края России через Республику Казахстан в засушливый Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. В ближайшее время мы проведем консультации с коллегами из Казахстана по этому вопросу», — сказал министр.

По данным Минсельхоза, в целях эффективного и рационального использования водных ресурсов Алтайского края департамент мелиорации Минсельхоза предлагает рассмотреть возможность переброски пресной воды в объеме 70 млн. кубометров в засушливый регион Китая через Казахстан — отмечали корреспонденты.

В недалеком прошлом существовал проект переброски вод великих сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Эта, противная идея была тогда основательно раскритикована научной общественностью СССР. Работы по проекту были прекращены в 1986 году. Впоследствии вернуться к нему неоднократно призывал мэр Москвы Ю. Лужков. Активно поддерживал его президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

И вот — новые веяния в области использования источающихся с каждым годом водных ресурсов. Несомненно, что помимо Китая в реализации «проекта Ткачева» непосредственно заинтересованы и власти Казахстана, через территорию которого будет подаваться вода в Поднебесную. Ну разве откажется Нурсултан Абишевич от чистой сибирской водицы?

В моей книге «Но избави нас от лукавого», которая вышла в 2003 году, отмечалось: «Недавно стали известны некоторые выводы постоянной комиссии ООН, которая изучает вопросы наличия распределения и использования основных жизненно важных природных ресурсов Земли. Предельно допустимый для естественного восстановления уровень эксплуатации ресурсов был достигнут еще в 1967 году. Сейчас он превышен вдвое. Это грозит общепланетарной катастрофой, которая особенно ударит по водным ресурсам. Их истощение и заражение составляют главную опасность для существования человечества. Снижение водоснабжения в различных странах мира в ближайшие 15 лет составит от 30 до 80%. В США уже сейчас стоимость 1 литра чистой воды доходит до 2 долларов. Наша страна, имеющая 75% мировых запасов пресной воды, может стать основной ареной борьбы за водные ресурсы».

Несмотря на кажущееся изобилие (70% земной поверхности покрыто водой), пресная вода является совершенно уникальным ресурсом — всего лишь 2,5% от общего количества воды в гидросфере, причем 75% пресной воды на планете находится в виде льда.

Также известно, что недопустимо забирать из наземных и подземных источников воду в больших количествах, чем она

поступает на сушу ежегодно в виде осадков. В противном случае, возникает опасность быстрого истощения запасов воды.

Таким образом пресная вода становится на Земле одним из наиболее дефицитных природных ресурсов. Согласно ряду прогнозов, главные конфликты в мировой политике в ближайшем будущем будут возникать из-за сражения за энергетические, сырьевые и водные ресурсы. Собственно, мы уже сегодня это конкретно наблюдаем в реальной жизни.

Созданная при ООН Высшая комиссия по угрозам, вызовам и переменам констатировала, что дефицит естественных ресурсов может способствовать беспорядкам, гражданским и региональным войнам. Вода в самое ближайшее время станет мощным стратегическим ресурсом.

Эксперты отмечают, что проблема доступа к чистой воде для человечества уже сейчас является более серьезной, чем исчерпаемость запасов нефти. В США пресная вода уже давно стоит дороже бензина.

Истощение водных ресурсов и неравномерное распределение пресной воды по континентам и странам, постоянный рост численности населения планеты, увеличение промышленного и сельскохозяйственного производства, загрязнение биосферы вызывают резкий рост потребности в воде и увеличивают ее стратегическую важность.

Реальные цифры показывают, что к 2025 году около 3 миллиардов человек будут жить в странах, испытывающих проблемы с водой, а к 2050 году с проблемой дефицита воды столкнется две трети населения планеты.

Китай является одним из крупнейших в мире потребителей воды, причем за последние десятилетия из-за сбросов промышленных отходов без очистки многие реки там практически отравлены. По данным Всемирного фонда охраны дикой природы, Янцзы и ряд других рек Китая входят в число наиболее загрязненных рек мира.

Неизвестно, знаком ли Ткачев с приведенными выше сведениями, но в свете последних разговоров о «модернизации российской экономики», «технологическом прорыве» и «импортозамещении» его проект наводит на весьма грустные размышления. Вспоминаются не только так называемые «территории опережающего развития», которые могут отдать в концессию «иностранным инвесторам» на 70 лет, и хищническая вырубка китайцами вековых лесов Сибири и Дальнего Востока, но и недавние богоборческие планы поворота на юг северных рек.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ТРИУМФ СТАЛИНА

Беседа с последним министром обороны СССР

Корр.: Дмитрий Тимофеевич, Ваше предыдущее интервью вызвало в интернете множество откликов. Приведу несколько из них.

«Поднять страну от сохи, разбить самую сильную армию Европы, ускорить создание атомной бомбы — заслуга этого Великого Человека! Враги России пытаются очернить Вождя, но народ не обманешь...»

«Никто из антисталинистов никогда не отвечал на два простых вопроса: как без коллективизации можно было индустриализовать огромную страну, тонущую в разрухе? И что было бы с миром, если бы Сталин не успел создать мощную промышленность до начала войны?»

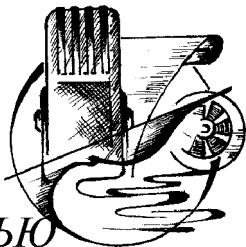
«Должны были пройти годы, пока не оказалась разоблачена ложь Хрущёва. Он врал о Сталине если не в каждом слове, то в каждой строке своего подлого доклада. Причём реальные цифры этот подлец знал...»

«Как жаль, что такие люди, как Сталин, так редко приходят в этот мир. Как его сейчас нам не хватает, как не хватает...»

Продолжение. Начало в №7-8 за 2016 г.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Д.Т. Язов: Из тех откликов, что я прочитал, вырисовывается довольно любопытная картина. Лагерь сталинистов — а они оказались в большинстве — отличает от соперников более высокий интеллектуальный уровень. Вместо аргументов они не используют ложь. Их доводы основаны на серьёзных доказательствах, подкреплены авторитетными источниками. Противоположная же сторона чаще берёт нахрапом, не считаясь ни с логикой, ни с фактами. Один из таких антисталинистов сделал прямо-таки сенсационное открытие: якобы при Сталине «Россия лишилась Казахстана и Карелии». И далее этот «знарок» истории делает безапелляционный вывод: «Никогда Россия не терпела таких территориальных поражений, как при нём». Человек, видимо, перепутал Сталина с Ельциным. Но отметить захотелось: мол, и я против кровавого диктатора!

Для сравнения приведу образец аргументации из лагеря сталинистов. Разговор идёт о репрессиях. А это, как известно, любимый конёк наших либералов.

«Не может идти и речи о влиянии репрессий на снижение боеспособности Красной Армии из-за незначительности их масштабов по сравнению с общей численностью офицерского корпуса...» И далее автор ссылается на публикацию в «Российском историческом журнале», которая полностью подтверждает его точку зрения.

Корр.: По поводу репрессий есть мнение видного английского политика лорда Бивербрука: «...Теперь уже ясно, что те, кого расстреливали, предали бы Россию немцам». Жесткие слова. Но и время было такое.

Д.Т. Язов: Видимо, нам никуда не уйти от этой темы. Либералы твердят, что злодей Сталин погубил цвет Красной Армии. При этом молчат, что этот цвет был активным участником военного заговора. Причём незадолго до предстоящей войны с Германией. Что же касается якобы катастрофических последствий для армии и страны устранение таких деятелей, как Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Корк, Блюхер и некоторых других, послушаем мнение человека, который вместе с Жуковым и Рокоссовским брал Берлин. Я имею в виду Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева. Вот как он развивал интересующую нас тему в разговоре с Константином Симоновым. Интересующихся адресу к книге писателя «Глазами человека моего поколения».

Если оценивать военный опыт, военный уровень и перспективы этих людей, — считает маршал, — то тут нужно подходить индивидуально к каждому.

Он так и делает. Начинает с Блюхера, который, по его мнению, был к тридцать седьмому году человеком с прошлым,

---

но без будущего. Человеком, который по уровню своих знаний недалеко ушёл от Гражданской войны... Представить себе, что он справился бы в современной войне с фронтом, невозможно... Во всяком случае такую небольшую операцию, как Хасанские события, Блюхер провалил.

Тухачевский, считает Иван Степанович, был человеком даровитым, сильным, волевым, теоретически хорошо подготовленным. К его недостаткам принадлежал известный налёт авантюризма, который проявился ещё в польской кампании. Но главным недостатком было то, что он не прошёл ступень за ступенью военную лестницу...

Якир, по мнению маршала, человек со способностями, но без настоящей военной школы, без настоящего военного образования. Его Конев с трудом представляет себе в роли командующего фронтом на Великой Отечественной войне.

Егорова и Корка он считает людьми средних способностей, не блиставшими сколько-нибудь заметными военными дарованиями.

Дыбенко и Белова относит к той категории людей, которые в военном отношении целиком в прошлом, и, будь они живы, они были бы обречены на то, чтобы показать в условиях большой войны свою отсталость и беспомощность.

Из всех перечисленных военачальников Конев отдаёт предпочтение Уборевичу, «умевшему смотреть вперёд и воспитывать кадры...». Он мог во время войны быть «на одной из ведущих ролей в армии».

Как говорится, комментарии излишни.

В том же разговоре с Симоновым Конев сказал буквально следующее: к началу войны он безгранично верил Сталину, любил его, находился под его обаянием.

Корр.: Обидно, что многие из них к моменту воцарения Хрущёва неожиданно «прозрели» и стали сочинять о своём Верховном Главнокомандующем разные небылицы. Но эта тема — для другого разговора.

Д.Т. Язов: Да, мы с Вами изрядно отвлеклись. Уговор был поразмышлять о Сталине не только как о гениальном политике и выдающемся полководце, но и как о блестящем дипломате. А для этого ярчайшей иллюстрацией служит работа трёх конференций глав государств антигитлеровской коалиции.

Корр.: Начнём с первой из них — с Тегеранской. Её называют победой дипломатического курса Сталина. Вы согласны?

Д.Т. Язов: Согласен. Но о конференции — позже. Не будем забывать, что идёт война. Два года мы сражаемся один на один с гитлеровской армадой. Союзники обещали открыть второй фронт весной или летом 1942 года. Но никаких подвижек в этом

направлении не наблюдалось. За это время мы успели не только разбить немцев под Москвой, но и одержать триумфальную победу под Сталинградом. В январе 1943 года американский журнал «Тайм» назвал Сталина «человеком года», поместив на обложке портрет нашего Верховного Главнокомандующего. А английский историк Джеффри Робертс писал в те дни: «Сталинградская битва стала сигналом того, что немцы неизбежно потерпят поражение на Восточном фронте и что Советский Союз после войны станет самой мощной державой в континентальной части Европы. Баланс сил сместился к Москве, а Лондон и Вашингтон сделались младшими партнёрами по альянсу».

Корр.: Вы не находите, что это слишком оптимистичный прогноз? Реальную позицию наших союзников вполне откровенно выразил сенатор Гарри Трумэн, будущий президент Соединённых Штатов. «Если мы увидим, — сказал он, — что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают друг друга как можно больше». Так они и действовали, пока Сталин, грубо говоря, не взял их за горло и не вынудил открыть второй фронт... в июне 1944 г., меньше чем за год до окончания войны.

Д.Т. Язов: С этим не поспоришь. Но блестящая победа Красной Армии на Курской дуге внесла серьёзные коррективы в наши отношения с союзниками. Эта битва стоит того, чтобы рассказать о ней подробнее.

Под Курском немцы решили взять реванш за Сталинград. Это была их первая наступательная операция на Восточном фронте в 1943 году. Ей дали название «Цитадель». «На направлении главных ударов, — заявил Гитлер, — должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира». Были созданы две ударные группировки: одна — южнее Орла, другая — в районе Белгорода. Их задача — нанести два встречных удара в направлении Курска, чтобы окружить и разгромить наши войска. На этом участке они сосредоточили огромные силы. Группировка насчитывала 900 тысяч солдат и офицеров, 50 отборных дивизий, включая 16 танковых и моторизованных, до 10 тысяч орудий и минометов, около 2700 танков и штурмовых орудий, 2000 самолётов. На вооружение были получены новые танки «Тигр» и «Пантера», штурмовые орудия «Фердинанд».

Назначив дату наступления — 5 июня, Гитлер самодовольно заявил, что Советский Союз в результате понесённых громадных потерь в предыдущих боях «должен дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию».

Корр.: Я знаю, что вопреки хвастливым заявлениям Гитлера, под Курском мы превосходили немцев и в живой силе, и в технике. Но насколько?

Д.Т. Язов: Наша группировка насчитывала 1, 3 миллиона человек, до 20 тысяч орудий и минометов, более 3 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, 2650 самолётов.

Корр.: Не удержусь от реплики. Эту мощь обеспечили заводы, переброшенные на восток из западных районов страны. Заботами, между прочим, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Д.Т. Язов: Продолжу. Противнику противостояли два наших фронта: Центральный, которым командовал генерал армии Константин Константинович Рокоссовский, и Воронежский во главе с генералом армии Николаем Фёдоровичем Ватутиным. В резерве находился Степной фронт. Им командовал генерал армии Иван Степанович Конев. Здесь тоже были сосредоточены серьёзные силы.

Ставка Верховного Главнокомандования тщательно и скрупулёзно разработала предстоящую операцию. Тут я бы обратил внимание на такую деталь. Если нашей разведке было известно о планах гитлеровцев, то в отношении нас они были в полном неведении. Наша сторона выбрала тактику преднамеренной обороны. С тем, чтобы в ходе немецкого наступления измотать и обескровить противника, выбить его танки, а затем перейти в контрнаступление.

При попытке немцев выйти к Курску в районе Прохоровки разыгралось самое грандиозное танковое сражение Второй мировой войны. По некоторым оценкам в нём одновременно участвовало с обеих сторон до 1500 танков и самоходных артиллерийских установок. Но прорвать нашу оборону и захватить Прохоровку немцам не удалось. Курская битва закончилась полным разгромом немецких войск, а 5 августа 1943 года Москва впервые с начала войны салтовала войскам, освободившим Орёл и Белгород, 12 артиллерийскими залпами из 120 орудий.

6 ноября 1943 года, выступая с традиционным докладом, посвященным Октябрьской революции, Иосиф Виссарионович сказал: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой».

Представляют интерес и оценки немецкой стороны. Генеральный инспектор бронетанковых войск Германии Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» признавал: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя... И уже больше на Во-

---

сточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

Корр.: Доставила ли эта победа радость нашим союзникам?

Д.Т. Язов: 6 августа 1943 года Рузвельт в специальном послании Сталину писал: «В течение месяца гигантских боёв Ваши вооружённые силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия... Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами». Более сдержанно отметил Черчилль: «Три огромных сражения — за Курск, Орёл и Харьков, все проведённые в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на Восточном фронте».

Откровеннее по поводу наших побед высказался бывший премьер Южно-Африканского Союза Смэтс. 31 августа он отправил Черчиллю послание, в котором не смог скрыть своего беспокойства: «Рядовому человеку должно казаться, что войну выигрывает Россия. Если такое впечатление сохранится, то каково будет наше положение на международной арене после войны по сравнению с положением России? Наше положение на международной арене может легко измениться, и Россия станет дипломатическим хозяином мира».

Корр.: Накануне Тегеранской конференции все козыри были в руках у Сталина. А значит, перспектива открытия второго фронта была как никогда близка?

Д.Т. Язов: Вот здесь я бы воздержался от иллюзий. С победой под Курском они нас поздравили, но с открытием второго фронта не торопились. Главные баталии на конференции разгорелись как раз вокруг этого вопроса. Но я бы хотел вернуться немного назад. Дело в том, что до конференции Рузвельт делал попытки встретиться со Сталиным ещё в конце 1942 года. Но Иосиф Виссарионович их отвергал, ссылаясь на занятость. Вот как увещевал американский президент нашего вождя в одном из своих писем: «Я глубоко разочарован тем, что Вы не считаете возможным отлучиться в январе на совещание. Имеется много вопросов жизненно важного значения, которые должны быть обсуждены...» Обратите внимание на дату: 8 декабря 1942 года. Ещё не завершена Сталинградская битва. С чем ехать на совещание? Сталину нужны были серьёзные аргументы, а их могла обеспечить только победа. Как та, что позже случилась на Курской дуге.

Корр.: И тогда он в утешение Рузвельту отправил необычный подарок. Комедию Александрова «Волга-Волга».

Д.Т. Язов: Иосиф Виссарионович в очередной раз подтвердил репутацию остроумного человека. Просмотрев фильм, Рузвельт пришёл в недоумение: что же скрывается за сталинским подношением? Решили подвергнуть текст фильма более тщательному переводу. В итоге обнаружили, что один из героев напевает песенку с такими словами:

*Америка России подарила паролод —
С носа пар, колёса сзади,
И ужасно, и ужасно, и ужасно тихий ход.*

В такой ненавязчивой манере было выражено недовольство медленным ходом поставок по ленд-лизу и постоянными переносами сроков открытия второго фронта.

Корр.: Но вот Сталин, наконец, дал согласия на встречу. Обстановка была благоприятной. Наши войска дополнительно освободили Смоленск, Новороссийск, полностью очистили от немцев Таманский полуостров и неудержимо двигались к Днепру. В разговоре со своим сыном Элиотом Рузвельт заметил: «Если у русских и дальше так пойдут дела, возможно, будущей весной и не потребуется второй фронт». Интересно, чего больше в этой оценке: радости по поводу наших успехов или опасения оказаться у разбитого корыта?

Д.Т. Язов: Я думаю, здесь налицо типичный американский прагматизм. Рузвельт понимал, что дело может кончиться тем, что русские возьмут Берлин. А он на этот счёт высказался однозначно: «Берлин должны взять Соединённые Штаты».

Корр.: У меня с давних пор с Тегеранской конференцией связана фраза из дневника Ивана Алексеевича Бунина, живущего в эмиграции: «Нет, вы подумайте, до чего дошло — Сталин летит в Персию, а я дрожу, чтобы с ним, не дай Бог, чего в дороге не случилось».

Д.Т. Язов: Ни в дороге, ни на самой конференции, слава Богу, ничего экстраординарного не случилось. Встреча трёх лидеров состоялась в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 года. Поначалу возникли некоторые трения по поводу места проведения встречи. Рузвельт предлагал Касабланку или Тунис, Черчилль — Лондон. Сталин настоял на Тегеране. Город находился недалеко от нашей границы, а условия военного времени диктовали необходимость Верховному Главнокомандующему постоянно поддерживать связь с наступающими войсками. Начальник оперативного управления Генштаба С.М. Штеменко, сопровождавший Сталина в Тегеран, вспоминал, что он три раза в день докладывал Иосифу Виссарионовичу о состоянии дел на фронте. Были случаи, когда Вер-

---

ховный Главнокомандующий напрямую связывался с командующими фронтами. Из Москвы постоянно приходили директивы, которые требовалось скрепить подписью Сталина. Связь безостановочно работала в обоих направлениях.

Корр.: В своей книге «Генеральный штаб во время войны» Штеменко приводит эпизод, связанный с его работой на конференции: «Меня с шифровальщиком разместили на первом этаже того же дома, где жил Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф. Вечером Сталин, отправляясь на прогулку, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.

— Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли их устроить где-то получше?

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили на новое место аппарат ВЧ».

Показательно, что всё случившееся Штеменко воспринял как нечто само собой разумеющееся. Таков был сталинский стиль общения с подчинёнными, они это знали и никаких восторгов по этому поводу не выражали.

Д.Т. Язов: Первый день на конференции ознаменовался ещё одним переселением. По предложению Сталина, Рузвельт переехал из американского посольства в надёжно охраняемое советское.

Корр.: Это диктовалось соображениями безопасности или тут был, как подозревал Черчилль, хитрый дипломатический ход?

Д.Т. Язов: Я думаю, в первую очередь необходимость переезда диктовалась соображениями безопасности. Хотя, наверное, нельзя исключать и второго. Во всяком случае, Черчилль, опасаясь, что Рузвельт «попадёт под обаяние Сталина», был недалёк от истины. На конференции американский президент по многим вопросам поддерживал Сталина. На нашей стороне он оказался и при окончательном решении вопроса по второму фронту. Уезжая из Тегерана, Рузвельт в благодарственном письме советскому вождю признавал: «Там мне было не только в высшей степени удобно, но я также вполне сознаю, насколько больше мы смогли сделать в короткий период времени, благодаря тому, что мы были столь близкими соседями во время нашей встречи».

Корр.: А что же насчёт опасности? Была ли она серьёзной или надуманной?

Д.Т. Язов: Сошлюсь на точку зрения Валентина Бережкова, бывшего на конференции переводчиком Сталина. В его книге «Тегеран 1943» есть глава «Предупреждение из ровенских лесов». Автор рассказывает, что первые сведения о гото-

---

вившемся покушении на участников Тегеранской конференции поступили из района Ровно. Там в глубоком тылу действовала специальная группа, в которую входил наш легендарный разведчик Николай Кузнецов. Ему удалось узнать, что планируется операция под кодовым названием «Большой прыжок». Возглавить её должен был знаменитый итальянский диверсант Отто Скорцени. Главной целью акции было похищение Рузвельта. Якобы для того, чтобы «фюреру было легче сговориться с Америкой». Можно было бы посчитать это чьей-то досужей фантазией, но в 1966 году сам Скорцени подтвердил, что у него было действительно такое поручение.

Информация, полученная от Николая Кузнецова, подтверждалась и другими источниками. О полученных сведениях сообщили в Москву. Были приняты соответствующие меры. И, видимо, одна из них — переселение Рузвельта под более надёжную крышу. А поселился президент в американской миссии, находившейся на окраине города, неизвестно, чем бы это могло закончиться. Президентскому кортежу пришлось бы по несколько раз в день ездить на переговоры по узким городским улицам, представляя удобную мишень для террористов.

Корр.: Выходит, Иосиф Виссарионович, обеспечил своему американскому коллеге не только удобное жильё, но и уберёт от возможной беды.

Д.Т. Язов: На конференции не было официально утверждённой повестки дня. Каждый из участников поднимал те вопросы, которые интересовали его страну. Всеобщее внимание было приковано к Сталину. Его поведение на переговорах производило большое впечатление на окружающих. Он был спокоен, уравновешен, остроумен. «Мы сразу почувствовали, — делился своими впечатлениями американский адмирал Леги, — что имеем дело с исключительно умным человеком, который убедительно говорил и был преисполнен решимости добиться того, что он хотел для России. Подход маршала к нашим общим проблемам был прямым, доброжелательным и учитывающим точки зрения его двух коллег до тех пор, пока один из них не выдвигал какую-либо идею, которую Сталин считал неприемлемой с точки зрения советских интересов. В таких случаях он мог говорить правду в глаза вплоть до колкостей.

Корр.: Говорят, по дороге на конференцию Сталин заметил: «Главный вопрос, который решается сейчас: будут они помогать нам или нет?». Помогать — это открыть уже обещанный второй фронт. Но именно этот вопрос и вызвал самые ожесточённые споры...

Д.Т. Язов: Основная схватка шла между нашей делегацией и Черчиллем. Сталин настаивал на вторжении союзников

через Ла-Манш в северную Францию. Это был ближайший путь до Берлина. У Черчилля был другой вариант: главный удар наносить из Италии. Сталин разгадал этот манёвр. Его целью было не допустить Красную Армию в Австрию, Румынию, Венгрию.

Достоин удивления — с каким терпением и выдержкой вёл эти переговоры глава советской делегации. Наконец он не без сарказма произнёс: «Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд» или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?» Черчилль опять уклонился от прямого ответа. Тогда Сталин, по словам Бережкова, резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: «Идёмте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте». Черчилль заёрзал в кресле, покраснел и невнятно пробормотал, что его не так поняли.

Было ясно, что он проиграл. Рузвельт в этом споре был на стороне Сталина. Ему очень важно было заручиться нашей поддержкой в войне с Японией. Американские генералы подсчитали, что без помощи Советского Союза потери их войск составят более миллиона человек. Сталин обещал помочь, но тут же оговорил условия, на которых это будет осуществлено. В первую очередь он потребовал возврата нам Южного Сахалина и Курильских островов.

Корр.: Мне в этой связи вспоминается рассказ адмирала Ивана Степановича Исакова. Дело было на каком-то военном приёме у Сталина задолго до Тегеранской конференции. Присутствующие подвыпили. И вот, пребывая в таком «приподнятом» состоянии, Иван Степанович подошёл к вождю, взял его под руку и подвёл к висевшей на стене огромной карте.

— Без Южного Сахалина, — сказал он Иосифу Виссарионовичу, — там, на Дальнем Востоке, большой флот строить бессмысленно. Пока мы не возвратим Южный Сахалин, до тех пор у нас не будет выхода в океан.

Сталин его спокойно выслушал и ответил: «Подождите, будет Вам Южный Сахалин». Подвыпивший Исаков не унился, настаивал на своём. Тогда Сталин, обращаясь к окружившим их людям, сказал:

— Вот, понимаете, требует от меня Исаков, чтобы мы обладали Южным Сахалином. Я ему отвечаю, что будем обладать, а он не верит мне...

«Этот разговор, — заключил свой рассказ Исаков, — вспомнился мне потом, в сорок пятом году... Не мог не вспомниться».

Д.Т. Язов: А помните сталинские слова после победы над Японией: «Поражение русских войск в 1904 году... оставило

в сознании народа тяжёлые воспоминания... Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита... Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил...» Сталин был превосходным знатоком истории. И это своё знание он успешно применял в спорах с оппонентами. Так, когда в Тегеране зашла речь о будущем Прибалтийских государств, Сталин твёрдо заявил, что они должны вернуться в состав СССР. У союзников на этот счёт были серьёзные сомнения. Иосиф Виссарионович развеял их с помощью очередного экскурса в историю.

«Литва, Эстония, Латвия, — сказал советский руководитель, — не имели автономий до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединёнными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопрос о выходе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?»

Как говорится, союзникам нечем было крыть. Вопрос решился в пользу Советского Союза».

Корр.: Ещё одним камнем преткновения была Польша. Как решался вопрос с ней?

Д.Т. Язов: Черчилль и Рузвельт внесли в повестку дня вопрос о восстановлении наших отношений с польским правительством в изгнании. Оно находилось в Лондоне и было враждебно настроено по отношению к Советскому Союзу. Сталин во время переговоров продемонстрировал листовку «лондонских» поляков с изображением двуликого Януса с лицами Гитлера и Сталина. Были и другие примеры явно недружественного характера. Советский руководитель заявил, что он не потерпит превращения Польши в плацдарм для антисоветских авантюр. На нашей границе должно быть дружественное нам государство.

Корр.: Тогда же, насколько я помню, остро встал вопрос о восточной границе с Польшей?

Д.Т. Язов: По пакту Молотова—Риббентропа к нам отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. Сталин не собирался терять эти приобретения. После долгих споров договорились провести границу по так называемой «линии Керзона». Её утвердил в 1919 году Верховный Совет Антанты, а название она получила по имени министра иностранных дел Англии лорда Керзона.

В целом эта линия совпадала с границей 1939 года. Казалось бы, вопрос исчерпан. Но Черчиллю захотелось «отхватить» для своих польских друзей город Львов. Они представили карту, по которой «линия Керзона» якобы проходила восточнее Львова, а значит город входил во владения Польши.

Корр.: Я знаю эту историю. Сталин тогда красиво «утёр» нос англичанам. Зная с кем имеет дело, он, отправляясь в Тегеран, попросил Молотова на всякий случай захватить

подлинник той старой карты. Там, естественно, было зафиксировано, что Львов отходит к СССР. Для большей убедительности был продемонстрирован текст телефонограммы лорда Керзона, в котором перечислялись города, передающиеся России. В списке был и Львов. Черчилль возмутился: этот город был польским! На что Сталин спокойно заметил: а Варшава была русской. Так закончился этот спор. Последнее слово опять осталось за нашим вождём.

Д.Т. Язов: Да, знали бы сегодняшние львовские «западнцы», кому они обязаны своей территорией...

На конференции произошёл весьма неприятный инцидент. Опять, как говорится, отличились англичане. Так совпало, что день рождения Черчилля пришёлся на один из дней конференции. Именинник созвал гостей. Один за другим следовали дружеские тосты. Дошла очередь до начальника Генерального штаба Англии Алана Брука. Поднявшись с места, он заявил, что наибольшие жертвы в войне понесли англичане, что их потери превышают потери любого другого народа, что Англия больше других сражалась и больше сделала для победы. В ответ наступила неловкая тишина. Все знали, что это неприкрытая ложь, что основную тяжесть войны несёт Советский Союз, а собратья генерала второй год торпедируют открытие второго фронта.

Присутствующие ожидали, что сейчас разразится скандал...

Корр.: Может быть, расчёт и был на это: вывести Сталина из себя и таким образом поквитаться за дипломатические проигрыши англичан...

Д.Т. Язов: Но у них опять ничего не вышло. Сталин, как свидетельствуют очевидцы, встал, обвёл присутствующих посуровевшим взглядом и спокойно произнёс ответный тост:

— Я хочу сказать о том, что сделали для победы президент Рузвельт и Соединённые Штаты. В этой войне главное — машины. Они могут производить ежемесячно 8—10 тысяч самолётов, Англия — 3 тысячи. Следовательно, Соединённые Штаты — страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну.

И ни слова о том, чей вклад больше. Вот так, я бы сказал, утончённо, Сталин ответил на провокационную выходку английского генерала. Между прочим, английский военный историк Тейлор констатировал: «В Англии до 1942 года вероятность того, что солдат в армии получит телеграмму о гибели жены от бомбы, превышала вероятность того, что жена получит телеграмму о гибели мужа в бою».

Корр.: Хочу напомнить, что были на конференции и приятные моменты. Именно там состоялось историческое вру-

---

чение «меча Сталинграда», дара английского короля Георга VI жителям легендарного города.

Д.Т. Язов: Да, на конференции все стали свидетелями этого торжественного момента. Сталин принял меч от Черчилля, поцеловал его и передал Ворошилову.

Шёл третий день конференции. 30 ноября был, наконец, решён вопрос об открытии второго фронта. Вот как описывает этот волнующий момент Валентин Бережков: «Когда руководители трёх держав собрались за завтраком, сразу стало заметно приподнятое настроение Рузвельта. На его лице сверкала улыбка, весь он был какой-то праздничный. Обращаясь к присутствующим, он с подчеркнутой торжественностью заявил:

— Господа, я намерен сообщить Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединенные штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее решение: «Операция «Оверлорд» намечена на май 1944 года».

Обратите внимание на реакцию Сталина: «Я удовлетворён этим решением», — спокойно произнёс он. А потом ещё добился, чтобы на конференции был назначен человек, отвечающий за ход намечавшейся операции. Им стал американский генерал Эйзенхаузер. В свою очередь, советский руководитель пообещал, что к моменту начала десантной операции во Франции русские подготовят сильный удар по немцам.

Корр.: Я читала, что обстановка на конференции стала менее напряженной. Сталин и Черчилль продолжали обмениваться колкостями, но в них уже было больше добродушия, чем язвительности. Вот один из таких образчиков.

На замечание Иосифа Виссарионовича, что финны должны выплатить нам репарации за ущерб от войны, Черчилль беззлобно подколот собеседника: а как же, мол, лозунг большевиков «Мир без аннексий и контрибуций»? В ответ услышал: «Я же говорил Вам, что становлюсь консерватором».

Д.Т. Язов: На конференции была затронута проблема послевоенного будущего Германии. Союзники настаивали на расчленении страны и создании на её территории множества карликовых государств. Сталин считал, что «решение германской проблемы надо искать не на путях уничтожения германского государства, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию, а на путях её демилитаризации, с неременной ликвидацией фашизма, вермахта и передачей преступных руководителей «третьего рейха» под суд народов».

Договорились передать решение этих вопросов в трехстороннюю комиссию. А Тегеранская конференция завершила

свою работу. Было намечено ещё одно заседание на 1 декабря, но погода стала портиться, подул шквалистый ветер, небо заволочло тучами. Решили не задерживаться. Итоговую декларацию приняли без обсуждения. Но она ни у кого из участников не вызвала сомнений. В ней говорилось: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки в море и разрушить их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим... Мы уверенно ждём того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действиям тирании и в соответствии со своими различными стремлениями».

После конференции, прощаясь со Сталиным, Рузвельт сказал: «Я считаю, что мы проделали здесь хорошую работу». На что его собеседник заметил: «Теперь уже никто не усомнится в том, что победа будет за нами».

Корр.: Мне понравился итог, который подвёл главнокомандующий ВМС США адмирал Кинг: «Сталин точно знал, чего он хочет, когда приехал в Тегеран, и он этого добился». Значит, не будет преувеличением считать Тегеранскую конференцию дипломатическим триумфом Иосифа Виссарионовича?

Д.Т. Язов: Безусловно. Сталин получил всё, на что рассчитывал: и открытие второго фронта, и границу по «линии Керзона», и возврат прибалтийских республик. Было удовлетворено также требование Сталина о передаче нам после войны Кенигсберга. В ответ Верховный командующий согласился объявить войну Японии не позднее трёх месяцев после победы над Германией.

Рузвельт тоже был доволен. В своём выступлении по радио после возвращения с конференции он сказал: «Я хорошо поладил с маршалом Сталиным... Думаю, что он является подлинным выразителем дум и чаяний России, и я убеждён, что мы сумеем очень хорошо поладить с ним и с русским народом и впредь».

Спасибо, Дмитрий Тимофеевич, и за интервью, и за Вашу позицию.

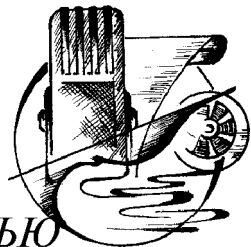
Беседу вела Галина Кускова

Русская народная линия

МИГРАНТ В МОСКОВСКОМ КОТЛЕ НЕ ПЛАВИТСЯ...

— *Михаил Витальевич, у нас сложились какие-то странные отношения с государствами Средней Азии, которые массово экспортируют к нам своих «лишних» людей. Я не могу вспомнить, чтобы нам платили за это какой-то особой лояльностью. Ни одна из этих стран не бежала наперегонки признавать Крым в составе России.*

— Да, эти страны — крупнейшие поставщики рабочих-мигрантов в Россию. И они же развенчали миф о том, что миграционная открытость — плата за лояльность. С их стороны особой лояльности не видно. Ситуация двойственная. Деньги, которые зарабатывают мигранты в России, это ошутимая часть ВВП этих стран. При этом вся наша финансовая и даже военно-стратегическая поддержка этих стран рассматривается ими как их большое одолжение России. Хотя в реальности Россия — гарант безопасности для этих среднеазиатских режимов. Всем известно, что основная угроза для них — экспорт терроризма и радикального исламизма из Афганистана. Москва не должна позволять играть с собой в

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

игру: «базы в обмен на мигрантов». Это несправедливо. Надо развести эти понятия.

— *Почему же не разводят? В чем причины?*

— Думаю, у нашего руководства есть серьезные опасения, что ужесточение миграционной политики просто дестабилизирует Среднюю Азию. Там начнутся бунты. И это приведет в итоге к еще большим потокам беженцев. Республики Средней Азии сбрасывают свое социальное напряжение в Россию. Режимы в этих странах, скажем мягко, архаичные. И там множество конфликтных узлов — межэтнические, экономические...

— *Конфликты в приграничье, дефицит воды и электроэнергии...*

— Плюс риски «цветных» революций. Например, в Казахстане система власти имеет шансы сохранить устойчивость. А вот что будет в Узбекистане — мы представляем плохо. Страна очень непрозрачная. Ужесточение миграционной политики просто увеличит давление в этом котле. Но это не значит, что миграцию в России нужно оставить такой, как она есть.

— *Значит, все-таки надо вводить визы со Средней Азией?*

— Визы не нужно расценивать как железный занавес. Это всего лишь инструмент контроля за миграцией. Нужно готовить наших среднеазиатских партнеров к тому, что мы превратим бесконтрольную миграцию в нечто цивилизованное. Мы можем дверь на границах закрывать или открывать, но эта дверь должна быть.

— *Последние громкие преступления мигрантов опровергли несколько мифов. И няня с головой ребенка в руках, и убийцы семьи Гошта давно жили в России, знали язык, кто-то даже имел наше гражданство. Но они все равно оставались инокультурными. И даже, не побоюсь сказать, психологически недружественными. Почему?*

— Риски исламской радикализации мигрантов больше именно среди новых граждан России, а не среди нелегалов-гастарбайтеров. Это и в Европе так же — более радикальными оказываются дети и внуки вчерашних мигрантов.

— *Почему так?*

— Мигранты первого поколения искренне пытаются раствориться и затеряться в новой среде. Грубо говоря, «обрубить хвосты» с многочисленными родственниками. Но следующие поколения уже начинают цепляться за общинные связи — старые, семейные и новые, которые возникают на почве исламистской идеологии. И не надо иллюзий, что у нас будет как-то по-другому. Будет так же, как в Европе. И, возможно, даже в больших масштабах в силу численности

мигрантов. Поэтому надо ужесточить требования к натурализации этнических мигрантов, к получению ими гражданства России. Это придется делать вне зависимости от того, введем мы визы со Средней Азией или нет. Как пример для нас — Саудовская Аравия, где труд мигрантов широко используется, но получить гражданство этой страны практически невозможно.

— У нас привыкли говорить: «Россия — плавильный котел наций». То есть «котел» все-таки не работает?

— Не надо льстить себе. Ассимиляционный потенциал у нас низкий. Стимулов к интеграции в общество у мигрантов нет. Им в наших городах проще выживать родовой, земляческой или религиозной общиной.

— А нам вообще нужны эти люди, если рассуждать прагматично? Мы много лет слышим мантры о том, что «Россия не проживет без мигрантов» на стройках, в ЖКХ, погрузится в грязь. Но я был в прифронтовом Донецке. Там невозможно бросить окуроч на землю — город стерилен. Все бездомные собаки с номерными бирками на ухе. И ни одного гастарбайтера с метлой! И вот я вернулся в Москву, а тут бойня на Хованском кладбище. Непонятные люди из неведомых краев делят нелегальный кусок хлеба на моей родной земле. На всех уже не хватает. Налоги они не платят. Может, надо как-то уже провозжать их по домам?

— Большинство мигрантов имеют «неустойчивую занятость», это избыточная рабочая сила, которая давит на экономику. В тех сферах, где используются мигранты — ЖКХ, торговля — есть неплохой потенциал для автоматизации труда. Но этого не происходит, потому что велико предложение дешевой рабочей силы. Второй резерв — внутренняя миграция из регионов России. В советские времена и в 1990-х ведь справлялись как-то? Третий резерв — это Украина. Мигранты с Украины куда органичнее интегрируются в наше общество. Вот этих трех факторов достаточно, чтобы заместить гастарбайтеров с востока. А там, где они все-таки понадобятся, на «стройках века», например, нужен целевой набор мигрантов под ответственность работодателя.

Надо еще учитывать, что в условиях кризиса «лишние» гастарбайтеры становятся криминальной проблемой и незапланированной нагрузкой на наши больницы, детсады, школы, которые не рассчитаны на мигрантов. В итоге труд мигрантов становится очень дешевым для работодателя и слишком дорогим для общества.

— Сейчас ФМС по сути ликвидировали, передали эту службу в МВД. Теперь будет лучше?

— Нужно еще разобраться, связано ли это решение с миграционной политикой. Если же это действительно реакция на миграционные проблемы, тогда тут больше плюсов. ФМС не была силовой структурой. Хотя и просила создать «миграционную полицию». Соединение миграционного контроля и силовиков — это плюс, однозначно. ФМС была структурой слабенькой по сравнению с МВД. Это создавало у ее сотрудников ощущение второсортности и поощряло «кормление». При этом свою программу реформ миграционных законов ФМС во многом выполнила. Ввели патенты, что менее громоздко, чем система квот. Но очевидно, что и новую конструкцию придется дополнять какой-то службой. Например, рационально было бы перенести какую-то работу с мигрантами в их же страны. И в идеале приглашение от работодателей мигрант должен получать еще у себя дома. Это важно. Сейчас работодатель от мигрантов дистанцирован. Он ни за что не отвечает. Патент на трудовую деятельность никак мигранта с работодателем не связывает.

— *Это просто уведомление — я приехал работать.*

— Да. А во многих странах есть балльная система для доступа на рынок труда. Где-то — приглашение от работодателя. Мы же не применяем ни того, ни другого. Нет никакой селекции миграционного потока. И никакая «невидимая рука рынка» этим заниматься не будет.

— *ФМС декларировала, что будет этим заниматься.*

— ФМС скорее делала упор на «интеграцию и адаптацию» мигрантов. У нас в концепции миграционной политики, по сути, так и записано: мы понимаем, что к нам приезжают не лучшего качества кадры. Но мы будем их обучать и воспитывать. Такая работа велась, но в каких-то микроскопических масштабах, если сравнивать с числом мигрантов. Да и сами мигранты этого не хотят, они приехали зарабатывать, а не учиться. И вот какой парадокс — если эта система заработает, окажется, что мы занимаемся обучением миллионов граждан Средней Азии, вместо того чтобы воссоздать качественное профтехобразование для своей молодежи! При этом мы жалуемся, что наша молодежь не идет в рабочие профессии.

— *Сейчас в России огромная масса мигрантов. При этом единственный действенный инструмент воспитания самодисциплины среди мигрантов — их депортация — применяется в мизерных дозах. Виновник бирюлевских погромов, азербайджанец, имел десятки административных взысканий и отобранные права... Почему его не отправили домой автоматом? В чём причина такой необъяснимой лояльности? И что можно сделать на опережение, не дожидаясь новой «хованщины»?*

— Есть простой закон: количество переходит в качество. Когда этнических мигрантов немного, они интегрируются лучше. Когда их набирается критическая масса, они образуют параллельное общество и начинают навязывать свои правила игры. И бороться с этим, не сокращая сам миграционный приток, очень сложно.

Непросто отследить и радикализацию в среде мигрантов. Вот эта узбекская няня. Дело даже не в ее личном сумасшествии, это обычное дело, что у «шахидок» сломанная психика. Увы, этот случай выражает и общую тенденцию — в среде мигрантов есть спрос на радикальный исламизм. Это мобилизационная идеология, которая дает людям иллюзию справедливости в будущем.

Есть еще одна закономерность — концентрация молодых мужчин всегда повышает вероятность возникновения радикальных идеологий. Поэтому надо обратить внимание на регионы, где сложилась искусственная концентрация молодых мужчин из Средней Азии и Кавказа. Помимо крупных городов это и сырьевые провинции Западной Сибири, и Оренбургский коридор — пояс между Казахстаном и нашими тюркскими республиками — Башкирией и Татарстаном...

Что касается конкретных мер, они нужны с двух сторон. Надо воздействовать и на наших работодателей, бороться с теневой занятостью. И на контроль за мигрантами — введение трудовых виз, упрощение процедуры депортации. Важный вопрос — кто будет платить за нее и контролировать? Ведь при административном выдворении человек должен уехать сам, никто следить за ним не будет.

— *Или не уехать, как правило, из-за отсутствия денег...*

— Да, поэтому для мигрантов надо вводить небольшой въездной депозит, которого хватит на обратный билет. Это цивилизованная мера, но ее пока нет. Все утверждения о том, что дополнительные меры контроля не будут работать, сильно преувеличены. Сами мигранты признают, что чёрные списки правонарушителей, которым запрещен въезд в Россию, хорошо работают. То же самое с введением виз. Это не наказание для порядочного мигранта, а, наоборот, его индульгенция. С помощью виз легко и быстро отделяются легальные мигранты от нелегальных.

Беседовал Дмитрий Стешин

КП

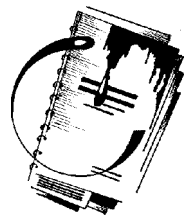
ОНИ БУДУТ СЛЕДИТЬ ЗА НАМИ

Еще 25 октября 2014 г. правительство РФ выпустило Распоряжение № 2125-р «Об утверждении Концепции создания единой федеральной межведомственной системы учета контингента обучающихся по основным образовательным программам и дополнительным общеобразовательным программам».

После этого Минкомсвязи России, Минобрнауки России, федеральные органы исполнительной власти и государственные внебюджетные фонды создали рабочую группу, прописали «дорожную карту» по реализации Концепции и в три этапа создали к 2016 г. единую федеральную межведомственную систему учета контингента обучающихся под названием Информационная система (ИС) «Контингент».

Программа создана Минкомсвязи (технологические функции, создание и сопровождение межведомственной системы) по заказу Минобрнауки России (оператор данных, методологическое и методическое обеспечение федеральной системы).

Официальные цели нововведения — облегчение труда чиновников, повышение качества и оперативности, электронное взаимодействие между ИС различных ведомств,

ДОСЬЕ "МГ"

улучшение информированности населения об образовательных организациях и оказываемых образовательных услугах.

ИС «Контингент» включает в себя федеральный и региональные сегменты.

Федеральный сегмент будет осуществлять сбор, централизованное хранение, обработку реестра персональных данных обучающихся и их законных представителей, реестра организаций, сведений, поступающих из региональных сегментов всех субъектов РФ, сегмента высшего образования, информационных систем федеральных органов государственной власти и государственных внебюджетных фондов.

Региональные сегменты будут аккумулировать информацию о «персонах» (так сказано в документах) и организациях и осуществлять межведомственное объединение этих данных и передачу в федеральную систему.

На построение ИС выделены деньги в федеральном бюджете (35,76 млн.). Генподрядчиком в проекте выступил «Мегафон», который привлек компанию «БАРС Груп», а ФАС уже заявила о сговоре при получении тендера. Также одним из подрядчиков выступает «Ростлком», а в числе региональных операторов замечен «Дневник.ру», который совместно с компанией ООО «Реформа» осуществляет работы по внедрению регионального сегмента ИС «Контингент» в информационную инфраструктуру Московской области.

ИС «Контингент» — это электронная база данных на всех детей России, их родителей и всех, кто получает образовательные услуги любого рода, — будь то детский сад, школа, дом творчества, ПТУ, вуз, курсы повышения квалификации или танцевальный клуб; туда же вносят данные о трудоустройстве.

Файл на ребенка открывается с момента его рождения и регистрации в ЗАГСе, а закрывается после его смерти. Единным идентификатором обучающегося в межведомственной системе назван страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС).

Персональные данные обучающегося (на любом уровне образования, от детского сада до вуза) включают в себя общие сведения (фамилия, имя и отчество, пол, место рождения, дата рождения, номер записи акта о рождении, дата государственной регистрации рождения и наименование органа, который произвел государственную регистрацию рождения, гражданство, серия и номер паспорта или реквизиты иного документа, удостоверяющего личность, адрес регистрации, СНИЛС), а также данные об этапах обучения и достижениях.

Этим списком перечень не ограничивается: в категорию «иная информация, необходимая для решения задач межведомственной системы», входят сведения о «персоне» из недр Минздрава, ФНС, ФМС, Пенсионного фонда, Минтруда, Рособнадзора и пр.

Минздрав будет курировать насыщение файла профильной информацией: группа здоровья, медицинская группа, группа и причина инвалидности, наличие потребности в адаптивной программе обучения, наличие потребности в длительном лечении, решения психолого-медико-педагогических комиссий и т.п.

Для родителей, не согласных с подобными требованиями, на федеральном уровне готовится пакет нормативно-правовых документов и изменений в федеральное законодательство, которые обяжут родителей предоставлять персональные данные по детям и по родителям в региональную образовательную систему.

В инструкции под названием «Унифицированные функционально-технические требования к региональному сегменту единой федеральной межведомственной системы учета контингента обучающихся по основным образовательным программам и дополнительным общеобразовательным программам» много внимания уделено описанию того, как именно передавать из ЗАГСа в числе прочего информацию об изменении фамилии и даты рождения ребенка, что происходит только при его усыновлении и всегда являлось информацией, не подлежащей разглашению.

На вебинаре департамента проектов по информатизации Минкомсвязи России при разъяснении вопросов создания и работы региональных сегментов ИС «Контингент» опасения представителей регионов были развеяны организаторами: «Указанные персональные данные ребенка могут передаваться органами ЗАГС в случае, если это указано в соответствующих соглашениях о взаимодействии».

В связи с созданием ИС «Контингент» планируется внести изменения в законы № 152-ФЗ «О персональных данных», № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также в программу «Информационное общество» на 2011—2020 годы.

В «пилотном» режиме проект реализуется в Иркутской, Московской, Ярославской, Саратовской областях, Республике Дагестан, Томске, Пермском крае, на Камчатке.

А теперь о том, что нам всем это несет.

Итак, в России создается единая информационная система, когда на каждого жителя по факту рождения сразу от-

---

крывается электронный файл с индивидуальным пожизненным номером, куда стекается абсолютно вся информация о нём. Очень удобно и не нужно тратиться на выпуск электронных карт.

Показательно название программы ИС «Контингент» — применительно к огромным массам людей, а другими словами — к народу, к нации. В нашем смысловом поле — это что-то привычно неразвитое, со своими «тараканами», которое ни воспитать, ни исправить уже не удастся. Одним словом, контингент, что с него взять?

Первоочередной акцент в ИС ставится на состоянии здоровья, успешности, отношениях ребенка с родителями.

Что касается родителей — это лежит на поверхности: вне-если в файл сведения о недостаточной «ассоциации родителей и ребенка» — и никакой закон о семейно-бытовом насилии, буксующий столько лет, уже не нужен.

Базовый принцип деления детей на касты, обкатываемый в проекте Фонда Кудрина в Забайкалье, реализуемый в Проекте модернизации образования, рейтинговании школ и вузов, проекте высшей школы «Тюнинг» — для сегрегации «неразвитых» и вымывания талантов и интеллектуальных ресурсов за пределы России.

А что касается сведений о здоровье — по странному стечению обстоятельств 1 января 2016 г. вступил в силу Приказ Минздрава № 908н всё от того же 25 декабря 2014 г. «О порядке установления диагноза смерти мозга», где в п. 1 говорится, что посмертным донором теперь считается человек в возрасте от 1 года. И значит, заказчику ИС весьма важно иметь информацию о состоянии здоровья потенциальных посмертных доноров.

Доступ к файлу «персоны» в ИС будет ограничен определенным кругом лиц, в который не входит сам субъект данных или его близкие — контролировать правильность и непредвзятость сведений о себе он не сможет, а в то же время лишь на основании этой информации некими операторами будет моделироваться его жизненная траектория.

А кто обеспечит охрану этому массиву информационного богатства, монопольное право распоряжаться которым оставлено за Минобром?

И, наконец, самое главное: а что такое у нас случилось с Конституцией? Отменили всю или по частям? Например, статью 23, п. 1: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Или статью 24, п. 1: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной

жизни лица без его согласия не допускаются». Или статью 24, п. 2: «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».

Что, государство уже закончилось, и всё теперь творится «по понятиям»? Никого не спросили, ни с кем не обсудили, а просто распорядились — и пошло: чиновники вопрос изучают, айтишники в очередь за грантами становятся, а юристы законы строчат против несогласных с таким положением дел.

Подготовка проекта рассчитана на три года, а вице-премьер Ольга Голодец требует запустить ИС «Контингент» за два: срочно нужна система, берущая под контроль каждого — в любом уголке страны, в любом месте и в любом качестве, от рождения и до самой смерти.

Виктор ЧЕРНЫШЁВ

ДИВИЗИЯ СС «ГАЛИЧИНА»

Теперь во Львове регулярно проходят парады гренадерской дивизии Ваффен СС «Галичина». Что же это за подразделение, которое упорно не дает о себе забыть, проводя с завидной регулярностью подобные мероприятия? Обратимся к истории и фактологическому материалу, чтобы освежить память не так давно отстоящих от нас событий.

Это военное формирование, набранное из украинских коллаборационистов в период Второй мировой войны, для службы в эсэсовских подразделениях. На Нюрнбергском процессе члены этих подразделений были признаны военными преступниками. Уже текст их присяги говорит сам за себя: «Я клянусь Господом Богом сражаться с большевизмом и за освобождение моего украинского народа и моей родины Украины в полном и беспрекословном подчинении Главнокомандующему германской армии Адольфу Гитлеру, и как храбрый солдат готов отдать мою жизнь если потребуется за эту клятву».

И действительно, дивизия эта была карательным инструментом Гитлера. Дивизия «Галичина» входила в состав войск СС нацистской Германии. Эта дивизия могла участвовать лишь против мирных жителей как карательное подразделение и принимать участие в боевых действиях против партизан Франции, Польши и Югославии. Против же регулярных частей Советской армии она сражаться не умела и поэтому летом 1944 года дивизия была полностью разгромлена под Бродами.

После своего переформирования ее личный состав принимал участие в подавлении словацкого антинацистского восстания, а после капитуляции Германии ее вояки сдались в плен западным союзникам.

Поскольку военнослужащие дивизии совершали военные преступления против мирного населения, то решением Нюрнбергского трибунала они были признаны военными преступниками. За вояками «Галичины» идет шлейф преступлений против человечества.

Так, из части добровольцев, не попавших в первый набор дивизии «Галичина», по инициативе Гимmlера были созданы пять галицких добровольческих полков СС. Шлейф преступлений этого подразделения велик. Так, по данным польских и украинских комиссий, в феврале 1944 года 4-й добровольческий галицкий полк при содействии УПА принял участие в уничтожении польского села Гута Пеняцка, где было сожжено 172 дома и зверски уничтожено более 500 человек польского населения, включая женщин и детей.

В ходе карательных операций были уничтожены населенные пункты Ганачевка, Барыш, Коростятин, Лозовая, Малая Березовица, Плотича, Малинска, Черницы, Ясеница и другие населенные пункты. Бригада СС «Дирлевангер» участвовала в операциях против словацких партизан и местного населения в Словакии.

Так, при рейде на деревню Смерцаны было сожжено 80 из 120 домов. Даже начальник штаба дивизии Вольф-Дитрих Гайке писал в мемуарах о «досадных инцидентах» в отношении гражданского населения, связывая их с деятельностью «Дирлевангера».

После того, как маршал Конев «размазал» эту дивизию под Бродами, около 1 тысячи из остатков ее проходили службу в дивизии СС «Викинг», которая также была замешана в военных преступлениях.

Торжественная церемония провозглашения акта о создании дивизии прошла 28 апреля 1943 года во Львове, в здании администрации дистрикта Галиция, в присутствии представителей германской оккупационной власти, НСДАП, униатского духовенства и ветеранов УГА (Украинской Галицкой армии). На этой церемонии членам Военного Управления дивизии были вручены грамоты, подтверждающие их полномочия.

Но это была чисто германская акция под руководством гауптштурмфюрера СС Шульца по набору в ряды войск СС.

По состоянию на 3 июня 1943 года в дивизию записалось 80 060 добровольцев, из которых было принято 53 000. В состав дивизии также разрешалось набирать добровольцев-украинцев из других германских формирований. Например, 201-й батальон охранной полиции и СД был сформирован из дистрикта Белоруссия рейхскомиссариата Остланд, где его командиром стал Евгений Побигущий.

Дивизия «Галичина» имела в своем составе грекокатолических (униатских) священников-капелланов, которыми руководил представитель УГКЦ священник Василий Лаба. В этом националистическом подразделении существовала и своя система воинских званий с их немецким аналогом: стрелец (шутце), старший стрелец (обершутце), вистун (штурманн), десятник (унтершарфюрер), старший десятник (обершарфюрер), подхорунжий (штандартенюнкер), хорунжий (унтерштурмфюрер), булавный (гауптшарфюрер), поручик (оберштурмфюрер), сотник (гауптштурмфюрер) и т.д.

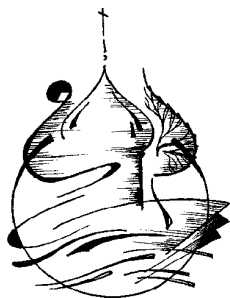
Обвинительное заключение «Международного военного трибунала по главным военным немецким преступникам» Нюрнбергского процесса 1945 года однозначно заявляет, что физически невозможно выделить хоть какую-то часть СС, по которой можно было бы достоверно установить неучастие в мероприятиях, приведших к агрессивной войне, а также в еще большей степени в акциях, являющихся военными преступлениями против человечности, а также ввиду того, что эта «преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации» и «самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация», и поэтому объявляет преступниками всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов Общей СС, войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со ст.6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений».

А ветераны «Галичины» продолжают свой марш по улицам Львова...

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬ

Митрополит Макарий... На его долю выпало всё: холод, голод и нужда с раннего детства, затем клевета, неоднократные попытки убить его, неправедный суд, изгнание и, пожалуй, самое страшное для человека! — предательство близких и пасомых... Но давно уже нет в живых свидетелей тех событий. Канули в Лету и гонители иерарха. Всё миновалось. Живем мы совсем в другое время: в эпоху радио, телевидения, Интернета. Лишь людские пороки всё те же да лжеучителей стало значительно больше. Но чем больше современных лжепророков, перевёртышей и просто развинченных и мятущихся людей становится вокруг нас, тем только притягательнее облик этого человека, в одиночку выступившего против сплотившихся сил общественного зла и одолевшего их лишь силой своей Веры и спокойным бесстрашием своего духа.

Сохранились сведения о его детских годах. Будущий московский первосвяtitель родился в 1835 году в селе Шапкине Ковровского уезда Владимирской

СИМВОЛ ВЕРЫ

губернии в многолетней семье пономаря местной церкви Андрея Ивановича Парвицкого. Мальчик появился на свет в праздник Покрова Божией Матери и был наречен Михаилом. Миша рос очень хилым ребенком и многие, глядя на него, со вздохом предрекали ему близкую смерть. К тому же семья сильно бедствовала. Михаилу исполнилось семь лет, когда Парвицких постигла очередная беда: сгорел дом со всем имуществом. Несколько месяцев прожили они в прокопченной бане, а затем кое-как устроились в маленькой церковной сторожке. И на все это наслаивалась тяжелейшая обида, нанесенная главе семейства. Умный и образованный человек Андрей Иванович 24 года терпеливо ждал повышения по службе — из пономаря сделаться псаломщиком. Наконец представилась возможность. Но на эту более почетную и обеспеченную должность чьими-то хлопотами быстро назначают какого-то малообразованного юнца... Уже на склоне лет высокопреосвященный Макарий так вспомнит о тех забываемо-горьких картинах голодного детства: «Как живу я сейчас вижу свою мать, стоящую рядом с нищими. Помню, как я горячо однажды взывал к Богу со своей просьбой послать мне тулупик, так как по бедности родителей я не имел тёплой одежды, и Господь послал мне... Однажды родители пешком ушли в Москву и всю семью оставили на попечение пятнадцатилетней старшей сестры. Рассчитывая, что они возвратятся скоро, запас чёрного хлеба был оставлен небольшой. Но обстоятельства задержали их, и всё семейство осталось без хлеба. Порции хлеба с каждым днем уменьшались, и приходилось голодать. Вот лужайка напротив дома и кормила нас клевером, который мы рвали на обед и на ужин». Говорят, что события нашего детства во многом предопределяют наш характер и даже последующую нашу судьбу. Кто знает, может быть, эти горькие детские воспоминания и станут причиной той исключительной доступности и простоты будущего архипастыря, так притягивавших к нему потом простонародье.

Крайняя нищета вынуждает семью отправиться в далекую Сибирь. Дорогой часто было нечем кормить детей, и они питались «по очереди». В Тобольске, а затем на последующем месте служения отца, в селе Верх-Ануйское Томской епархии дела главы семейства наконец-то заметно поправились.

1854 год... В числе лучших по успехам Михаил Парвицкий заканчивает Тобольскую духовную семинарию. Наставники советуют продолжить образование в академии, что сулило в дальнейшем хорошую церковную карьеру. Но Михаил принимает решение, изрядно подивившее товарищей по

учебе. Молодой блестящий выпускник обращается с ходатайством... направить его миссионером в глухие места Алтая. Дело в том что восемнадцатилетний юноша восторженно, очень близко к сердцу воспринял тогда рассказы о миссионерских подвигах знаменитого «Апостола Алтая» архимандрита Макария (Глухарева М.Я). О своем преклонении перед его личностью он так поведает позднее в одном из своих исповедальных писем: «Я, грешный, в первый год по поступлении в миссию много был утешен и ободрен явлением его (о. Макария Глухарева) во сне. Я видел его явившимся в алтаре... Указывая на беспорядок в храме, как на последствия нерадения тех, которым поручена была Улалинская паства, он сказал мне: «Ты здесь после меня обучайся». Считаю эти слова пророческими. По милости Божией и по молитвам о. Макария я до днесь обучаюсь миссионерскому делу».

Заброшенное селение Чемал. Вокруг величественные алтайские горы, горные реки, вековые леса и дикое, сплошь зараженное языческими суевериями местное население. Михаил Парвицкий, теперь уже иеромонах Макарий, живет среди леса в небольшом домике Алтайской Миссии. Условия быта тяжелые. К тому же местное население настроено враждебно. Нередко он ощущает на себе злые взгляды местных языческих жрецов. «Сотвори чудо! Сотвори чудо!» — потешаются они над молодым проповедником. Чтоб как-то сблизиться с коренными жителями, Макарий изучает алтайские языки и досконально знакомится с местными обычаями. Тщедушный, небольшого роста, физически слабый монах на лошади или на лодке без усталости переезжает из одного места в другое. Часто приходится ночевать в палатке. И проповедует, проповедует, проповедует!

Используя все свои медицинские познания, отец Макарий оказывает алтайцам и врачебную помощь. Несколько удачных случаев выздоровления сразу же приносят ему новообращенных. Успеху проповедей немало способствовало обладание им каким-то особым даром располагать к себе каждого, с кем молодой миссионер встречался. А говорил он всегда просто, без всякой книги.

Приходилось проповеднику заниматься и тяжелым физическим трудом: копал грядки в огородах, обмазывал глиной стены убогих жилищ членов миссии, мыл и полы в них... «Золотое сердце» — прозвали его алтайские аборигены. Из рода в род здесь потом будет переходить сказание о добром и таинственном абызе (отце), пришедшем на Алтай помогать людям. Вокруг иеромонаха Макария возникла и ширилась община новообращенных. Но дикие нравы всё ещё давали о себе знать...

...Серый сумрачный день. В селе происходит жуткая, кровавая сцена. Идет настоящий бой между двумя толпами алтайцев. Летят камни, палки. Громко вскрикивают раненые. Всё сливается в один истошный вой обезумевших дикарей. Но неожиданно среди разъяренных людей возникает фигурка иеромонаха Макария. «Опомнитесь! Прекратите!» — призывает он. «Не мешай! Уйди! Не твое дело!» — кричат ему. Предводитель одной из сторон ударяет его колом по голове. Шатаясь, смертельно побледневший, Макарий продолжает говорить. И происходит чудо! Люди словно очнулись. Окружив миссионера, алтайцы целуют ему руки и наперебой просят прощения.

36 долгих лет продолжался этот исключительный миссионерский подвиг. Однако с внешней стороны церковная карьера отца Макария далеко не блестяща. 29 июля 1871 г. в селе Улале отец Макарий возведен в сан игумена, а с 1875 года — помощник начальника Алтайской Миссии. Лишь в 1883 году его возводят в сан архимандрита и делают начальником Миссии. Наконец в 1884 году Макарий произведен в епископа Бийского и уже в 1891 году назначается Томским епископом. Только через 15 долгих лет после этого, в 1905 году, 70-летний маститый проповедник получает сан архиепископа.

Помимо отсутствия высокопоставленных покровителей и друзей, не последнюю роль в таком медленном продвижении по ступеням церковной иерархии, безусловно, сыграло его откровенное нежелание «делать карьеру». Вот только один показательный случай. В кафедральном соборе Томска идет богослужение. Служит владыка Макарий. Присутствующий на службе губернатор стал разговаривать с окружающей его свитой. Архиепископ Макарий просит губернатора прекратить разговор. Губернатор замолкает, но потом опять продолжает разговор. Тогда владыка останавливает службу и просит губернатора немедленно покинуть собор. Обиженный губернатор со свитой уходят...

А между тем добрая молва о миссионерской деятельности отца Макария уже расходитя далеко по России. 6 июня 1886 г. К.П. Победоносцев пишет Александру III: «В Бийске, то есть в центре миссии, поставлен Макарий, сибирский уроженец, тоже человек замечательный по духу миссионерства и по энергической деятельности. Дай Бог, чтобы силы ему не изменили. Алтайская Миссия имеет очень важное значение, как орудие русской культуры и цивилизации между дикими племенами, из-за которых до сих пор происходит глухая, невидимая для администрации, но сильная борьба между рус-

---

ским влиянием и монголо-китайской и тибетской пропагандой. Одни миссионеры только и ведут, при особых средствах, эту борьбу в глухой пустыне».

Когда к отцу Иоанну Кронштадскому приезжали сибиряки, то он говорил им: «Что вы ко мне ездите. Ведь у вас есть свой Макарий, который лучше меня молитвенник». Кстати, имеющая столь большое государственное значение Алтайская Миссия существовала на ничтожные пожертвования, отпускаемые московским Миссионерским обществом, да на дары добрых русских людей.

Усилиями преосвященного Макария при Алтайской Миссии открывается свыше 60 школ для инородцев, приют для инородческих девочек, учреждается женский Телецкий монастырь. Для распространения христианского влияния на соседнюю Монголию Макарий основывает Чольшманский монастырь. Лучшим подспорьем достигнутых результатов стали переведенные им на алтайские языки, при участии педагога Н.И. Ильминского и крещёного инородца Михаила Чевалкова, различные богослужебные труды: «Литургия Иоанна Златоуста», «Священная История Нового Завета», «Евангелия воскресные, утренние и праздничные», «Огласительные поучения для готовящихся к Св.крещению» и многие другие. Изданы «Алтайско-русский букварь» (1868 г.) и «Грамматика алтайского языка» (1869 г.). В 1908 г. высокопреосвященным Макарием предпринят капитальный труд перевода на алтайский язык всего Четвероевангелия. Для сельских священников владыкой написаны многочисленные катехизические брошюры, а для мирян-инородцев им были составлены специальные сборники духовных песнопений. И всё это только часть всего сделанного им на Алтае! Главное же, им заботливо выращена целая школа алтайских миссионеров. Уже в 1911 году журнал «Русский паломник» напишет: «Языческий Алтай обратился в Алтай православный, и в живописных глухих сёлах заблестали главы церквей».

Но не всем по сердцу такие перемены. Не чают, как избавиться от деятельного архиерея, местные раскольники.словно кость в горле он у ссыльных революционеров. И молитвеннику какие-то недоброжелатели решили ответить по-своему: несколько раз его хотели убить, а 22 мая 1886 года был подожжен архиерейский дом с явным намерением сжечь и его самого. Сгорели ценная, годами собиравшаяся библиотека, архив Алтайской Миссии, где хранились, в частности, рукописи основателя Миссии архимандрита Макария (Глухарева М.Я.), здание Катехизаторского училища... К счас-

---

тью епископ Макарий спасся. Стереть Миссию с лица земли ее врагам не удалось.

Красный угар 1905 года докатился и до Сибири. В Томске, где архиерействовал к тому времени владыка, произошли кровавые столкновения. Все попытки Макария привести в чувство обезумевший народ ни к чему не привели. И горькой истиной прозвучали в те дни его слова: «Русский народ обратился с ног до головы в гнойный струп. В верхних слоях его отступление от Бога, отпадение от Церкви, восстание против Богоучрежденной власти, крамолы и убийства, подстрекательства к бунту, убийства сановников и других верных царских слуг. В среднем сословии — торговом и ремесленном — поклонение золотому тельцу с забвением о Боге, о правде и чести, о милости. А о простом народе с сожалением должно сказать, что он спился и развратился».

В годы революционной смуты он — один из идеологов и активнейших участников черносотенного движения в Сибири, почетный председатель Томского губернского отдела Союза Русского Народа. Постоянный лейтмотив многих печатных и устных выступлений Макария в эти и последующие годы — идея единения всех русских людей на основе идеалов Православия, Самодержавия, Народности. Эти идеалы он неустанно проповедует во время своих частых поездок по епархии и встреч с верующими и клиром. Архиепископ Макарий оказывает моральную поддержку кандидатам от монархических партий при выборах в Государственную Думу. При его деятельном содействии в Томске состоялось открытие русской патриотической газеты «Томский вестник», первый номер которой вышел 21 августа 1912 года. На страницах газеты будут обсуждаться самые злободневные вопросы церковной, экономической и литературной жизни Сибирского края.

Начиная с шестидесятых годов XIX в. как исследователь, педагог и духовный просветитель о. Макарий активно выступает на страницах печати. Его историко-краеведческие и этнографические очерки, работы по различным вопросам организации учебного дела и воспитания, проповеди, письма и послания, нравственные беседы читатели часто видели на страницах «Томских епархиальных ведомостей», «Душеполезного чтения», «Православного благовестника», «Томского вестника», «Московских ведомостей» и многих других изданий тех лет.

Страшной язвой русской жизни предреволюционных лет стали широко распространившиеся в народной среде, особенно в деревне, пьянство, сквернословие и хулиганство.

Было немало свидетельств, что в сибирских деревнях дети нередко знакомились с водкой и самогоном с 7—8 лет... Борьбе с этими позорящими русскую душу явлениями архиепископ Макарий отдал немало сил. Ведь он всегда рассматривал ее как важнейшую общенациональную задачу. Во многом благодаря его инициативе и поддержке в Томской епархии довольно быстро была создана целая сеть церковно-приходских обществ трезвости. Разворачивалось широкое антиалкогольное движение. Однако не по душе всё это было «темным силам». «Освободительная печать» стала регулярно организовывать против «столпа сибирского черносотенства» шумные клеветнические кампании, публикуя на «мракобеса Макария» всевозможные грязные пасквилы.

2 ноября 1912 года в Петербурге умирает митрополит Антоний (А.В. Вадковский). Занимавшего московскую кафедру 14 с лишним лет митрополита Владимира (В.Н. Богоявленского) переводят в Петербургскую митрополию. Многие думали тогда, что в первопрестольную назначат архиепископа Антония (А.П. Храповицкого). Но неожиданно для всех Николай II постановил: назначить новым московским митрополитом высокопреосвященного Макария. В далекий Томск приходит вызов из Петербурга. Такое решение не понравилось определенной части церковной иерархии. Среди недоброжелателей Макария начались всевозможные кривотолки. Назначение сразу же приписали «проискам Распутина». И действительно, сам сибиряк, старец Григорий Распутин, давно и немало наслышавшийся о проповедничестве Алтайского Макария, с восторгом отзывается о нем при общении с царём. Вообще Григорий частенько любил повторять: «Мужичком в России всё держится и питается. Надо ставить архиереев из мужичков. Ведь на мужичкии деньги духовные семинарии строятся».

Сохранившиеся однако документы неумолимо свидетельствуют: о духовных подвигах «Апостола Алтая» государь был хорошо наслышан еще задолго до появления в Царском Селе Распутина. Глубоко религиозный Царь-мученик, ища опору, пожелал приблизить великого сибирского подвижника к себе. Не случайно протопресвитер армии и флота Г.И. Шавельский впоследствии вспоминал: «Царское Село смотрело на митрополита Макария как на святого».

В Москве Макарий оказался в совсем другой обстановке, далеко рознящейся от патриархальных нравов Алтая. С глухой неприязнью взирает на нового митрополита «московская элита»: давно отошедшая от духа подлинного православия интеллигенция, салонные болтуны, так называе-

---

мое светское духовенство. «И что это за митрополит такой? Ни стати — ни осанки! Плюгавенький старикашка какой-то. Да разве такой первосвященитель нужен Москве?!» — вопрошала эта публика.

Но по-другому отнеслось к старцу простонародье. Как железо к магниту потянулся к новому митрополиту простой люд. Храмы, где он служил, бывали переполнены. Люди выстаивались в длинные очереди, чтобы только испросить у него благословения.

Объясняя причину падения авторитета Русской Православной Церкви в те годы не только «духом времени», но и недостатками в среде самого духовенства, новый митрополит всеми силами вознамерился повернуть церковную жизнь Москвы в русло строгого патриархального благочестия. В московскую церковную среду он вносит идею усиленного учительства и проповедничества. Открыв при своих богослужениях катехизацию народа, владыка Макарий предлагает последовать своему примеру и всех остальных московских пастырей. В храмах по его указанию начало вводиться общенародное пение. Строго обращает он внимание каждого священника и мирянина на любую небрежность при совершении церковных обрядов. Смело обличается им нравственная распущенность, нескромные костюмы и т.д. Не приветствуется чрезмерное обилие яств на монастырских столах.

«Мирянин отличается от монаха только супружеством, все остальные христианские заповеди — одинаковы», — не устает подчеркивать он московской пастве. Однако проповедуемый митрополитом древний христианский идеал восстановил против старца не только развращенных людей, но и определенную часть клириков, уже привыкших к рассеянной жизни. В адрес Макария посыпались обвинения в предвзятости, отсталости от современной жизни, неразвитости, непонимании значения Москвы как православного учебного центра и т.д., и т.п. Всё сильнее ощущает в Москве Макарий глухую стену непонимания. Всё более одинок он в среде «московской церковной аристократии»...

2 марта 1917 года. К власти в России приходят темные силы. При Временном правительстве, а не при большевиках, как это принято полагать, начались на государственном уровне гонения на Русскую Православную Церковь. Едва ли не первыми действиями Временного правительства будут действия по дезорганизации церковного управления. И первой их жертвой стал митрополит Московский и Коломенский Макарий — и после революции не пожелавший скрывать своих монархических убеждений.

В первый же день по назначении новый «революционный» обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов явился к Макарию в сопровождении «революционных помощников» и в бесцеремонной форме потребовал от него оставить московскую кафедру и уйти на покой, что было совершенным беззаконием с точки зрения всех церковных канонов. За отказ подчиниться и попытку обратиться с печатным воззванием непосредственно к верующим митрополит Макарий был немедленно арестован и затем сослан в подмосковный Николо-Угрешский монастырь. Взбешенный В.Н. Львов напутствовал владыку словами: «Я вас в Петропавловской крепости сгною!» Чтобы унижить митрополита, была выслана одна лошадь с весьма грязным экипажем, в котором и отправили владыку в место ссылки. Одновременно был отправлен в ссылку в один из отдаленных монастырей и митрополит Петроградский Питирим (П.В. Окнов). В печати против Макария организованно развернули беспрецедентную клеветническую кампанию. Основное обвинение — связь с Распутиным. При этом заказным обличителям было абсолютно начхать на то, что «друг Григория Распутина» был одним из самых почитаемых церковных иерархов в широких кругах верующих русских людей.

Незаконное смещение владыки вызвало глухой ропот среди московской паствы. По московским домам стали ходить старушки-богомолки, прозванные в народе «черными галками». Они собирали подписи в защиту оклеветанного митрополита. А монахи Николо-Угрешского монастыря встретили опального архиерея торжественным колокольным звоном. В ответ приехавший в Москву В.Н. Львов организует всевозможные крикливые «собрания» и «съезды» с участием революционных солдат, рабочих, юнцов из учебных заведений. Активно ему помогают в этом представители «красного духовенства», различные карьеристы и проходимцы из церковной среды. Выступавшие на них публично оскорбляли митрополита. Участники этих «собраний» громко орала, смеялись, хлопали в ладоши после каждой «удачной фразы» оратора. Без конца раздавались призывы: «Арестовать его!» «Арестовать его!»

После удаления Макария были незаконно смещены за его поддержку многие настоятели московских храмов. Всех протестующих арестовывали. Т.н. «лояльное» отношение новой власти к русской церкви и «невмешательство» в её дела выражались в форме арестов, обысков и насильственных принуждений. И здесь хотелось бы назвать только один факт из дальнейшей биографии В.Н. Львова: вернувшись в двадца-

---

тые годы из эмиграции в СССР, деятель этот вступил в Союз безбожников и начал писать антирелигиозные статьи.

Находясь в ссылке, Макарий продолжает бороться за справедливость. Считая своё отстранение незаконным, он рассылает мирянам, клирикам и иерархам Русской православной церкви многочисленные письма и обращения. Старец указывает на неканоничность всех решений новой власти по отношению к Православию. Особенно его беспокоило стремление врагов Русской Церкви подорвать церковную жизнь изнутри — искусственно разрушив внутрицерковную дисциплину и принцип иерархического устройства земной Церкви. Однако никто из иерархов не осмелился поддержать опального митрополита. «Церковь трепетала от страха, была загнана в тупик, и иерархи очутились в плену у безбожного Временного правительства, велениям которого были обязаны подчиняться. По приказу этого правительства Синод вынужден был издавать постановления, глубоко оскорблявшие честных сынов Церкви, оставшихся верными Царю и данной Государю Императору присяге» — так напишет в своих «Воспоминаниях» князь Н.Д. Жевахов.

Унижения митрополита Макария продолжались. В ноябре 1917 года в Москве созывается Всероссийский Церковный Собор. Все попытки Макария принять участие в работе Собора и выступить там с изложением своей позиции были умело предотвращены. Пришедшего туда владыку буквально вытеснили либеральные члены Собора. Глубоко огорченный, старец покинул Собор, предварительно поклонившись всем. Лишь под давлением сибирских архиереев Собор наконец снял все наветы против митрополита Макария и вынес ему полное оправдание. Но постановление это опять-таки не было объявлено всецерковно, а лишь негласно сообщено ему одному..

А между тем популярность угрешского изгнанника лишь только возрастала. В монастырь к нему потянулись многочисленные духовные чада, как когда-то шел народ за советом к оптинским старцам.

Глухой осенью 1917 года к власти в России пришли большевики. Начиналась новая страница русской трагедии. В письме одной из своих духовных сподвижниц, схиигумении Фамари (в миру Тамара Александровна Марджанишвили) митрополит Макарий так увидит причину всего случившегося: «Спасти от этого может нас только возвращение к древней благочестивой жизни. И так как разращение нашего народа началось в последние времена с высших слоев общества, со столиц, то и наибольшую тяжесть наказания Божия терпят те, с кого началось это разращение. Терпим больше

мы, бывшие руководители народа, чем руководимые, больше богатые, чем бедные. Можно сказать: свят, праведен суд!»

С помощью своего единомышленника протоиерея Иоанна Восторгова Макарий пытается организовать спасение томившейся в заточении царской семьи. Для этой цели была даже собрана денежная сумма... В августе 1918 года в Николо-Угрешский монастырь нагрянули чекисты. В ходе обыска в покоях митрополита было изъято его обращение к населению молиться за упокой души благоверного сына Церкви государя императора Николая II, проект создания Союза приходских общин, воззвание митрополита Макария к народу по поводу дня памяти патриарха Гермогена, в котором народ призывался «восстать на защиту Святой Церкви от насилия большевиков», а также «Устав Клерикальной крестьянской партии» и «Устав Серафимовского религиозного общества». Вот в каких красках опишет впоследствии это событие советский историк В.А. Клименко: «Органами ВЧК была раскрыта и другая группа преступников, на сей раз среди монашествующего духовенства, окопавшегося в Николо-Угрешском монастыре. Явившегося в монастырь для мобилизации лошадей председателя Люберецкого Совета монахи избили и заперли в сарай. Получив данные о происшедшем, уездная чрезвычайная комиссия произвела обыск в монастыре. В покоях митрополита Макария чекисты обнаружили ряд антисоветских документов, в том числе... материалы, которые свидетельствовали о том, что Макарий имел обширные связи с рядом контрреволюционных религиозно-политических организаций, а территория монастыря превратилась в убежище для белогвардейских офицеров и черносотенцев».

Владыку Макария арестовали и отправили в ВЧК, но спустя некоторое время из-за серьезного опасения крестьянского восстания его вынуждены были освободить из-под стражи. Дело в том, что за относительно короткое время пребывания в Николо-Угрешском монастыре ссыльный архиерей успел приобрести довольно большую популярность среди крестьянского населения. Позже, однако, была предпринята тайная попытка вывезти старца-затворника из монастыря и расстрелять. Но посланный для выполнения этой задачи специальный отряд сбился с пути из-за неожиданно сгустившегося тумана и, проблуждав до поздней ночи, так и вернулся ни с чем...

Находясь под неусыпным наблюдением властей, Макарий тем не менее продолжал общение и обширную переписку со своими духовными чадами. Последние свои годы он по-

---

святил непрестанному молитвенному подвигу. 7 августа 1920 года судьба послала ему новое суровое испытание: у 85-летнего старца отнялись левая рука и нога. Незадолго до своей болезни он увидел сон, что его приговорили к распятию на кресте. Однако и в таком состоянии митрополит продолжал духовное бодрствование, прекрасно сохранив здравый ум. Не повредились у него даже зрение и слух. Продолжались его живое общение и переписка с духовными детьми. 9 августа 1924 года Николо-Угрешский монастырь посетил патриарх Тихон. После богослужения патриарх пожелал остаться с Макарием наедине. При закрытых дверях у них произошло какое-то объяснение. Видимо, два великих русских печальника попросили друг у друга прощение. Это был последний приезд в Угрешу Святейшего. 7 апреля 1925 года патриарха Тихона не стало...

Владыка Макарий скончался 1 марта 1926 года после свершения вечерни в празднование памяти священномученика Гермогена, патриарха Московского и всея Руси, замученного когда-то в заточении польскими интервентами. Какое примечательное совпадение дат! Было угрешскому затворнику 90 лет, 4 месяца и 16 дней. Коснувшись судьбы московского митрополита, духовный писатель и историк Русской церкви князь Николай Давидович Жевахов впоследствии напишет: «Почивший митрополит Макарий был одним из немногих иерархов, знавших, что Господь сильнее большевиков, и оставшихся верными Господу и своей Вере в силу Божию. И эта вера творила чудеса, пред которыми смирялись и не могли не смиряться слуги дьявола. Девятилетняя борьба немощного 90-летнего старца с большевиками неизменно заканчивалась победой старца и славословием Господа, точно предугадывая на опыте самого немощного телом и самого старшего годами иерарха Церкви те орудия, с помощью которых нужно было вести борьбу с сатанистами и побеждать их».

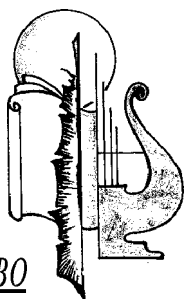
РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

КАРЛ ПАВЛОВИЧ БРЮЛЛОВ
(1799 — 1852)

Несмотря на свое французское происхождение, отец знаменитого живописца Карла Брюллова был крут по-русски: сын до конца жизни не слышал на левое ухо. И это при том, что отец ударил ребенка, когда тот жестоко страдал золотухой. Однако же Карл говорил об отце всегда с уважением, — видел, как много работает Павел Иванович, как требователен к себе, и как старается эти качества привить своим детям.

Способности к рисованию проявились у Карла рано, и Павел Иванович сразу занялся серьезнейшим воспитанием сына, готовя в нем художника-профессионала. Он и потом, когда Карл уже шел по жизни самостоятельно, следил за его творчеством, давал деловые советы, снабжал книгами по искусству.

Десятилетнего Карла Павел Иванович Брюлло привел в Академию художеств, где когда-то сам преподавал орнаментальную скульптуру. Система образования в Академии имела строгий свод канонизированных правил, но Карл обгонял своих товарищей, и ему до времени разрешали рисовать с гипсов и заниматься собственными композициями. Один из первых самостоятельных рисунков

ИСКУССТВО

Карла был удостоен серебряной медали и находился в классе как оригинал для копирования ученикам.

Врожденный талант, строгая взыскательность к своей профессии, разносторонность интересов, — Карл был кумиром учителей и учеников. По окончании Академии получил Большую золотую медаль за конкурсную работу «Явление Аврааму трех ангелов» и право на поездку в Италию. Со времен Петра I, пославшего живописца Ивана Никитина за границу усовершенствоваться в искусствах, это стало традицией. Однако президент Академии А.Н. Оленин настоял, чтобы Карл остался еще на три года — для совершенствования мастерства. Назначил ему в наставники малоодаренного художника и никакие просьбы о замене учителя не принимал. Тогда юноша отказался от пенсионерской поездки!

Но в Петербурге усилиями энтузиастов было учреждено Общество поощрения художников, главной целью которого являлось помогать живописцам. Карл написал для Общества две картины, чем заслужил поездку в Италию на длительный срок. Выехал он из Петербурга летом 1822 года, по счастливой случайности получив именно в этот год высочайшее разрешение русифицировать фамилию Брюлло, добавив к ней русское окончание «в». Теперь он стал Брюллов.

Оказавшись в Италии, которую Карл знал по классическим произведениям, он был страшно разочарован: всеобщая космополитическая сутолока! Живопись не в моде — нового, живого движения в ней еще не происходило, а старое, всё обращенное в древний мир, надоело. Древний мир теперь возрождали скульпторы и пользовались успехом и признанием. К тому же совершенно чуждая природа, которая ничего не говорила художнику. «...Вдалеке от родины, от друзей, от всего, что делало счастливым в продолжение 23 лет... Ни сосенки, ни ивки... Хотя здесь растут лавры и вместо хмеля виноград — всё мило, прелестно! — но без слов, молчат, и кажется всё вокруг умирающим», — писал из Рима.

Карл Павлович стал сходитьсь с художниками-иностранцами, но это ничего ему не дало, они были солдатами того же войска, той же дисциплины, как и он, обученный ею в Петербургской Академии художеств. Но Брюллов обладал поразительной силой воображения, соединенного с тонкостью натуральных наблюдений, его артистический темперамент требовал выхода. Появился замысел написать картину «Итальянское утро». Это оказалось не только удачной, но и счастливой находкой художника.

Молодая, обнаженная по пояс девушка, умывается под струями фонтана. Брюллов пронизал ее солнечными лучами,

---

и она получилась, как ожившая греческая скульптура, олицетворяющая утро. «Я освещал модель на солнце, предположив освещение сзади, так что лицо и грудь в тени и рефлектируются от фонтана, освещенного солнцем, что делает все тени гораздо приятнее в сравнении с простым освещением из окна», — сообщал он Обществу поощрения художников, отправляя готовое полотно на выставку в Петербург.

«Итальянское утро» восхитило петербургских ценителей живописи. Город наполнился слухами о великолепной картине Брюллова, все спешили увидеть ее. Даже Александр I побывал на выставке и выразил свое удовольствие. Картина была ему подарена.

В 1826 году новый император России Николай I заказал Брюллову картину «под пару» «Итальянскому утру». Так явился на свет «Итальянский полдень», ставший высшим достижением Брюллова в группе работ, развивающих тему взаимодействия человека и природы. Моделью для «Полдня» послужила невысокая плотная женщина, далеко не классических пропорций, уже пережившая свою юность, но покрывшая художника своей жизненной силой. Как отозвался о ней Гоголь: «Это женщина страстная, пылающая всей роскошью страсти, всем могуществом красоты».

Карл Павлович изобразил ее в винограднике при солнечном полуденном освещении. Зрелая красота героини под стать тугим виноградным гроздьям, — зенит жизни природы, пора созревания плодов, зенит человеческой жизни. В абрисе головы, плеч, рук, в румянце щек, блеске увлажненных глаз — прелесть и очарование. Солнечные лучи проникают через листву, скользят по женщине; создается впечатление живого момента, подсмотренного художником. Естественной и грациозной получилась картина, но когда была выставлена в Петербурге, там случился переполох! Меценаты Брюллова из Общества поощрения художников ожидали античной богини, а увидели просто счастливую, здоровую женщину. Последовали обвинения автора в неправильном выборе натуры: «Целью художества должна быть избранная натура в изящнейшем виде, а изящные соразмерности не суть удел людей известного класса».

Брюллов отвечал, что он решился искать разнообразия в тех формах натуры, которые встречаются в повседневности: они куда притягательней, «нежели строгая красота статуй». В отместку за дерзость Общество поощрения лишило Брюллова стипендии. К счастью, его мастерство к тому времени настолько окрепло, что он спокойно пошел своей дорогой, зарабатывая на жизнь заказными портретами, накапливая художественный опыт.

Между тем картина «Итальянский полдень» была приобретена Николаем I и вместе с «Итальянским утром» украсила в Зимнем дворце личные покои императрицы. Любой желающий мог их видеть. В «Дневнике» художника А.Н. Мокрицкого от 14 октября 1835 года есть запись, в которой он сообщает, что вместе с художником Венециановым посетил будуар императрицы и ознакомился с этими шедеврами живописи.

В 1827 году Карл Павлович побывал в Помпеях. Осмотр улиц города-музея, домов, сохранившихся под вулканическим пеплом со всей мебелью и утварью, увиденные отпечатки тел, застигнутых смертью в поразительно живых позах, навели художника на мысль написать картину о гибели Помпеи. Он внимательно изучил письма Плиния Младшего и узнал, что в 79 году нашей эры в области Кампания, расположенной на юге Италии, вдруг начались подземные толчки. Обнаружилось весьма странное явление: в городе Помпеи перестала течь вода в фонтанах и как-то сразу опустели колодцы. 20 августа подземный гул стал слышнее, толчки увеличились. Утром 24 августа произошел толчок небывалой силы и последовавший за ним оглушительный грохот! Вершина вулкана Везувий раскололась на две части, и из образовавшегося жерла поднялся огненный столб! Это было началом катастрофы.

«Казалось, всё не только движется, но и опрокидывается, — писал очевидец Плиний Младший. — Пали куски пемзы и черные, обожженные, растрескавшиеся от огня камни. Между тем по Везувию во многих местах широко разлилось пламя, и высоко поднялся огонь от пожаров... Мы видели, как море втягивается в себя же; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала от себя; берег, несомненно, выдвигался вперед; много морских животных застряло на сухом песке. С другой стороны в черной страшной грозовой туче вспыхивали огненные зигзаги, и они раскалывались длинными полосами пламени, похожими на молнии, но гораздо большими. Стал падать пепел, пока еще редкий; оглянувшись, я увидел, как на нас надвигается густой мрак, который подобно потоку, разливался вслед за нами по земле. Наступила темнота. Но не такая, как в безлунную или в безоблачную ночь, а какая бывает в закрытом помещении, когда потушен огонь. Слышны были женские вопли, детский писк и крики мужчин; одни звали родителей, другие детей, третьи жен и мужей, сиюсь распознать их по голосам. Некоторые в страхе перед смертью молились. Но большинство кричало, что никаких богов нет и что наступила для мира последняя ночь».

Благодаря записям Плиния Младшего, успевшего спастись на корабле, Карл Брюллов через восемнадцать веков смог живо представить то, что случилось с Помпеями.

Следы ее были обнаружены в XVI веке во время строительства в этих местах водопровода. В течение двух с половиной столетий Помпеи постепенно освобождались от семиметрового слоя пепла, превращенного раскаленным дождем в единую, плотную вулканическую массу.

Помпеи стали городом-музеем, где есть форумы и амфитеатры, бани и мастерские, лавки и дома с утварью, но нет ни единой живой души. На месте погибшего города больше никогда не селились люди. Но те, кто когда-то населял его, любили жить удобно и красиво. Убранство каждого жилища, если оно не принадлежало рабу или бедному ремесленнику, выглядело богато и разнообразно. Многие дома украшали стенные росписи, фрески, мозаичные полы, картины. Помпеи поклонялись грекам и их искусству. Религия тоже была греческая — Олимпийские боги, которые понемногу уже вытеснялись христианством.

Фресковая живопись Помпей была особой. Краски настенных росписей остались во всем их блеске и яркости, несмотря на огромную температуру вулканической массы, под которой в ночь катастрофы был погребен город. Это был секрет кампанской живописи, техника которой так и осталась неизвестной. Сохранился фресковый портрет задумавшейся о чем-то молодой девушки с тетрадью из тонких дощечек в руке, с палочкой для писания. Портрет выполнен в форме медальона. Если римские скульптурные портреты первого века нашей эры сохранились во многих музеях мира, то живописный портрет до открытия Помпей был неизвестен.

Два года Брюллов вынашивал замысел картины «Гибель Помпей». Финансирование взял на себя шестнадцатилетний Анатолий Демидов, обладатель колоссальных богатств, владелец заводов и фабрик в России и за границей.

Положив в основу действительное событие, Карл Павлович старался передать дух и атмосферу той страшной ночи. Молнии разверзли небеса, огнедышащая лава кипящим потоком низвергается по склону вулкана. Мечутся и ржут испуганные кони. С высоты падают статуи богов и императоров. Брюллову удалось придумать общую эффектную группировку, и он легко справился с колоссальной задачей. Он срисовывал одного натурщика за другим прямо на холст и превосходно по перспективе выстраивал строго археологический пейзаж. Некоторые фигуры изображал в тех самых позах, какие видел в пустотах застывшей лавы в Помпее: мать с дочерьми и упавшая с колесницы женщина.

В Петербурге знали о картине Брюллова. Те, кто побывал в Риме, кому довелось видеть художника за работой, рассказывали, что он почти не отходит от холста, случается, обессиленного, его выносят на руках из мастерской.

После одиннадцати месяцев бесперывного труда, не считая двух лет подготовки, Брюллов закончил прорисовку картины. Понадобилось еще два года, чтобы завершить ее.

«...Чудные моменты пережил я, писавши эту картину! И как теперь, вижу стоящего перед нею маститого старца Камуччини. Пришел он ко мне в мастерскую на Виа Сан Клавдио и, постояв несколько минут перед картиной, обнял меня и сказал: «Обними меня, Колосс!»

Наконец мастерская была открыта для публики, и публика повалила! «Помпея» поражала сюжетом, впечатляла декорациями и хоровыми массами, освещением и печальной судьбой действующих лиц. По свидетельству Г.Г. Гагарина, «успех картины «Гибель Помпеи» был, можно сказать, единственный, какой когда-либо встречается в жизни художника».

Произведение вызвало в Италии безграничный энтузиазм. Города, где выставлялась картина, устраивали Брюллову торжественные приемы; ему посвящали стихи, его носили по улицам с музыкой, цветами и факелами. Везде его принимали с почетом как торжествующего гения, всеми понятого и оцененного.

После Италии картина была выставлена во Франции. И здесь успех был огромным. Английский писатель Бульвер-Литтон испытал настоящее потрясение и взялся за роман «Последние дни Помпеи». В Петербург картина прибыла в 1834 году. Сам Карл Павлович уехал на Восток путешествовать.

*Принес ты мирные трофеи
С собой в отеческую сень,
И стал «Последний день Помпеи» —
Для русской кисти первый день!*

(Е. Баратынский)

Стоял август. У подъезда императорской Академии художеств было не протолкнуться. Жаждавшие с трудом пробирались в Античный зал, где висела «Помпея». Решетка отделяла картину от публики. Конечно, зрители представляли, что увидят нечто колоссальное, но то, что увидели, превзошло все возможные ожидания. На полотне в тридцать квадратных метров вживую, казалось, происходит ужасающая трагедия!

Анатолий Демидов, владелец «Помпеи», подарил ее Николаю I, а тот передал полотно Академии художеств как руководство для живописцев. (После открытия Русского музея в 1895 году картина переехала туда, и к ней получила доступ широкая публика.)

Когда Брюллов вернулся из путешествия, он был провозглашен в России первым художником. Николай I наградил его лавровым венком и назвал Карлом Великим. Академия присвоила ему звание младшего профессора (до старшего, прославленный на всю Европу мастер не дотянул). Вельможи наперебой торопились заполучить его к себе, но Брюллов не любил званных обедов, говорил: «Лучше щей горшок да каша, зато дома, среди друзей».

Работая в Академии, Карл Павлович бережно пестовал молодые таланты, помогая развитию их дарования. Поправляя этюды, говорил: «Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть». Ученики приходили к нему на квартиру, и в дружеской обстановке велись беседы о литературе и искусстве. Чтобы освободить Тараса Шевченко (художника и будущего поэта) из крепостной неволи, Брюллов написал портрет Жуковского, продал и на полученные деньги выкупил своего ученика. Потом уже так и пошло: один портрет — один ученик.

Известность Брюллова как живописца росла с невероятной скоростью. Картина «Гибель Помпеи» во множестве копий и репродукций расходилась по России. Случались даже курьезы. Так однажды, прогуливаясь с друзьями, художник увидел балаган с вывеской: «Панорама Последнего дня Помпеи». Зашел, и рассмеялся:

— «Помпея» никуда не годится!

На что содержательница балагана ответила с обидой и возмущением:

— Извините, сам художник Брюллов был у меня, когда панорама находилась в Париже!

Значение Брюллова было необъятно для его современников. Маститые живописцы, подстегнутые им, его мировой мгновенной известностью, рвались наперегонки создать вторую «Помпею», это стало их горячей мечтой. Умеренные юноши тоже решили, что если им не дойти до самого Брюллова, то хотя бы попасть в его свиту. Но творчество Брюллова явилось завершением русского классицизма, дальнейший путь в этом направлении вел к бесплодному подражательству. «Помпея» от имени классицизма сказала всё, завершила классицизм с блеском, и в этом ее непреходящая ценность. Да и сам Карл Павлович не столько осознанно, сколько уга-

---

дав, показал в картине сокрушение кумиров — статуй богов и цезарей, сопоставил жреца-язычника и христианского священника, живого младенца и мертвой матери. Всё должно было внушить мысль о неотвратимости гибели старого мира и столь же неизбежной на его руинах новой жизни.

Еще до работы над «Помпеей» Брюллов познакомился с первой красавицей Петербурга графиней Самойловой, переехавшей жить в Италию. Юлия Павловна, богатая наследница двух старинных родов, была независимого поведения, собирала у себя в Петербурге просвещенных людей, и Николай I, недовольный ею, вынудил Самойлову покинуть Россию.

Брюллов стал ее горячим поклонником с первой же встречи. И немудрено, если сам Пушкин посвятил Юлии Павловне стихи, восхваляя ее многочисленные достоинства:

*Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей...*

Самойлова и Брюллов много путешествовали по Италии, отдыхали на озере Комо в роскошной вилле Юлии Павловны, бродили среди руин Помпеи, где и возник у Брюллова замысел написать картину. (В «Помпее» лицо Самойловой узнается сразу в нескольких женских образах: красавица, распростертая на земле; испуганная девушка; молодая мать, укрывающая младенца; женщина, обнимающая своих дочерей).

У Юлии Павловны были приёмные дочери Джованина и Амацилия. По ее просьбе Брюллов написал их портрет.

На всём скаку Джованина останавливает коня. Амацилия, ухватившись за решетку балкона, восхищенно смотрит на нее. Брюллов изобразил Джованину так, как до него принято было изображать только титулованных особ. Конный портрет всегда был парадным и неизбежно содержал потаенный смысл: всадник, подчинивший себе горячего скакуна, — человек властвующий. Но у Брюллова обычная девушка вернулась с обычной прогулки. Карл Павлович первым из живописцев соединил парадный портрет и бытовую сцену, создав вдохновенное полотно, воспевающее радость жизни.

Тонкое чувство формы, пластичность были отличительными свойствами портретов Брюллова, результатом его серьезного изучения классики. Еще студентом Академии художеств он сорок раз рисовал сложнейшую группу Лаокоона и двенадцать раз копировал Веласкеса.

В 1832 году «Всадница» была экспонирована в Риме и вызвала неподдельный восторг итальянцев. Написанная в нату-

---

ральную величину, сочными красками, плавной и свободной кистью, она заставила итальянскую критику сравнивать Брюллова с Рубенсом. Похвалы итальянцев не были преувеличены. Эта картина действительно явилась выдающимся произведением не только европейского, но и мирового искусства.

В 1896 году «Всадница» была приобретена Павлом Михайловичем Третьяковым как портрет Ю.П. Самойловой. Считалось, что это она изображена на холсте. Позже искусствоведы доказали, что это Джованина, воспитанница Самойловой.

Вернувшись в Россию прославленным мастером, автором «Помпеи», Брюллов продолжал заниматься портретами, но никогда не писал их с московских чиновников или купцов. Отказывая, он всегда говорил одну и ту же фразу: «У вас есть собственный превосходный художник — Тропинин».

С Тропининым он близко сошелся, когда в 1885 году приехал в Москву и провел там несколько месяцев. Еще в Италии был много наслышан об этом художнике из крепостных. В Москве знакомство переросло в дружбу. Карл Павлович высоко оценивал как талант и профессионализм, так и личные качества Василия Андреевича Тропинина. Под обаянием его бесхитростных портретов дворовых девушек, а также под обаянием популярной в России баллады В.А. Жуковского «Светлана» Брюллов написал «Гадающую Светлану». Это тоже портрет дворовой девушки, которая в крещенскую ночь гадала у зеркала на своего суженого.

Святочные гадания существовали по всей Руси. Девушки бросали валенок за ворота: в какую сторону укажет носок, оттуда и ждать жениха; лили в воду растопленный воск, фантазируя на остывших фигурках; кормили зернами курицу, загадав желание на конкретное число зерен... Способов гадания было много. Все они сопровождалось мистическими рассказами, породившими, в свою очередь, ряженых сначала в виде нечистой силы, а затем уже кто и в кого вздумает обрядиться.

Жуковский дал своей героине необычное имя — Светлана, — что лучше всего подходило к «святкам», «свету», «святости»... Имя он позаимствовал из романса Востокова — в реальной жизни такого имени не существовало. (Только после Октябрьской революции «Светлана» получило распространение в качестве личного имени). Обращение к теме Крещенских гаданий стало ценнейшей литературной находкой Жуковского, сделав балладу подлинно русской. Строки из нее стали эпиграфами, баллада вошла в «Учебную

книгу по российской словесности», вокруг нее сформировалась дворянская модель празднования святок. Произведение Жуковского заняло в дворянских семьях ту нишу, которую у крестьян занимали «страшные» святочные рассказы.

*Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...*

Критика присвоила Василию Андреевичу Жуковскому титул певца Светланы. Вторым певцом стал Брюллов, создав удивительное по своей романтичности полотно. Ночь, тусклая свеча, юная девушка в кокошнике и сарафане сидит у зеркала, вглядываясь с надеждой в его таинственную глубину..

*Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...*

Создавая картину, навеянную балладой Жуковского, художник не ограничился задачами простой иллюстрации. Сцену гадания он оживил поэтическим чувством. Как истинный новатор, счел возможным вторгнуться в душевный мир девушки, которая вся сосредоточена на мысли о своем женихе и готова сидеть перед зеркалом хоть всю ночь. В балладе Жуковского девушка засыпает перед зеркалом, видит ужасный сон, но утром уже все иначе:

*Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки: кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.*

И хотя «Гадающая Светлана» не оказала существенного влияния на русскую живопись, но психологическую тенденцию картины можно проследить у всех больших мастеров: от Крамского и Перова до Серова и Врубеля.

Портретной живописью Брюллов занимался всю свою жизнь, безоглядно переступая границы сложившихся традиций, стремясь приблизить искусство к действительности. Он желал воссоздать непосредственность и конкретность живых связей человека с окружающей средой, что являлось в его время задачей только жанриста. Писал с чувством, любясь красотой и живописностью мира. Портреты Брюллова — большие парадные, импозантные, «сюжетные» портреты светских красавиц — явление в своем роде единственное и больше уже не повторявшееся в русском искусстве.

Колоссальное физическое и духовное напряжение рано подорвало здоровье Карла Павловича. «Мою жизнь можно уподобить свече, которую жгли с двух концов и посередине держали калеными щипцами...» — скажет Великий Карл — гений русской живописи, бесконечно усталый и разочарованный человек. Сколько замыслов осталось не воплощенными! Не разрешили по уже готовым эскизам расписать Пулковскую обсерваторию, построенную по проекту брата Александра, не доверили внутреннее оформление Зимнего дворца после пожара. Четыре года Карл Павлович работал над росписями Исаакиевского собора, но из-за болезни по его картонам работу закончил другой художник.

Член Миланской и Пармской академий, Академии Святого Луки в Риме, профессор Петербургской и Флорентийской академий художеств, почетный вольный сообщник Парижской Академии искусств Карл Павлович Брюллов прожил только 53 года.

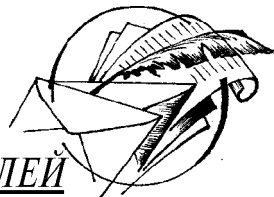

СВЯЩЕННЫЙ ДАР СЛОВА

Многие учёные утверждают, что раз произнесённые или воплощённые в событиях слова «запечатлеваются в любой точке Вселенной навсегда» (Ф.Я. Шипунов). Слово — одно из имён, которым Иоанн называет Иисуса Христа: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и слово было Бог» (Иоанн, 1;1). Слово «человек» этимологически восходит также к «слову». В шестой день творения Бог сказал: «Да сотворим человека по подобию и образу Нашему». При этом Господь дал венцу Своего творения не только высший разум, духовные чувства и свободную волю, но и Своё имя: «Слово» — словек — цловек — человек — человек. В некоторых языках юго-западных славян до сих пор употребляется «словек». Отсюда названия: Словакия, Словения, славяне, т.е. этимология этих слов тоже восходит к «слову».

Но славяне до начала IX века не имели своей письменности, а Слово Божие требовало начертания и прочтения на родном языке. А потому великий просветитель славян Кирилл в 863 году, взяв за основу древнюю глаголицу, создаёт славянскую азбуку — Кириллицу. Вместе с братом Мефодием они переводят Священное Писание на славянский язык. Вскоре Божие Слово распространяется в Моравии, Чехии, Болгарии, Сербии, на Руси. Все книги, без которых не может совершаться богослужение: Евангелие, Апостол, Псалтырь, избранные службы, написаны кириллицей.

Как же мудры были наши предки XVIII — XIX и начала XX веков, называя литературу (восходящую к

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

букве «літера»), боле ёмким и глубоким словом «словесность», опять же восходящему к «слову» как Божьему дару, который нельзя осквернять, опошлять. «Образование» — образ, т.е. икона, восстановление в человеке образа Божия. «Безобразия» — потеря этого образа, без образа. Потому у православных почитание икон: взирая на Образ Божий, мы вспоминаем о Боге и стремимся к Первообразу, т.е. к Господу. «Личность» — уподобление Тому, Кто есть носитель Лица. Личностные качества — положительные, восходящие к Творцу, Его Лику. «Безличностные» — отрицательные, уводящие от Бога.

Просвещение — свет, оно свято у Бога. На иконах Иисуса Христа, Божией Матери и других святых вокруг головы — ореол света, святости, нимб. В одной из утренних молитв, обращённой к Спасителю, читаем: «Ты бо еси истинный Свет, просвещает и освещает всяческая». Тех, кто смело нёс Православие в свет, называют святителями — Николай Мир Ликийских, Георгий Конисский, Кирилл Туровский.

Ученики наших начальных классов, СШ №1 г. Лиозно Витебской обл., которые приходят в школьный музей на занятия группы «Озарение», знают, что если мы скажем «а, б, в», то это означает лишь первые три буквы алфавита. Но если мы назовём их по кириллице: аз, буки, веди, то это целое предложение: «Я буквы знаю».

Если по-русски: «р, с, т», то по-славянски: «Рцы слово твёрдо» — говори слово надёжно, не хитря и не лукавя. «Ж, е, д» — тоже ни о чём не говорят, а по-славянски: «Жизнь есть добро». Е — есть, Г — глаголь, З — земля, Л — люди, М — мысль, П — покой и т.д. «Мысль есть добро». Слову предшествует мысль. Если мысль будет добрая, то и слово тоже будет доброе. Получается, что ребёнок в прежние времена, изучая азбуку, постигал основы нравственности: «Покой есть добро», т.е. мир и согласие всегда хорошо.

Великие просветители славян Кирилл и Мефодий, несмотря на большие гонения со стороны латинян и язычников, раскрыли славянам смысл Божиего Слова и научили передавать дар слова на письме.

Хотелось бы пригласить читателей нашего журнала к размышлениям на эту тему.

Нина ТИХОМИРОВА

г. Лиозно Витебской обл.